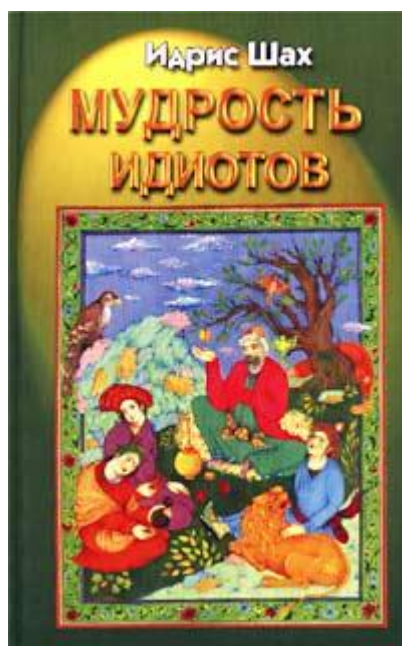

Идрис Шах

Мудрость идиотов

СОДЕРЖАНИЕ

Поскольку то, что представляется мудростью узкомыслящим людям, часто рассматривается суфиями как глупость, суфии по контрасту иногда называют себя “Идиоты”.

В то же время по счастливой случайности арабское слово “Святой” (уали) имеет тот же самый числовой эквивалент *), что и слово “Идиот” (балид).

Поэтому мы имеем двойной повод рассматривать великих суфиев как наших собственных “идиотов”.

В этой книге содержится кое-что из их мудрости.

* сумма порядковых номеров букв арабского алфавита, имеющая большое значение в семантике арабского языка (пер.)

В Приложении — вопросы и ответы о суфизме, о человеке с необъяснимой судьбой и Слово Раджниша.

НЕБЕСНЫЙ ПЛОД

Жила-была женщина, которая слышала о небесном плоде. Она возжелала его.

Она спросила некоего дервиша, которого мы будем называть Сабар: “Как я могу найти этот плод, чтобы достичь немедленного знания?” “Лучшим советом было бы сказать, чтоб ты училась со мной,— сказал дервиш.— Но если ты этого делать не будешь, то тебе нужно намеренно странствовать по всему миру, временами без всякого отдыха”.

Она ушла от него и нашла другого, Ариф-мудрого, а затем нашла Хакима-мудреца, затем Маджуда-безумного, затем Алима-ученого, и много, много других...

Она провела 30 лет в своих поисках. Наконец она пришла в сад. Там стояло Древо Небес, и на его ветке висел яркий Небесный Плод. Около Дерева стоял Сабар, первый дервиш.

“Почему ты не сказал мне, когда мы впервые встретились, что ты являешься Хранителем

Небесного Плода?” — спросила она его. “Потому что тогда ты не поверила бы мне. Кроме того, дерево приносит Плод только один раз в тридцать лет и тридцать дней”.

ВЫСОКОМЕРНЫЙ И ЩЕДРЫЙ

Суфии, в отличие от других мистиков или предполагаемых обладателей особого Знания, имеют репутацию высокомерных. Это высокомерие, как они сами говорят, обязано только непониманию их поведения другими людьми. “Человек,— говорят они,— который умеет получать огонь без трения дерева о дерево и говорит об этом, будет казаться высокомерным тому, кто этого не умеет”.

Они также считаются в крайней степени щедрыми. Их щедрость, говорят они сами, в том, что имеет реальное значение. Их непривязанность к материальным вещам является лишь отражением их щедрости в мудрости.

Люди, желающие изучать суфийский путь, часто практикуют щедрость в отношении материальных ценностей в попытке достичь высшей формы щедрости.

Как бы то ни было, есть одна занимательная сказка о трех щедрых людях из Аравии.

Однажды возник среди арабов спор относительно того, кто является самым щедрым среди живущих. Споры шли целыми днями и в конце концов количество кандидатов, с общего согласия, было сведено до трех.

Поскольку сторонники этих трех были на грани того, чтобы перейти к кулачному выяснению спора, был назначен комитет, чтобы прийти к окончательному решению. Комитет решил, что в виде наглядного испытания каждому из этих трех людей должно быть послано письмо следующего содержания: “Твой друг Ваис в большой нужде. Он просит тебя помочь ему материально”.

Были выбраны три представителя, чтоб они разыскали этих людей, передали им послание и сообщили о результатах.

Первый посланец прибыл к дому Первого Щедрого Человека и рассказал то, что поручил ему сказать комитет.

Первый Щедрый Человек сказал: “Не беспокой меня такими пустяками. Просто возьми все, что захочешь из того, что мне принадлежит, и отдай это моему другу Вайсу”.

Когда посол вернулся, собравшиеся люди решили, что верно не может уже быть большей щедрости, чем эта — и высокомерия тоже.

Но второй посланец, когда он передал свое письмо, получил такой ответ от слуги Второго Щедрого Человека: “Поскольку мой хозяин действительно очень высокомерен, то я не мог побеспокоить его посланием какого бы то ни было рода. Но я отдам тебе все, что он имеет, а также и дарственную на его недвижимое имущество”.

Комитет, получив такой ответ, вообразил, что, без сомнения, это и есть самый щедрый человек в Аравии. Однако, они еще не рассмотрели результатов миссии третьего посланца.

Он прибыл к дому Третьего Щедрого Человека, который сказал ему: “Упаковывай пока все мое имущество и возьми эту записку к ростовщику, чтоб ликвидировать все недвижимое, а затем подожди здесь немного, пока к тебе не придет человек от меня”. С этими словами Третий Щедрый Человек вышел.

Когда посланец выполнил свою задачу, он обнаружил, что у двери его уже ждет рыночный агент.

Агент сказал: “Если ты являешься посланцем от Ваиса к его другу, то я должен передать тебе деньги за одного раба, только что проданного на рынке рабов”.

Рабом был Третий Щедрый Человек.

Рассказывают далее, что сам Ваис, который был членом судейского комитета, посетил через несколько месяцев некий дом, где обслуживающий его раб оказался его другом. Третьим Щедрым Человеком.

Ваис сказал: “Шутка может зайти слишком далеко! Не время ли сейчас освободиться тебе из рабства?”

Третий Щедрый Человек, который был Суфием, сказал: “Шутка для одних может не быть

шуткой для других. Кроме того, я, согласно с законом, зарабатываю свое освобождение по договоренности с моим Хозяином. Осталось каких-нибудь два-три года, пока я буду опять свободен”.

ЛАРЕЦ С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

Есть сказка о женщине, которая несла в мастерскую ювелира ларец с различными драгоценностями. Как раз у мастерской она споткнулась, и коробка упала на землю. Крышка отскочила от ларца, и драгоценные камни рассыпались во все стороны.

Помощники ювелира выбежали из магазина, чтобы помешать прохожим подобрать какой-нибудь самоцвет, и помогли женщине собрать драгоценности.

Страус, который бродил поблизости, пробежал мимо и, незамеченный в общем возбуждении, проглотил самый большой и лучший камень.

Когда женщина не обнаружила этого камня, она начала плакать, но несмотря на общие поиски камня нигде не нашли.

Кто-то сказал: “Единственный, кто мог взять этот камень, так это вон тот дервиш, что спокойно сидит у стены мастерской”.

Дервиш видел, как страус проглотил камень, но он не хотел, чтобы проливалась кровь. Поэтому, когда он был схвачен, обыскан и даже побит, он не сказал ничего, кроме: “Я совсем ничего не брал”. Когда его били, один из его товарищей подошел и напомнил толпе, что следует быть осторожнее в своих действиях. Его также схватили и обвинили в том, что он, вероятно, взял камень у первого дервиша, несмотря на все его возражения.

Таким образом развивались события, пока не появился человек, обладающий Знанием. Заметив страуса, он спросил: “Была здесь эта птица, когда упал ларец?”

“Да” — сказали люди.

“В таком случае,— ответил он,— обратите свое внимание на страуса”.

Владельцу страуса была уплачена стоимость птицы, которая затем была убита. В ее желудке был найден пропавший самоцвет.

АХРАР И БОГАТАЯ СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА

Эмирудин Арози, который происходил из семьи, хорошо известной за ее приверженность к убеждениям секты энтузиастов, встретил мудреца и сказал ему:

“Моя жена и я в течение многих лет намеренно пытались идти по пути дервишей. Сознывая то, что мы знаем меньше, чем многие другие, мы долгое время удовлетворялись тем, что тратили наше богатство во имя Истины. Мы следовали за людьми, которые взяли на себя ответственность учить и в которых мы теперь сомневаемся. Мы горюем не о том, что мы потеряли в материальных вкладах, растроченных на неэффективные коммерческие предприятия во имя Задачи нашими последними наставниками, мы горюем о потраченном времени и усилиях и о тех людях, которые все еще находятся в состоянии подчинения заблуждающимся и много о себе мнящим учителям— о людях, которые бездумно занимают дом, где правят два лжесуфия, в атмосфере совершенно ненормальной”.

Мудрец, которого традиция именует Кхваджа Ахрар, Господин Свободных, ответил:

“Вы порвали свою привязанность к “учителям”-имитаторам, но вы еще не отвратились от почитания самих себя, которое заставляет вас воображать, что вы несете ответственность за пленников лжи. Многие из этих пленников еще сами не выпутались из сетей обмана, поскольку они тоже не отвратились от обмана и хотят легкого знания”.

“Что нам следует делать?” — спросил Эмирудин Арози.

“Приходите ко мне с открытым сердцем и без условий, даже если эти условия — служба человечеству или условие, чтоб мои проявления имели какой-нибудь смысл,— сказал Мастер. — Потому что освобождение ваших товарищей может быть делом экспертов, но не вашим. Ваша способность даже к тому, чтобы составить мнение обо мне, искалечена, и, что касается меня, то я отказываюсь полагаться на нее”.

Однако, что совершенно естественно, боясь, что они могут сделать другую ошибку, Арози и его жена ушли, чтобы найти другого человека, который бы поддержал их. Они нашли. Он, как оказалось потом, был просто еще одним шутком.

Прошли еще годы, и супруги направили свой путь обратно к дому Кхваджи Ахрара. “Мы пришли в полном смирении,— сказали они привратнику,— чтоб отдать себя в руки Господина Свободных, как если бы мы были трупами в руках обмывателя трупов”.

“Добрые люди,— сказал привратник,— ваша решимость кажется отличной и совсем такая же, как решимость тех, кого Господин Свободных принял бы как учеников. Но у вас уже нет второго шанса в вашей жизни — потому что Кхваджа Ахрар мертв”.

БАХАУДИН И БРОДЯГА

Бахаудин Эль-Шах, великий учитель дервишей Накшбанди, однажды встретил собрата на большой площади Бухары.

Вновь пришедший был бродячим каландаром из ордена Маламати “Люди укора”. Бахаудин был окружен учениками.

“Откуда ты пришел?” — спросил он прибывшего обычной суфийской фразой.

“Представления не имею”, — сказал тот, глупо улыбаясь.

Некоторые из учеников Бахаудина пробормотали свое неудовольствие таким неуважением.

- Куда ты идешь? — настаивал Бахаудин.

- Не знаю,— крикнул дервиш.

- Что есть бог?! — к этому времени вокруг собралась большая толпа.

- Не знаю.

- Что есть зло?

- Представления не имею.

- Что правильно?

- Все, что хорошо для меня.

- Что неправильно?

- Все, что плохо для меня.

Толпа, выйдя из терпения, так раздражал ее этот дервиш, прогнала его прочь. Он ушел целенаправленно, в том направлении, которое вело в никуда настолько, насколько каждый знал.

“Дураки! — сказал Бахаудин Накшбанд.— Этот человек играет часть человечества. В то время, как вы отвергали его, он намеренно демонстрировал безголовость, как ее демонстрирует каждый из вас, все несознательно, каждый день вашей жизни.

ПИЦЦА И ПЕРЬЯ

Где-то, когда-то, и это правдивая история, жил-был студент. Ежедневно он уходил сидеть у ног суфийского учителя, чтобы записывать на бумагу то, что сказал Мастер. Поскольку он был настолько полностью занят своим учением, то он был неспособен заниматься каким-нибудь полезным занятием.

Однажды вечером, когда он пришел домой, то его жена поставила перед ним горшок, накрытый платком. Он поднял платок, обвязал им шею и тогда увидел, что горшок был полон бумаги и пишущих перьев.

“Поскольку это то, что ты целый день делаешь,— сказала жена,— попробуй теперь есть это”.

На следующее утро студент ушел как обычно учиться у своего учителя. Хотя слова жены расстроили его, он продолжал следовать привычному распорядку занятий, а не шел искать по городу работу. Через несколько минут записывания он обнаружил, что его перо плохо пишет. “Ничего,— сказал учитель,— иди вон в тот угол, принеси ящик, который ты там найдешь, и поставь его перед собой”.

Когда он уселся с ящиком и открыл его, то он обнаружил, что ящик полон... пищей.

ВЗГЛЯД СИЛЫ

Дервишу, который учился у ног великого суфийского учителя, было сказано, чтобы он усовершенствовал свое знание в упражнениях по чувствительности. Затем он должен был вернуться к своему Мастеру для дальнейших инструкций. Он удалился в лес и стал концентрироваться на внутреннем созерцании с огромной силой и прилежанием до тех пор, пока почти ничего уже не могло побеспокоить его.

Однако, он недостаточно хорошо концентрировался на необходимости в равной степени удерживать все объекты в своем сердце, и его жажда добиться успеха в своем упражнении, оказалась несколько сильнее, чем его решение вернуться в ту школу, из которой он был послан медитировать.

И так оказалось, что однажды, когда он концентрировался на своем внутреннем “Я”, слабый звук достиг его слуха. Раздраженный этим, дервиш взглянул вверх на ветку дерева, с которой, казалось, доносился звук, и увидел птичку. В голове у него пронеслась мысль, что такая птичка не имеет права мешать упражнениям столь преданного своему делу человека. Как только он осознал эту мысль, птичка упала к его ногам мертвой.

Здесь следует сказать, что дервиш не был настолько далеко продвинувшимся на суфийском пути, чтобы понимать, что по всему этому пути есть испытания. Все, что он мог увидеть в тот момент, так это то, что он достиг такой силы, которой никогда не имел ранее. Он смог убить живую тварь или, может быть, даже она была убита какой-нибудь другой силой, находящейся вне его, за то, что она помешала его самоуглублению!

“Должно быть, я действительно великий суфий”, — подумал дервиш.

Он поднялся и пошел к ближайшему городу. Добравшись туда, он нашел хорошенький домик и решил попросить там чего-нибудь поесть. Когда на его стук какая-то женщина открыла дверь, дервиш сказал:

“Женщина, принеси мне пищи, потому что я продвинувшийся дервиш, а в том, чтобы накормить того, кто находится на пути, есть заслуга”.

“Так быстро, как только смогу, почтенный дервиш”, — ответила дама и исчезла внутри.

Но прошло довольно долгое время, а женщина все не возвращалась. С каждой проходящей минутой дервиш становился все более и более нетерпеливым. Когда женщина вернулась, он сказал ей:

“Считай себя счастливой, что я не направил на тебя ярость дервиша, потому что разве не каждый знает, что несчастье может прийти из-за непослушания избранному”.

“Несчастье действительно может прийти, если не способен воспрепятствовать ему через свой собственный опыт”, — сказала женщина.

“Как ты смеешь отвечать мне подобным образом?” — закричал дервиш. — И что ты хочешь этим сказать?”

“Я только хочу сказать, — сказала женщина, — что я не птичка на лесной опушке”.

При этих словах дервиш остолбенел. “Мой гнев не причиняет тебе вреда, и ты даже можешь читать мои мысли”, — пробормотал он. И он попросил женщину стать его учителем. “Если ты не послушал своего собственного, первоначального учителя, то ты у меня тоже потерпишь неудачу”, — сказала женщина. “Ну, по крайней мере, скажи мне, каким образом ты достигла более высокого уровня понимания, чем я”, — спросил дервиш. “Слушаясь моего учителя. Он говорил мне, чтобы я внимательно относилась к его лекциям и его упражнениям, когда он вызывал меня. Во всякое остальное время я должна была рассматривать свои мирские задачи как упражнения. Таким образом, хотя я не слышала о нем по многу лет, моя внутренняя жизнь постоянно расширялась, давая мне такие силы, которые ты видел, и много других”.

Дервиш вернулся в теккию * к своему учителю, чтобы тот руководил им дальше. Мастер отказался обсуждать с ним что-либо, но просто сказал, когда тот появился: “Иди и служи под руководством такого-то мусорщика, который чистит улицы в таком-то и таком-то городе”.

* Учебный центр суфиев.

Поскольку дервиш рассматривал своего учителя как стоящего очень высоко, он отправился в этот город. Но когда он прибыл на место, где работал мусорщик, и увидел, как тот стоит там покрытый грязью, он не захотел приблизиться к нему и не мог даже вообразить себя его слугой.

Пока он стоял там в нерешительности, мусорщик сказал, обратившись к нему по имени: “Ладжавард, какую птичку ты убьешь сегодня? Ладжавард, какая женщина может прочесть твои мысли сегодня? Ладжавард, какую неприятную обязанность возложит на тебя твой учитель завтра?”

Ладжавард спросил его: “Как ты можешь читать у меня в уме? Как может мусорщик делать такие вещи, на которые не способен благочестивый отшельник?”

Мусорщик сказал: “Некоторые благочестивые отшельники могут делать эти вещи, но они не делают их для тебя, потому что у них есть другие дела. Для тебя я выгляжу как мусорщик, потому что это мое занятие. Поскольку тебе не понравилась работа, тебе не понравился и человек. Поскольку ты воображаешь, что святость состоит в омовениях, поклонах и медитации, ты никогда не достигнешь ее. Я достиг тех способностей, которые имею сейчас, потому что я никогда не думал о святости — я думал о долге. Когда люди учат тебя долгу перед твоим Мастером или долгу перед чем-нибудь святым, они учат тебя долгу, дурак! Все, что ты можешь видеть, так это “долг перед человеком” или “долг перед храмом”. Поскольку ты не можешь сконцентрироваться на долге, то ты все равно, что уже потерял”.

И Ладжавард, когда он смог забыть то, что он был слугой мусорщика, и понял, что быть слугой это долг, стал человеком, которого мы знаем Просветленный, Чудотворец, Шейх Абдурразад Ладжаварди из Бадахшана.

НИЧЕГО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, КРОМЕ ТОГО, ЧТО ОН ЗАСЛУЖИЛ

Высший опыт и знание станут доступными для мужчины или женщины в точном соответствии с тем, чего этот человек стоит, с его способностью и насколько он это заслужил. Поэтому, если осел видит арбуз, то он съедает его ботву; муравьи съедят то, что смогут ухватить; человек употребит целое, не зная, что он употребил.

Наша цель состоит в том, чтобы достичь, путем понимания Источника,— знания, которое приходит через опыт. Этого могут достичь, так же как с путешествием, только те, кто уже знает Путь. Справедливость этого состояния является величайшей из всех справедливостей. Поскольку в то время, как это знание не возможно удержать от того, кто его заслуживает, оно не может быть дано тому, кто его не заслуживает.

Это единственная субстанция с различающей способностью, присущей ей самой,— врожденной справедливостью.

(Юсуф Хамадани)

МОЛОКО И СЛИВКИ

Мурид Лаки Хамаюн поставил этот вопрос перед Мауляной Бахаудином:

— В городе Гулафшане есть круг последователей. Некоторые из них находятся в состоянии упражнений, но большинство — это те, которые собираются еженедельно, чтобы учиться от общения и поучений муршида (проводника). Многие из муридов (учеников) понимают значение сказок и событий и используют их для того, чтобы исправить свое внешнее и внутреннее поведение. Многие из внешних последователей, однако, видимо, не получают пользы от событий и высказываний, разыскивая вместо этого книги и учения, которые дадут им точное обещание прогресса. Как это так происходит, что ученикам больно, когда обычные последователи не могут понять значение сказок и событий? Особенно поскольку многие из последних являются их близкими друзьями, и каждый желает единства между учениками и последователями даже внешнего сорта.

Бахаудин ответил: “Ученичество было введено для того, чтобы сконцентрировать тех, кто может учиться без незрелых задач. Ученики, которые горюют из-за того, что их приятели не учатся тем же образом, как они, горюют потому, что они вообразили, будто привязанность может дать способность. Способность, однако, зарабатывается, а внимание дается и берется. Случайные собрания людей, объединяющихся вокруг учения, всегда претерпят сепарацию точно так же, как

сепарируется масло из молока в присутствии встряски, которая проявлена или скрыта, но тем не менее присутствует всегда, когда начинается обновление учения. Это и является встряхиванием сосуда с молоком. Люди воображают, что подобно сливкам, когда имеется движение, они подвергнутся одному и тому же воздействию и добьются одного и того же. Однако, как масло, так и обрат, имеют свои собственные функции, хотя эти функции могут быть в различных сферах.

ТАЛИСМАН

Рассказывают, что факир, который хотел учиться без всяких усилий, был через некоторое время изгнан из круга Шейха Шаха Гваташаттара. Когда Шаттар отпускал его, факир сказал:

- У тебя есть репутация, что ты способен обучить всей мудрости в мгновение ока и в то же время ты ждешь, чтоб я проводил с тобой так много времени!

- Ты еще не научился учиться тому, как учиться. Однако ты обнаружишь, что я имею в виду,— сказал суфий.

Факир притворился, что он ушел, но каждую ночь вместо этого подкрадывался к теккие для того, чтобы посмотреть, что делает Шейх. Через короткое время он увидел, как Шах Гват взял из какого-то инкрустированного металлического ларца драгоценный камень. Этот самоцвет он держал над головами своих учеников, говоря:

- Это передатчик моего знания и ничто иное, как Талисман Просветления.

“Так это и есть секрет силы Шейха”,— подумал факир. Той же самой ночью он пробрался в зал медитаций и украл талисман. Однако, как он ни старался, в его руках драгоценный камень не открывал никакой силы и никаких секретов. Он был горько разочарован. Он стал учителем, наберновал учеников и пытался вновь и вновь просветить их или самого себя при помощи талисмана, но все было напрасно.

Однажды он сидел у своей святыни после того, как его ученики ушли спать, размышляя над своими проблемами, и вдруг заметил Шаттара, который появился перед ним.

- О, факир!—сказал Шах Гват.— Ты всегда можешь украсть что-нибудь, но ты не всегда можешь заставить это работать. Ты можешь украсть даже знание, но оно будет бесполезным для тебя подобно тому, как вору, который украл бритву у брадобрея (сделанную благодаря знанию кузнеца), но не имеющему знания о том, как брить, бесполезна эта бритва. Он объявляет себя брадобреем и погибает из-за того, что он не смог не только сбрить хоть одну бороду, а перерезал вместо этого не сколько горл.

- Но у меня есть талисман, а у тебя нет,— сказал факир.

- Да, у тебя есть талисман, но я Шаттар,— сказал суфий.— Своим умением я могу сделать другой талисман, ты же со своим талисманом не можешь стать Шаттаром.

- Зачем же тогда ты пришел —просто мучить меня? — вскричал факир.

- Я пришел сказать тебе, что если бы ты мыслил не настолько буквально, как воображая, будто иметь вещь — это то же самое, что и быть способным измениться при помощи ее, то ты был бы готов учиться тому, как учиться.

Однако факир считал, что суфий просто пытается заполучить обратно свой талисман и, поскольку он не был готов учиться тому, как учиться, то он решил неуклонно продолжать свои эксперименты с драгоценным камнем. Его ученики продолжали делать так и их последователи и их тоже. Фактически ритуалы, которые являются результатом его неустанного эксперимента, в наши дни составляют сущность их религии. Никто не может себе вообразить, настолько эти события стали освящены временем, что обычаи имеют свое собственное происхождение в тех обстоятельствах, которые только что были рассказаны.

Почтенные практики веры стараются также быть настолько благочестивыми и безупречными, что эта вера никогда не умрет.

ДИСПУТ С УЧЕНЫМИ

Сообщают, что Бахаудина Накшбанда спросили:

- Почему ты не дискутируешь с учеными? Такой-то и такой-то мудрец регулярно это делает. Это приводит к полному замешательству ученых и к неизбежному обожанию его собственных учеников.

Он сказал:

- Пойдите и спросите тех, кто помнит то время, когда я сам препирался с учеными. Я регулярно разрушал их убеждения и их воображаемые доказательства с относительной легкостью. Те, кто тогда присутствовал на этих многочисленных собраниях, расскажут вам об этом. Но однажды человек более умный, чем я, сказал: “Ты на столько часто и предсказуемо стыдишь людей языка, что в этом есть монотонность, и это в особенности так, поскольку это не является окончательной целью, так как ученые без понимания продолжают делать ошибки долгое время после того, как их положение было разрушено”. Он добавил: “Твои ученики находятся в состоянии постоянного удивления твоими победами. Они научились уважать тебя. Вместо этого они должны бы были воспринять относительную бесполезность и отсутствие значимости твоих оппонентов. Таким образом, ты в победе потерпел поражение, скажем, на четверть. Их удивление также берет очень много их времени, тогда как они могли бы воспринимать что-нибудь стоящее. Поэтому ты потерпел поражение, пожалуй, еще на четверть. Две четверти равны одной половине. У тебя осталась половина шанса”.

Это было двадцать лет назад. Вот почему я не обращаю внимания ни своего, ни своих учеников на ученых. Ни ради победы, ни ради поражения.

Вновь и вновь можно нанести удар мящим о себе ученым, чтобы продемонстрировать их пустоту ученикам. Так же, как ударяешь по пустому горшку. Делать большее является одновременно как тратой времени, так и приданием важности интеллектуалам путем того, что даешь им даровое внимание, которого они наверняка не достигли бы сами.

СКАЗКА О ХИРАТИ

Во времена короля Махмуда, завоевателя Газны, жил-был молодой человек по имени Хайдар Али Джан. Его отец Искандер Хан решил добиться для него благоволения Императора, и он послал его учиться духовным предметам под руководством величайших мудрецов того времени.

Хайдар Али, когда он добился мастерства в повторениях и упражнениях, когда он узнал наизусть тексты и позы тела суфийских школ, был приведен своим отцом к Императору.

- Могущественный Махмуд,- сказал Искандер. - Этого юношу, моего старшего и самого умного сына, я специально обучил путям суфиев для того, чтобы он мог достичь стоящего положения при дворе Вашего Величества, так как я знаю, что Вы являетесь главой всех ученых нашей эпохи.

Махмуд не поднял головы. Он просто сказал: “Приведи его через год”.

Слегка разочарованный, но лелея большие надежды, Искандер послал Али изучать труды великих суфиев прошлого и посетить гробницы древних мастеров в Багдаде для того, чтобы время ожидания не пропало даром. Когда он привел юношу обратно ко двору, он сказал:

- Павлин века! Мой сын выполнил трудные путешествия и в то же самое время к своему знанию упражнений он прибавил полное знакомство с классическими произведениями Людей Пути. Прозкзаменуй его, чтобы выяснилось, что он может быть полезным при дворе Вашего Величества.

- Пусть он,— сказал немедленно Махмуд,— вернется еще через год.

В течение следующих двенадцати месяцев Хайдар Али пересек реку Оксус (Примеч.: Аму-Дарья), посетил Бухару и Самарканд, Каср-и-Арифин и Ташкент, Душанбе и могилы суфийских святых в Туркестане. Когда он вернулся ко двору, Махмуд из Газны один раз взглянул на него и сказал:

- Он может придти через следующий год.

В этот год Хайдар Али совершил паломничество в Мекку. Он побывал в Индии и в Персии, познакомился с редкими книгами и никогда не упускал возможности разыскать и посетить великих дервишей того времени. Когда он вернулся в Газну, Махмуд сказал ему:

- Теперь выбери учителя и, если он возьмет тебя, возвращайся через год.

Когда этот год прошел и Искандер Хан приготовился отвезти своего сына ко двору, Хайдар Али не проявил никакого интереса: он просто сел у ног своего учителя в Герате и ничто из того, что мог сказать его отец, не могло сдвинуть его с места.

- Я потратил свое время и деньги, а этот молодой человек провалил испытания, возложенные на него Махмудом Королем,—заплакал он и бросил все это дело.

Тем временем день, когда юноша должен был предстать при дворе, пришел и прошел. И тогда Махмуд сказал своим придворным:

- Приготовьтесь посетить Герат. Там есть некто, кого я хочу увидеть.

Когда кавалькада Императора въезжала в Герат под музыку трубачей, учитель Хайдара Али взял его за руку. Он подвел его к воротам теккии, и там они стали ждать. Вскоре после этого Махмуд и его придворный Айяз, сняв обувь, предстали в святом месте.

- Вот, Махмуд,— сказал суфийский Шейх,— тот человек, который был ничто в то время, как он посещал королей, но который теперь является тем, кого посещают короли. Возьми его как своего суфийского советчика, потому что он готов.

Это рассказ об учении Хирави, Хайдар Али Джана, мудреца из Герата.

КОЕ-ЧТО, ЧЕМУ МОЖНО НАУЧИТЬСЯ У МИРИ

Известный суфийский мудрец Баба Саифдар имел ученика по имени Мири, который часто жаловался на то, что Саифдар едва замечает его с тех пор, как он был допущен к ученичеству.

- Я был в лучшем положении до того, как он сделал меня учеником,— говорил он,— потому что тогда со мной обращались по крайней мере как с другом, и я мог получать пользу от такого товарищества.

Баба Саифдар, однако, знал внутреннее состояние своего ученика, но не делал никаких замечаний по этому поводу на своих редких встречах. Он предпочитал ждать шанса, чтобы представить эффективную демонстрацию отношения и его значения. Однажды Мири давал свидетельские показания в открытом дворе суда, когда мимо проходил Баба Саифдар. Судья как раз перед этим сказал свидетелю: “Ты действительно помнишь, что ты видел, как обвиняемый участвовал в воровстве?” Мири, заметив своего учителя, и по ассоциации вспомнив только упражнение самовоспоминания, которое он изучал у него, невольно выкрикнул: “Я помню!”

Предполагаемый вор был немедленно осужден на основании показаний свидетеля, который видел своими глазами. Он был невиновен и, когда Мири добился пересмотра, то его самого чуть не осудили за ложные показания. Когда его в конце концов выпустили, Баба сказал ему:

- Это параллель, в обычных вещах, того, что может случиться в более глубоких делах. Если кто-либо хвалит своего учителя или жалуется на него, то это ведет к глупости. К этому же приводит любое неуважение к его правилам. То, что видно учителю, не видно ученику.

“Я могу лишь надеяться, что мой пример будет представлять ценность для других, чтобы они могли не только не попадать в такого рода ситуации, но и смогли бы, благодаря этому, продвинуться к более высоким вещам”, - сказал Мири.

По этой причине эту сказку иногда называют уроком Мири.

ИДОЛ СУМАСШЕДШЕГО КОРОЛЯ

Жил однажды жестокий невежественный король-идолопоклонник. Однажды он поклялся, что если его личный идол предоставит ему определенные преимущества в жизни, то он поймает первых трех людей, проходящих мимо его замка, и обратит их в идолопоклонников. Конечно же желание короля было исполнено и он немедленно послал солдат на дорогу, чтобы они привели к нему первых же трех людей, каких встретят. Случилось так, что этими троими оказались: ученый, Сеид (потомок пророка Магомеда) и проститутка. Бросив их перед идолом, ненормальный король рассказал им о своей клятве и приказал, чтобы они кланялись перед изображением. Ученый сказал: “Эта ситуация без сомнения подходит под доктрину “форс мажор”. Есть многочисленные прецеденты, позволяющие любому сделать вид, что он поддерживает обычай, к которому его склоняют, не накладывая на себя никаких моральных обязательств этим поступком”. Поэтому он

совершил глубокий поклон перед идолом.

Сеид, когда пришла его очередь, сказал: “Как особо защищенный человек, поскольку в моих жилах течет кровь святого пророка, я могу совершать поступки, которые сами по себе очищают любой поступок, поэтому нет никакого препятствия к тому, чтобы я поступал так, как требует этот человек”. И он склонился перед идолом.

Проститутка сказала: “Увы, у меня нет ни интеллектуального образования, ни особых преимуществ, поэтому, боюсь, что бы ты со мной ни сделал, но я не сумею почитать этого идола даже внешне”.

Эти слова внезапно рассеяли затмение сумасшедшего короля. Как по волшебству, он увидел предательство двух поклонников изображения. Тотчас же он отрубил головы ученому и сеиду и отпустил на свободу проститутку.

ДВЕ СТОРОНЫ

Частично окрашенные одежды дервишей, постоянно копируемые для учебных целей и имитируемые просто для украшения, были введены в Испании в Средние Века следующим образом.

Король франков очень любил разные парады и процессии, а также гордился своими познаниями в философии. Он попросил суфия, известного под именем Агарин, чтобы тот проинструктировал его в высшей мудрости. Агарин сказал: “Мы предлагаем тебе наблюдение и отражение, но сначала ты должен узнать их масштаб, их широту”.

“Мы уже хорошо знаем, как расширять наше внимание, хорошо изучив все предварительные ступени, ведущие к мудрости, в нашей собственной традиции”, — сказал король.

“Очень хорошо,— сказал Агарин.— Мы дадим Вашему Величеству демонстрацию нашего учения на параде завтра”.

Были сделаны необходимые приготовления и на следующий день дервиши из рибата (учебного центра) Агарина прошли строем по узким улицам этого андалузского города. Король и его придворные располагались по обеим сторонам их пути: гранды — справа, а воины — слева. Когда процессия миновала двор, Агарин вернулся к королю и сказал: “Ваше Величество, спросите, пожалуйста, Ваших рыцарей с противоположной стороны, какого цвета была одежда на дервишах”. Все рыцари поклялись честью и на священном писании, что костюмы были синими. Король и весь остальной двор были изумлены и смущены, потому что они видели совсем другое. “Мы все отчетливо видели, что дервиши были одеты в коричневую одежду,— сказал король,— а среди нас есть люди великой святости в вере и глубоко уважаемые”. Он приказал всем рыцарям готовиться к наказанию и разжалованию. Те, кто видели коричневую одежду, были отосланы в другую сторону для награды. Некоторое время длилась вся эта деятельность. Затем король сказал Агарину:

“Что за колдовство совершил ты, злодей? Что за дьявольщина может заставить самых почетных рыцарей христианских стран отрицать истину, отринуть надежду на спасение и выказать такие признаки ненадежности, которые делают их непригодными для битвы?”

Суфий сказал:

“Половина одежды, видимая с твоей стороны, была коричневой, другая половина каждого плаща была синей. Без подготовки Ваша предвзятость заставляет Вас обманываться относительно нас. Как мы можем учить кого бы то ни было и чему бы то ни было в таких условиях?”

ПРИЕМ

Мы принимаем учеников, которые хотят понять Путь. Что же относительно других? Они считают, что мы не принимаем их. Однако в действительности это они не принимают нас. Они не могут этого сделать, пока сохраняются такие странные убеждения относительно Пути. Я имею в виду две разновидности людей: тех, кто говорит: “Мы отрицаем ценность Суфизма” и тех, кто говорит: “Мы принимаем Суфизм, но это не Суфизм”. Из этих двух те, кто отрицают Суфизм, находятся в лучшем положении, чем те, кто считают, что люди, которые им не нравятся, не могут

поэтому быть и Суфиями.

Первая разновидность — это люди, которых слова других убедили, в том, что Суфизм бесполезен. Но любой может быть обманут другими.

Вторые — это те, кто обманули сами себя, вообразив нечто такое, что неверно. Ни один ученый не способен решить правильно, кто является суфием, а кто нет. Для нас всегда должны являться уроком люди, пытающиеся делать что-то такое, на что они неспособны.

АДЖМАЛЬ ХУССЕЙН И УЧЕННЫЕ

Суфий Аджмаль Хуссейн постоянно подвергался критике ученых, которые боялись, что его репутация может затмить их собственную. Они не жалели усилий на то, чтобы бросить тень сомнения на его знания, обвиняя его в том, что он прячется от их критики в мистицизме. И даже в том, что он виновен в совершении позорных поступков.

Наконец он сказал:

“Если я отвечу моим критикам, то я представлю им удобный случай бросить мне свежие обвинения, которым люди поверят, потому что им нравится верить подобным вещам. Если я не отвечу им, то они будут петушиться и кудахтать, и люди поверят, что они в действительности ученые.

Они считают, что мы, суфии, боремся с наукой. Мы этого не делаем, но уже само наше существование является угрозой для притворной науки голосистых недорослей. Наука уже давно исчезла. То, что мы имеем сейчас,— это пародия на науку”.

Ученые расшумелись более, чем когда-либо. Наконец Аджмаль сказал: “Споры не столь эффективны как демонстрация. Я дам вам возможность внутренне увидеть, на что похожи эти люди”.

Он принял “опросные листы” ученых, позволяя им проверить его знания и идеи. Пятьдесят различных профессоров и ученых прислали ему опросные анкеты. Аджмаль в каждой из них дал разные ответы.

Когда ученые собрались на конференцию, чтобы обсудить эти бумаги, то в них оказалось столь много вариантов того, во что верил Аджмаль, что каждый думал, будто именно он вывел Аджмалья на чистую воду, и отказывался отступить от своего тезиса в пользу кого-нибудь другого. Результатом был знаменитый “скандал в научном мире”. В течение пяти дней они яростно нападали друг на друга.

“Это,— сказал Аджмаль,— является демонстрацией. Что является самым важным для каждого из них, это его собственное мнение и его собственная интерпретация. Им нет никакого дела до истины. Это именно то, как они поступают с учением каждого. Пока он жив, они травят его. Когда он умрет, они становятся экспертами в его трудах. Однако реальный двигатель их активности состоит в том, чтобы соревноваться друг с другом и бороться с любым, кто не входит в их собственный круг. Хотите стать одним из них? Скорее сделайте свой выбор”.

ТИМУР И ХАФИЗ

Суфийский поэт Хафиз из Ширази написал знаменитое стихотворение:

“Если только турчанка, живущая в дальнем Ширази краю,
Мое сердце в руку свою возьмет,
За одну ее родинку Бухару отдаю!
Если хочет, пусть Самарканд берет”.

Завоеватель Тамерлан велел привести поэта к себе и сказал ему: “Как ты можешь отдавать за женщину Бухару и Самарканд? Кроме того, эти города принадлежат мне, и я не позволю никому считать, что это не так!”

Хафиз сказал ему:

“Ваша скупость смогла дать Вам власть. Моя щедрость отдала меня в Ваши руки. Ваша

скупость, очевидно, более эффективна, чем мое расточительство”.

Тамерлан рассмеялся и отпустил суфия.

СЫТЫЙ

Некий человек пришел к Бахаудину Накшбанду и сказал:

“Я странствовал от одного учителя к другому и я изучил много Путей, каждый из которых дал мне много пользы и много всяческих выгод. Теперь я хочу стать одним из твоих учеников, чтобы иметь возможность пить из источника Знания и таким образом становиться все далее и далее продвинутым на Тарике, Мистическом Пути”.

Бахаудин вместо того, чтобы прямо ответить на вопрос, велел принести обед. Когда было принесено блюдо с рисом и жареным мясом, он ставил перед гостем одну полную тарелку за другой. Затем он дал ему фрукты и пирожное. Затем велел принести еще плову и различные другие блюда: овощи, салаты, конфитюры.

Сначала этот человек был польщен, и поскольку Бахаудин проявлял явное удовольствие при каждом глотке, который делал гость, то он ел столько, сколько мог. Когда темп его еды замедлился, суфийский Шейх показал признаки очень большого недовольства, и, чтоб избежать его раздражения, несчастный человек добросовестно съел еще одно блюдо.

Когда он не мог уже более проглотить ни одного зернышка риса и в ужасном неудобстве откинулся на подушку, Бахаудин обратился к нему со следующими словами:

“Когда ты пришел навестить меня, ты был настолько же полон неперевавленными учениями, насколько ты теперь наполнен мясом и рисом. Ты чувствовал неудобство, а поскольку ты не привык к духовному неудобству реального вида, ты интерпретировал это как голод к дальнейшим знаниям. Несварение желудка — вот твое состояние.

Я могу учить тебя, если ты последуешь моим инструкциям и останешься здесь, со мной, переваривая съеденное посредством деятельности, которая не покажется тебе как-либо связанной с посвящением, но будет равносильна для тебя поеданию чего-то такого, что даст возможность твоей пище усваиваться и трансформироваться в питание, а не в вес”.

Человек согласился. Он рассказал эту историю через много десятилетий после этого, когда стал знаменитым и великим суфийским учителем Халилом Ашрафзада.

ЧАРКХИ И ЕГО ДЯДЯ

Рассказывают, что молодой ученик Чаркхи-Баба (Примеч.: Баба — дед) сидел у входа в свой дом, когда подъехал человек и сказал: “Кто ты?”.

Ученик ответил: “Я последователь Чаркхи-Баба”.

Человек сказал: “Откуда Чаркхи может иметь последователей? Я его дядя и уж я-то ясно знал бы, если б они у него были. И относительно того, что он “Баба”, ты был введен в заблуждение, сынок”.

Дядя Чаркхи оставался после этого в доме в течение долгих лет, пока не умер. Он отказывался посещать “культурные собрания”, которые проводил Чаркхи-Баба и он никогда не смог поверить в то, что Чаркхи был суфийским учителем. “Я знаю его с детства,— говорил он,— и я не могу увидеть, чтоб он чему-нибудь учил, потому что он никогда ничему не учился”. Даже после того, как Чаркхи умер, было множество людей, некоторые из них — частные посетители его дома, включая купцов, с которыми у него были деловые отношения, которые не верили, что он был святым.

Юнус Абу-Асвад Камали, теолог, высказался от имени их, говоря: “Я знал Чаркхи в течение тридцати лет, и он никогда не обсуждал со мной высших материй. У меня в уме не укладывается, чтобы такое поведение было присуще ученому человеку. Он никогда не пытался описывать свои теории и он не предпринимал попыток сделать меня своим учеником. Только от мясника я слышал, что он будто бы является суфием”.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В САМАРКАНДЕ

Хаким Искандер Зарамез и Абдулвахаб Эль Хинди проходили однажды мимо угла большого дома в Самарканде, когда они услышали дикий вопль.

“Какого-то беднягу подвергают пытке”,— сказал Эль Хинди, остановившись и застыв на месте, когда вопли усилились.

“Ты хотел бы облегчить страдания?” — спросил Зарамез.

“Естественно. Как Вали и как святой ты, конечно, можешь сделать это, если есть на то Божья воля”.

“Очень хорошо,— сказал Хаким.— И я продемонстрирую тебе нечто”.

Зарамез отошел от угла дома на пять шагов. Крики прекратились.

“Ты отошел, и крики утихли! Недаром я всегда слышал, что близость к страдающему смягчает его боль”,— сказал Эль Хинди.

Хаким усмехнулся, но ничего более не сказал, сделав знак, который у суфиев означает: “Вопрос может не иметь ответа в определенное время из-за состояния вопрошающего”.

Много лет спустя, когда Эль Хинди был в Марокко, он услышал, как некий дервиш в закрытом городе Маула Идрисс рассказывал группе учеников однажды ночью о том, что он некогда пережил.

Среди прочего дервиш сказал: “В такой-то и такой-то день месяца Рамадан Эль-Мубарак, много-много лет назад я был схвачен как бродяга из-за своей явной бедности и жалкого внешнего вида. Я был оставлен в каменной камере, устроенной внутри внешней стены дома судьи, и ожидал там суда. Это было в северной части Самарканда. Я вполне смирился со своей судьбой и молчаливо сидел в углу, погружившись в размышления, но вдруг почувствовал совершенно безошибочно, что снаружи, неподалеку от меня находится святой. Я стал кричать и вопить и метаться, потому что чувствовал на себе силу и потому что я не мог вырваться, как бы сильно я не хотел приблизиться к нему. Затем я почувствовал, что он отдалился, как если бы был обеспокоен моими криками. Я старался дать ему подойти ближе опять, заставив себя стать таким тихим и спокойным, как ночь”.

Шейх кружка дервишей сказал:

“Твой опыт мог показать тебе, что на людей особенно глубоко воздействует барака (духовная сила), когда по всему очевидному она находится вне их достижения. Вали учил тебя этому несмотря даже на то, что ты находился в тюрьме, а внешним наблюдателям могло показаться, что он делает нечто совсем другое или даже вообще ничего не делает”.

Эль Хинди сообщает: “Этот случай был началом моего реального понимания того, что не удивительно, если люди имеют “духовный опыт”. Что может быть удивительно, так это то, что так мало людей имеют его. Что еще более удивительно, так это то, что вместо того, чтобы учиться на этом опыте, они почитают его и считают его чем-то таким, чем он не является”.

КНИГА НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Претендент в ученики пришел к Бахаудину. Мастер сидел в саду после обеда в окружении своих тридцати учеников.

Вновь прибывший сказал: “Я желаю служить тебе”. Бахаудин ответил: “Лучше всего ты можешь служить мне, читая мои “РИСАЛАТ” (письма)”. “Я уже прочел”,— сказал вновь прибывший. “Если бы ты действительно сделал это, а не только внешне, то ты не приблизился бы ко мне таким образом”,— сказал Бахаудин. Он продолжал: “Почему ты думаешь, что ты способен учиться?” “Я готов учиться у тебя”. Бахаудин сказал: “Пусть самый младший мюрид (ученик) встанет”. Анвари, которому было 16 лет, поднялся на ноги.

“Сколько времени ты был с нами?”, — спросил Эль Шах.

“Три недели, о муршид”.

“Я научил тебя чему-нибудь?”

“Не знаю”.

“Ты так думаешь?”

“Я не думаю так”.

Бахаудин сказал ему: “В сумке этого вновь пришедшего ты найдешь книгу стихов. Возьми ее в руку и, не открывая, прочитай наизусть без ошибки все содержание”.

Анвары нашел книгу. Он не открыл ее, но сказал: “Боюсь, что она на турецком языке”. Бахаудин сказал: “Читай ее наизусть”.

Анвары так и сделал. И пока он закончил, гость становился все более и более пораженным этим чудом — книга читалась, не будучи открытой тем, кто не знал турецкого языка.

Упав к ногам Бахаудина, он попросил быть допущенным в Круг. Бахаудин сказал: “Именно феномен такого рода привлекает тебя, и до тех пор, пока он тебя привлекает, ты не можешь в действительности получить пользу от него. Вот почему, даже если ты читал мой “РИСАЛАТ”, в действительности ты его не читал. Возвращайся тогда, — продолжал он, — когда ты прочтешь его так, как прочел его этот безбородый мальчик. Только такое изучение дало ему силу читать наизусть книгу, которую он не открыл, и в то же самое время помешало ему застыть на месте в удивлении от этого события”.

НИЩИЕ И РАБОЧИЕ

О Ибн Эль-Араби сообщают, что люди сказали ему: “Твой кружок состоит главным образом из нищих землепашцев и ремесленников. Разве ты не можешь найти людей интеллекта, которые последуют за тобой, так что, может быть, более авторитетные замечания могли бы браться из твоих учений?”

Он сказал: “Конец света был бы бесконечно ближе, если бы влиятельные люди и ученые пели мне хвалу, потому что, без всякого сомнения, они делали бы это ради самих себя, а не ради нашей работы!”

НЕИЗМЕННЫЙ

Наваб Мухамед Хан, Джан-Фишан шел однажды по улицам Дели, когда его внимание привлекла большая толпа народа, очевидно, вовлеченная в перебранку. Он спросил человека, стоящего в стороне: “Что там случилось?” Человек ответил: “О Высочайший, один из твоих учеников возражает против поведения людей в этом квартале”.

Джан-Фишан вошел в толпу и сказал своему последователю: “Объяснись”. Тот сказал: “Эти люди были враждебны”. Люди воскликнули: “Это неправда! Наоборот, мы превозносили его ради вас!” “Что они сказали?” — спросил Наваб. “Они сказали: “Да здравствует Великий Ученый!” Я говорил им, что именно невежество ученых ответственно за замешательство и отчаянное положение человека”.

Джан-Фишан Хан сказал: “Именно самонадеянность ученых очень часто ответственна за жалкое положение человека. И именно твоя самонадеянность, утверждающая, что ты кто-то иной, а не ученый, явилась причиной этой свары. Не быть ученым — это достижение, которое включает в себя отрешенность от мелочности. Ученые, будучи всего лишь неизменными людьми, доверху набитыми мыслями и книгами, редко бывают мудрыми. Эти люди пытались оказать тебе почести. Если некоторые думают, что грязь это золото, если это их грязь, уважай ее. Ты не являешься их учителем. Разве ты не понимаешь, что, ведя себя таким чувствительным и самостоятельным образом, ты действуешь в точности так же, как и ученый, и поэтому заслуживаешь это имя, даже если оно — эпитет? Следи за собой, дитя мое. Слишком много сходов с Тропы Высшего Достижения — и ты можешь стать ученым”.

ДИАГНОЗ

Бахаудин Накшбанд посетил однажды город Алуча.

Депутация горожан, услышавших, что он поедет мимо их города, дождалась его на дороге и попросила провести некоторое время с ними.

“Вы хотите удовлетворить свое любопытство обо мне, хотите развлечь меня, и оказать мне честь или хотите пригласить меня, чтобы я передал вам свое учение? — спросил он их.

Предводитель делегации посоветовался с товарищами и ответил:

“Мы много слышали о тебе, но ты, возможно, ничего не слышал о нас. Поскольку ты, очевидно, даешь нам редкую привилегию получить твое учение, то мы с благодарностью его примем в том виде, в каком ты его предложишь”.

Бахаудин въехал в город. Все население собралось на городской площади. Их собственные духовные учителя провели Бахаудина на почетное место и, когда он уселся, то главный философ Алучи обратился к нему со следующими словами:

“Дух Истины и Великий Учитель! Все мы слышали о тебе, потому что разве есть кто-нибудь, кто не слышал. Но поскольку ты, без сомнения, не знаком с мыслями таких незначительных людей, как мы, то мы просим разрешения изложить тебе наши идеи для того, чтобы, к нашей несомненной пользе, ты смог бы поддержать, изменить или разрушить их...”

Но Бахаудин остановил их, говоря:

“Я, конечно, скажу вам, что вам нужно делать, но совсем нет нужды, чтоб вы рассказывали мне что-нибудь о себе”.

Затем он стал описывать этим людям их образ мыслей, а также присущие им недостатки. Он в точности описал им, как они смотрят на различные проблемы жизни и человека. После этого он сказал пораженным горожанам:

“Теперь, пока я не расскажу вам о том, каким образом вы можете исправить такое положение вещей, может быть, вы выразите какие-нибудь чувства, подавленные в ваших сердцах, для того, чтобы я смог объяснить вам в назидание, так, чтобы вы смогли более полно внимать тому, что я собираюсь вам сказать”.

Тот же самый оратор, после консультации с людьми, сказал: “О древний, о гид! Общей причиной нашего удивления и любопытства является то, каким образом ты смог так много узнать о нас, о наших проблемах, и о наших идеях. Правы ли мы относительно того, что такое знание может иметь место только при наличии наивысшей формы непосредственного прямого восприятия у необыкновенных блаженных индивидуумов”.

В ответ Бахаудин попросил принести чашу, немного воды в кувшине, соль и муку. Он смешал в чаше муку, соль и воду. Затем спросил главного оратора:

“Пожалуйста, будьте добры сказать мне, что в этой чаше”.

Человек сказал:

“Ваше преподобие, там смесь из воды, муки и соли”.

“Откуда ты знаешь состав смеси?” — спросил Бахаудин.

“Когда известны составные части,— сказал оратор,— то не может быть никакого сомнения и относительно того, какова смесь”.

“Это ответ на твой собственный вопрос, который наверняка не требует моих дальнейших разъяснений”, — сказал Бахаудин Накшбанд.

КАШКУЛЬ

Сообщают, что некогда один нищий остановил короля на улице. Король сказал: “Как ты посмел, ничтожный человек, прервать движение твоего господина?”

Дервиш ответил:

“Разве ты можешь быть господином, если ты даже не можешь наполнить мой кашкуль (чашу для подающих)?”

Он протянул свою чашу, и король приказал, чтобы ее наполнили золотом.

Но как только становилось видно, что чаша наполняется золотыми монетами, эти монеты исчезали, и чаша вновь оказывалась пустой.

Слуги приносили золото мешок за мешком и все еще поразительная чаша пожирала все монеты.

“Стойте! — закричал король,— потому что этот фокусник опустошает мою казну!”

“Для тебя я опустошаю твою казну,— сказал дервиш, а для других я просто иллюстрирую истину”.

“Какую истину?” — спросил король.

“Истина в следующем: чаша — это желания человека, а золото — то, что дано человеку. Нет предела способности человека пожирать, не подвергаясь при этом ни малейшему изменению. Смотри, чаша съела почти все твое богатство, но это все тот же обточенный морем кокосовый орех, который ничего не воспринял от золота, ни в какой степени.

Если ты пожелаешь ступить в эту чашу,— продолжал дервиш,— то она пожрет и тебя тоже. Как же может в таком случае король держать себя так, как если бы он имел какое-либо значение?”

КОРОВА

Жила-была однажды корова. Во всем мире не было больше такого животного, которое давало бы столь регулярно столь много молока, столь высокого качества. Люди стекались со всех концов земли, чтобы посмотреть на это чудо. Отцы говорили своим детям о ее преданности предназначенному ей делу.

Проповедники религии призывали свою паству по-своему превзойти ее. Правительственные чиновники приводили ее как образец правильного поведения, планирования и мышления, которые могут быть воспроизведены в человеческом обществе. Короче, каждый был способен получать пользу для себя из существования этого чудесного животного.

Была, однако, одна черта, которую большинство людей не замечали, как бы ни были они увлечены очевидными достоинствами коровы. Видите ли, у этой коровы была маленькая привычка. И эта привычка состояла в том, что как только подойник наполнялся ее признанно несравненным молоком, корова лягала его и переворачивала.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КАЧЕСТВО

Якуб, сын судьи, сказал, что однажды он расспрашивал Бахаудина следующим образом:

“Когда я был в компании с Муршидом (духовным наставником) из Тебриза, то он регулярно давал знак, чтобы с ним не заговаривали, когда он находился в состоянии особого отражения. Ты, с другой стороны, доступен нам в любое время. Прав ли я, делая вывод, что это различие обязано твоей несравненно большей способности быть в состоянии отрешенности, что эта способность находится в полной твоей власти, а не появляется лишь время от времени”.

Бахаудин сказал:

“Нет, ты всегда ищешь сравнений между людьми и состояниями. Ты все время ищешь доказательства и различия, а когда ты этого не делаешь, то ты ищешь сходства. Во всем, что находится вне таких измерений, тебе, фактически, не требуется так уж много объяснений. Различные нормы поведения у мудрых следует рассматривать как следствие различий индивидуальностей, а не качества”.

РАЙ ИЗ ПЕСНИ

Ахангар был великолепным кузнецом, который жил в одной из отдаленных долин Афганистана. Во времена мира он ковал плуги, подковывал лошадей, и превыше всего он пел. Песни Ахангара, который под различными именами известен в самых различных частях Центральной Азии, охотно слушались людьми долины. Они приходили из лесов грецкого ореха, с покрытого снегом Гиндукуша, из Катагана и Бадахшана, из Канабада и Кунара, из Герати и Пагмана, чтобы послушать его песни.

Превыше всего люди приходили для того, чтобы послушать песню песней Ахангара. Это была песня о райской долине. У этой песни было захватывающее качество и странное очарование, а главное — это был рассказ, который был настолько непонятен, что люди чувствовали, будто бы они знают далекую райскую долину, о которой пел певец.

Часто они просили его пропеть ее, когда он не был в настроении это выполнить, и он отказывался. Иногда люди спрашивали его, существовала ли эта долина на самом деле, и Ахангар мог только ответить: “Долина из песни настолько реальна, насколько она может быть реальной”.

“Но откуда ты знаешь? — спрашивали люди.— Ты бывал там когда-нибудь?”

“Нет. Каким-нибудь обычным образом я там не был”.— отвечал Ахангар. Тем не менее для Ахангара и почти для всех людей, которые слушали его, долина из песни была настолько реальна, насколько она только могла быть реальной.

Айша, местная девушка, которую он любил, сомневалась, существует ли такое место. Сомневался в этом и Хасан, хвостун и вояка, который поклялся жениться на Айше и который не упускал ни одного удобного случая посмеяться над кузнецом.

Однажды, когда жители деревни сидели притихшие после того, как Ахангар поведал им свой рассказ, Хасан заговорил:

“Если ты веришь в то, что эта долина настолько реальна и что она находится, как ты говоришь, вон там в горах Сангана, где поднимается голубой туман, почему ты не попытаешься найти ее”.

“Это было бы неправильно, я знаю”,— сказал Ахангар.

“Ты знаешь то, что тебе удобно знать, и не знаешь то, что тебе не удобно знать,— вскричал Хасан.— Теперь, друг мой, я предлагаю тебе испытание. Ты любишь Ай-шу, но она не верит тебе. У нее нет веры в твою абсурдную долину. Ты никогда не сможешь жениться на ней, потому что всегда, когда между мужем и женой нет доверия, они несчастны и результатом получается всякое зло”. “Ты ждешь от меня в таком случае, чтобы я пошел в долину”,— спросил Ахангар.

“Да”,— сказал Хасан, и все слушатели поддержали его.

“Если я пойду и благополучно вернусь, согласится ли Айша выйти за меня замуж”,— спросил Ахангар.

“Да”,— прошептала Айша.

Итак, Ахангар, взяв с собой немного сушеного тутовника и горбушку хлеба, отправился к далеким горам. Он взбирался и взбирался, пока не добрался до стены, которая окружала весь гребень. Когда он взобрался на нее, то увидел другую стену, еще более отвесную, чем первая. После второй стены была третья, затем четвертая, и, наконец, пятая. Спускаясь с другой стороны этой пятой стены, Ахангар обнаружил, что он находится в долине, поразительно похожей на его собственную. Люди вышли встречать его, и он увидел их. Ахангар сообразил, что происходит что-то очень странное.

Несколько месяцев спустя Ахангар-кузнец походкой старика вошел в свою родную деревню и направился в свою покосившуюся хижину. Когда весть о его возвращении разносилась по окрестностям, люди собрались перед его домом, чтобы послушать о тех приключениях, которые он испытал. Хасан-воин заговорил от имени всех их и позвал Ахангара к окну. Все ахнули, когда увидели, насколько он постарел.

“Ну, Мастер Ахангар, достиг ли ты райской долины?”

“Достиг”.

“И что же там было?”

Ахангар, подыскивая слова, посмотрел на собравшихся людей с такой усталостью и безнадежностью, какой он никогда не чувствовал раньше. Он сказал: “Я взбирался и взбирался и взбирался. Когда казалось, что уже не может встретиться никакое человеческое поселение в таком заброшенном месте, после многих испытаний и разочарований я пришел в долину. Эта долина была в точности такой, как и та, где мы живем. А затем я увидел людей. Эти люди не только похожи на нас — людей, они являются теми же самыми людьми. Для каждого Хасана, для каждой Айши, для каждого Ахангара, для каждого из вас, кто живет здесь, там есть другой, в точности такой же, в той долине. Это наше подобие и отражение для нас, когда мы видим такие вещи, но именно мы являемся подобием и отражениями их — мы, которые находимся здесь, мы их двойники...”

Каждый подумал, что Ахангар сошел с ума из-за своих испытаний, и Айша вышла замуж за Хасана-воина. Ахангар быстро состарился и умер. И все люди, каждый, кто слышал тот рассказ из уст Ахангара, сначала поте-(ли сердце в своей жизни, затем состарились и умерли, потому что они чувствовали, что что-то должно произойти такое, над чем они не имеют контроля и в чем они не видят надежды. Поэтому они потеряли интерес к самой жизни.

Лишь раз в тысячу лет этот секрет может быть увиден человеком. Когда он видит его, он меняется, когда он рассказывает голые факты другим, они изнашиваются и умирают. Люди

считают, что такое событие — катастрофа и поэтому они не должны знать об этом, потому что они не могут понять (такова уж природа их ординарной жизни), что они имеют больше “Я”, чем одно, больше надежд, чем одна, больше шансов, чем один, там, в раю из песни Ахангара, великого кузнеца.

СОКРОВИЩЕ И ХРАНИТЕЛИ

Принц из блистательного Дома Аббасидов, потомков дяди Пророка, вел скромную жизнь в Мосуле в Ираке. Его семья переживала тяжелые времена и разделяла обычную судьбу трудящегося человека. После трех поколений семья несколько окрепла, и принц занимал положение мелкого торговца. Согласно обычаю, принятому среди знатных арабов, этот человек, которого звали Дауд Эль Аббаси, называл себя просто Дауд сын Аль-тафа. Он проводил свои дни на базаре, продавая бобы и травы, пытаясь поправить материальное состояние семьи. Этот процесс продолжался в течение нескольких лет, пока Дауд не полюбил дочь богатого купца Зубейду Ибнат Тавиль. Она более, чем хотела выйти за него замуж, но в ее семье был обычай, что любой претендент в зятя должен подобрать пару к специально выбранному отцом камню для того, чтобы доказать свое твердое намерение и свою материальную обеспеченность.

После предварительных переговоров, когда Дауду был показан сверкающий рубин, выбранный отцом для испытания желающих получить его дочь, на сердце молодого человека стало очень тяжело. Этот драгоценный камень был не только чистейшей воды, но и размер его и окраска были таковы, что копи Бадахшана наверняка не выдавали ничего подобного более, чем раз в тысячу лет...

Время шло и Дауд передумал все средства, путем которых он мог бы достать деньги, необходимые ему для того, чтобы хотя бы попытаться искать такой самоцвет. В конце концов он узнал у ювелира, что у него есть один единственный шанс. Если он разошлет повсюду весть, предлагая каждому, кто достанет нужный камень, не только свой дом и все, чем он владеет, но также и три четверти каждой копейки, которую он заработает за всю свою жизнь, то, может быть, будет возможность найти подобный рубин.

Соответственно Дауд и разослал подобные заявления. День за днем распространялась весть о том, что рубин поразительной ценности, яркости и цвета разыскивался, и люди спешили со всех сторон к дому купца, чтобы посмотреть, могут ли они предложить что-нибудь столь же великолепное. Но по прошествии почти трех лет Дауд обнаружил, что не существует такого рубина ни в арабских странах, ни в Аджаме, ни в Хоросане, ни в Индии, ни в Африке, ни на Западе, ни на Яве, ни на Цейлоне, рубина, который хоть как-нибудь мог бы сравниться в великолепии с тем, который подыскал отец его невесты.

Зубейда и Дауд находились на грани отчаяния. Казалось, им никогда не удастся пожениться, потому что отец девушки вежливо отказался принять что-либо, хоть сколько-нибудь меньшее, чем совершенная пара его рубину.

Однажды вечером, когда Дауд сидел в своем маленьком саду, в тысячный раз пытаясь придумать какое-нибудь средство завоевать Зубейду, он сообразил, что рядом с ним стоит высокий изможденный человек, в руке у него был посох, на голове шапка дервиша, к поясу была привязана чаша для подаяния.

“Мир тебе, о мой король!” — сказал Дауд традиционное приветствие, поднявшись на ноги.

“Дауд Аббаси, потомок дома Корейш,— сказала явление.— Я один из хранителей сокровищ Апостола и я пришел помочь тебе в твоей крайности. Ты ищешь несравненный рубин, я дам тебе его из сокровищ твоего наследства, оставленного в безопасности в руках нищих хранителей!”

Дауд взглянул на него и сказал: “Все сокровища, которые были в руках нашего дома, потрачены, проданы, рассеяны столетия назад. У нас ничего не осталось, кроме нашего имени, и даже его мы не используем, боясь обесчестить его. Как может существовать какое-нибудь сокровище, оставшееся от моего наследства?”

“Тем не менее сокровище может существовать и как раз из-за того, что не все оно было оставлено в руках Дома,— сказал дервиш,— потому что люди в первую очередь грабят того, о ком известно, что у него есть, что украсть. Когда, однако, этот момент отсутствует, воры не

знают, куда смотреть. Это первая мера безопасности Хранителей”.

Дауд вспомнил, что многие дервиши имеют репутацию эксцентричных людей, поэтому сказал: “Кто же оставит бесценные сокровища, такие, как самоцвет Тави-ля, в руках оборванного нищего? И какой нищий, носящий лохмотья, если ему будет дана такая вещь, удержится от того, чтобы выбросить ее или продать и потратить полученное в безумном приступе безалаберности?”

Дервиш ответил: “Сын мой, это как раз те мысли, которые можно ожидать от людей. Поскольку дервиши оборваны, люди воображают, что они хотят одежды, если у человека есть рубин, то люди воображают, что он выбросит его прочь, если он не является бережливым купцом. Твои мысли — это как раз то, что создает безопасность нашему сокровищу”.

“Тогда отведи меня к сокровищу,— сказал Дауд,— чтобы я мог покончить со своими невыносимыми страхами и сомнениями”.

Дервиш завязал Дауду глаза, велел ему одеться как слепому и сесть на осла, а затем вез его куда-то несколько дней и ночей. Они спешили и шли пешком через горный хребет и, когда, наконец, повязка была снята с глаз Дауда, то он увидел, что стоит в сокровищнице, где на каменных полках сверкали и переливались неисчислимы количества невероятно разнообразных драгоценных камней.

“Может ли это быть сокровищем моих праотцов? Я никогда не слышал ни о чем подобном, даже со времен Гарун Эль Рашида”,— сказал Дауд.

“Можешь быть уверен, что это так,— сказал дервиш.— И более того: это только та пещера, где хранятся драгоценные камни, из которых ты можешь выбрать. Есть много других пещер”.

“И это мое?”

“Да, твое”.

“Тогда я возьму все это”,— сказал Дауд, который был охвачен жадностью при подобном зрелище.

“Ты возьмешь только то, за чем ты пришел сюда,— сказал дервиш,— потому что ты так же мало пригоден к правильному управлению этим богатством, как и твои праотцы. Если бы это было не так, то хранители передали бы все сокровища еще столетия назад”.

Дауд выбрал один-единственный рубин, который в точности соответствовал рубину Тавиля, и дервиш отвез его назад к его дому точно таким же образом, каким он привез его сюда. Дауд и Зубейда поженились.

Таким образом сокровища Дома вручаются его настоящим наследникам всегда, когда они имеют действительную нужду в них.

Сегодня Хранители не всегда имеют внешний вид оборванных дервишей, иногда они кажутся для всех посторонних взглядов совершенно ординарными людьми. Однако, они не дадут сокровища, когда в нем нет реальной нужды.

ПРИВЯЗАННОСТЬ, НАЗЫВАЕМАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ

Усидчивый в учении и преданный своему делу искатель истины прибыл в теккию Бахаудина Накшбанда. В соответствии с обычаем он побывал на лекции и не задавал никаких вопросов. Когда Бахаудин, наконец, сказал ему: “Спроси меня о чем-нибудь”, этот человек сказал: “Шах, прежде чем я пришел к тебе, я изучал такую-то и такую-то философию под руководством таких-то и таких-то. Будучи привлеченным твоим авторитетом, я предпринял путешествие к твоей теккии. Услышав твои речи, я получил такое впечатление от того, что ты говоришь, что хочу продолжать свою учебу у тебя. Однако, я настолько привязан и благодарен моим прежним учениям и учителю, что мне хотелось бы, чтоб ты или объяснил мне их связь с твоей работой, или же заставил меня забыть о них для того, чтобы я мог продвигаться дальше с нераздельным вниманием”.

Бахаудин сказал: “Я не могу сделать ни то, ни другое. Однако, что я могу сделать, так это информировать тебя о том, что один из вернейших признаков человеческого тщеславия — это быть привязанным к личности или к вере и воображать, что такая привязанность исходит из высшего источника. Если человек привязан к фрикаделькам, то он будет называть их божественными в том случае, если кто-нибудь будет ему это позволять. При помощи этой

информации ты можешь научиться мудрости. Без нее ты можешь научиться только привязанности и называть ее привлекательность, или милость. Человек, которому нужна информация, всегда полагает, что ему нужна мудрость. Даже если он действительно является человеком информации, то он будет считать, что тогда следующим ему нужна мудрость. Если человек является человеком мудрости, то только тогда он становится свободным от необходимости в информации”.

ПОПРАВКА

Абдула бен Яхья показывал посетителю рукопись, которую он написал. Это человек сказал: “Вот это слово неправильно написано”. Абдула тотчас соскреб слово и написал его таким образом, каким предложил гость. Когда этот человек ушел, Абдулу спросили: “Зачем ты сделал это, учитывая, что “поправка” была на самом деле неправильной, и ты написал неверное слово там, где было верное первоначально?”

Он ответил: “Это был социальный случай. Этот человек считал, что он помогает мне и думал, что выражение его невежества было указанием на знание. Я применил поведение культуры и вежливости, а не поведение истины, потому что, когда люди хотят вежливости и социальных отношений, они не могут вынести истину. Если бы я встал в отношении этого человека как учитель к студенту, то все было бы иначе. Только глупцы и педанты воображают, что они должны наставлять каждого, в то время как движущий мотив у людей не в том, чтобы искать наставления, но чтобы привлечь внимание”.

СВЯТОЙ И ГРЕШНИК

Жил-был один дервиш, который верил, что его задача в том, чтобы сблизиться с людьми, творящими зло и вселять в них духовные мысли для того, чтобы они смогли найти правильный путь. Однако, чего этот дервиш не знал, так это того, что учителем является не тот, кто говорит другим только, чтобы они делали то или другое, и исходит при этом из застывших принципов. Если учитель не знает в точности, какова внутренняя ситуация каждого ученика, то он может на себе испытать обратное тому, что он желает.

Тем не менее этот благочестивый нашел однажды человека, который был одержим страстью играть в азартные игры и не знал, как ему избавиться от этой привычки. Дервиш расположился снаружи дома этого человека. Каждый раз, когда тот отправлялся в игральный дом, дервиш клал камень в постепенно растущую кучу, чтобы таким образом отмечать каждый грех, который накапливал этот человек, как видимое напоминание о зле.

Каждый раз, когда этот человек выходил из дома, он чувствовал себя виноватым. Каждый раз, когда он шел назад, он видел новый камень в куче прежних. Каждый раз, кладя в кучу новый камень, благочестивый чувствовал гнев на игрока и личное удовлетворение (которое он называл “божественностью”) в том, что он зарегистрировал его грех.

Так продолжалось в течение двадцати лет. Каждый раз, когда игрок видел благочестивого, он говорил себе: “Если бы мне понять доброту! Как этот святой человек трудится ради моего спасения! Если бы я мог исправиться, уж не говоря о том, чтоб стать таким, как он, потому, что он наверняка займет место среди избранных, когда придет день воскресения!”

Случилось так, что в результате стихийного бедствия оба эти человека умерли в одно время. Ангел прилетел, чтоб взять душу игрока, и мягко сказал ему: “Тебе следует следовать за мной в рай”.

“Но как же это может быть? — сказал грешник-игрок.— Я грешник и должен идти в ад. Ты наверняка разыскиваешь того благочестивого, который сидел напротив моего дома и в течение двух десятилетий пытался изменить меня”.

“Благочестивый? — сказал ангел,— нет, его потащили в нижние сферы, потому, что ему надлежит теперь жариться на вертеле”.

“Да что же это за справедливость такая? — закричал игрок, забывая о своем положении.— Ты наверняка перепутал инструкции!”

“Это не так,— сказал ангел,— и я объясню тебе. Дело обстоит следующим образом. Благодетельный потакал себе в течение двадцати лет в чувстве превосходства и значимости. Сейчас его черед восстанавливать равновесие. В действительности он клал камни на ту кучу для себя, а не для тебя”.

“А как же насчет моей награды? Я-то что заслужил?” — спросил игрок.

“Ты должен быть награжден, потому что каждый раз, когда ты проходил мимо дервиша, ты в первую очередь думал о доброте, а потом о дервише. Именно доброта, а не человек, награждает тебя за твою верность”.

ШЕЙХИ ПЛЕТЕННЫХ ШАПОЧЕК

К Бахаудину Накшбанду обратились шейхи четырех суфийских групп в Индии, Египте, Турции и Персии. В своих письмах они просили его в цветистых выражениях прислать им учения, которые они могли бы передавать своим последователям.

Сначала Бахаудин сказал: “То, что у меня есть, не ново. Вы этим владеете, но не используете правильно, поэтому, получив мои послания, вы просто скажете: “Это не ново”.

Шейхи ответили: “С уважением, мы считаем, что наши ученики так не подумают”. Бахаудин не ответил на эти письма, но зачитал их на своих собраниях, сказав: “Мы, находясь на расстоянии, сможем увидеть, что происходит. Те, кто находятся в гуще событий, не увидят. Сделайте, однако, усилие, чтобы видеть то, что с ними случается”.

Затем шейхи написали Бахаудину, прося прислать какой-нибудь знак своей заинтересованности. Бахаудин послал по небольшой плетеной шапочке для каждого студента, сказав их шейхам, чтоб они раздали шапочки как бы от него, но не объясняли никакой причины этого.

Своему собранию он сказал: “Я сделал такую-то и такую-то вещь. Вы, находящиеся далеко, увидите то, чего не увидят те, кто находятся вблизи происходящего”.

Через некоторое время он написал каждому из шейхов, спрашивая, выполнили ли они его пожелание и каковы были результаты.

Шейхи написали: “Мы выполнили твои пожелания”. Что касается результатов, то Шейх из Египта написал: “Мое сообщество приняло твой дар как знак особой святости и благословения и, как только шапочки были распространены, каждый стал находить в них величайшее внутреннее значение и считать, что носит на голове твой особый мандат”.

Шейх турок написал: “Сообщество рассматривает твои шапочки с величайшим подозрением. Люди считают, что этот дар выдает твоё желание захватить лидерство над ними. Некоторые боятся, что ты сможешь даже воздействовать на них издалека через этот предмет”.

Другой результат сообщал Шейх из Индии, он писал: “Наши ученики находятся в большом смущении и ежедневно просят меня истолковать им значение распространения шапочек. До тех пор, пока я не скажу им что-нибудь по этому поводу, они не будут знать, как поступать”.

В письме от Шейха из Персии говорилось: “Результатом распространения твоих шапочек было то, что Искатели, удовлетворенные тем, что ты им послал, ждут твоего дальнейшего внимания к ним, чтобы они смогли включить в свои учения и использовать сами те усилия, которые должны быть сделаны”.

Бахаудин объяснил собранию своих слушателей в Бухаре: “Основная поверхностная черта людей в кругах Индии, Турции, Египта и Персии была в каждом случае выявлена реакцией членов этих кругов. Их поведение, когда они столкнулись с простейшим предметом, таким, как плетеная шапочка, было в точности таким же, каким бы оно было, если бы они встретили меня самого или учение, посланное мною. Ни эти люди, ни их шейхи не научились тому, что они должны искать в своей собственной среде те мелочи, которые останавливают их. Им не следует использовать эти мелочи для оценки других. Среди учеников персидского шейха есть возможность понимания, потому что у них нет высокомерия вообразить, что они “понимают”, будто мои шапочки благословляют их, угрожают им, приводят в замешательство их. Основные черты в этих трех случаях: египтяне надеются, турки боятся, а индийцы находятся в неопределенности”.

Некоторые из посланий Бахаудина Накшбанда были скопированы, как благочестивый поступок, и распространены имеющими добрые намерения, но не просветленными дервишами в районах Каира, Индии, Персии, Турции. В конце концов они попали в руки тех самых кругов, которые окружали “Шейхов Плетеных Шапочек”.

Поэтому Бахаудин попросил одного из странствующих каландаров посетить по очереди каждое из этих сообществ и сообщить ему, что они чувствуют по поводу его посланий. Вернувшись, этот человек сказал: “Все они говорят: “Тут нет ничего нового, мы уже все это делаем, мало того, свою ежедневную жизнь мы основываем на этом и по существующей у нас традиции мы ежедневно заняты тем, что помним об этих вещах”.

Эль Шах Бахаудин Накшбанди созвал после этого всех своих учеников вместе. Он сказал им: “Вы, которые находитесь на расстоянии от определенных событий, связанных с этими четырьмя группировками, сможете теперь увидеть, как мало было выполнено работы Знания среди них. Те, кто там находится, научились столь малому, что они уже не могут больше получать пользы от своего собственного опыта. Где ж, в таком случае, преимущества “ежедневного воспитания и борьбы”? Сделайте своей задачей собрать всю доступную информацию об этом событии, включая обмен письмами и то, что я сказал, точно так же, как и сообщения этого каландара. Несите свидетельство того, что мы предложили средства, путем которых другие могли учиться. Пусть этот материал будет записан и изучен и пусть те, кто оказались свидетелями этого, свидетельствуют так, что, если будет на то Божья воля, даже чтение об этом могло бы помешать подобным вещам часто случаться в будущем и могло бы попасться даже на глаза и в уши тех, кто подверглись столь мощному влиянию “действия” бездейственных плетеных шапочек”.

СЕКРЕТ ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЫ

Айяз был товарищем и рабом великого завоевателя Махмуда Разрушителя Идолов, монарха Газны. Впервые он попал ко двору как нищий раб, но Махмуд сделал его своим советником и другом. Остальные придворные испытывали ревность к Айязу и следили за каждым его движением, намереваясь поймать его на какой-нибудь оплошности и таким образом вызвать его падение.

Однажды эти ревнивцы пришли к Махмуду и сказали: “Тень Аллаха на земле! Знай, что мы неустанно и как всегда на твоей службе тщательно наблюдали за твоим рабом Айязом. Теперь мы должны сообщить, что каждый день, покинув Двор, Айяз идет в небольшую комнатку, куда никогда никто не допускается. Он проводит там некоторое время, а затем идет в свои собственные апартаменты. Мы боимся, что эта его привычка может быть связана с преступной тайной. Может быть, он связан с заговорщиками, даже такими, которые имеют планы на жизнь Вашего Величества”.

Долгое время Махмуд отказывался слышать что-либо против Айяза. Однако, загадка запертой комнаты не выходила у него из головы до тех пор, пока он не почувствовал, что должен спросить Айяза.

Однажды, когда Айяз выходил из своей частной комнаты, появился Махмуд, окруженный придворными, и потребовал, чтобы его допустили туда.

“Нет”, — сказал Айяз.

“Если ты не позволишь мне войти в комнату, то вся моя вера в тебя, как достойного доверия и лояльного, испарится, и мы никогда уже с этих пор не будем в прежних отношениях. Делай свой выбор”, — сказал жестокий завоеватель.

Айяз заплакал, а затем распахнул дверь в свою комнату и позволил Махмуду и его свите войти. В комнате не было никакой мебели, все, что там было, это крюк на стене, на нем висели заплатанный и изношенный плащ, посох и чаша для подаяния. Король и его свита не могли понять значение своего открытия. Когда Махмуд потребовал объяснения, Айяз сказал: “Махмуд, в течение многих лет я был твоим другом, рабом и советником, я старался никогда не забывать своего происхождения и по этой причине я ежедневно приходил сюда, чтобы напомнить себе, чем я был. Я принадлежу тебе, а все, что принадлежит мне, так это мои лохмотья, моя палка, моя чаша для подаяний и мои скитания по лицу этой земли”.

ЧУДО КОРОЛЕВСКОГО ДЕРВИША

Рассказывают, что суфийский мастер Ибрагим бен Адам сидел однажды на лесной полянке, когда к нему подошли два бродячих дервиша. Он приветствовал их, и они разговаривали о духовных вещах до наступления сумерек. Как только спустилась ночь, Ибрагим пригласил путешественников быть его гостями за ужином. Как только они согласились, перед их глазами появился стол с различной прекрасной едой.

“Сколько же времени ты был дервишем?” — спросил один из них Ибрагима.

“Два года”, — ответил тот.

“Я следую по суфийскому Пути почти три десятилетия, но во мне никогда не проявлялась никакая способность подобная той, которую ты показал нам”, — сказал этот человек. Ибрагим ничего не ответил.

Когда ужин был почти окончен, на поляне появился незнакомец в зеленой одежде. Он сел и поел немного с ними. Внутренним чувством все поняли, что это был Хидр, бессмертный гид всех суфиев. Они ждали, что Он даст им немного мудрости. Поднявшись, чтобы уйти, Хидр просто сказал: “Вы двое дервишей удивляетесь Ибрагиму, но чем вы пожертвовали для того, чтобы идти по Пути дервишей? Вы отказались от надежд на безопасность и от обычной жизни. Ибрагим бен Адам был могущественным королем и для того, чтобы стать суфием, отбросил владения султаната Балха. Вот почему он намного впереди вас. Кроме того, в течение тридцати лет вы получали удовлетворение за счет самого отказа, это и было вашей наградой. Он же всегда удерживался от того, чтобы взять хоть какую-нибудь плату за свою жертву”.

В следующий момент Хидр исчез.

ТЕСТ ИШАНА ВАЛИ

Ишан Вали, когда он внезапно появился в Сирии из Туркестана, показал, что он обладает замечательно большим набором технических методов (называемых любителями внешнего “его мудростью”), при помощи которых он мог воздействовать на движение вперед застывшего тогда учения Суфизма. Он нашел, например, что суфийские школы стали организациями, связанными вместе традиционализмом и почтением к какому-нибудь одному Мастеру в ущерб учению суфиев в целом. Они работали над упражнениями и идеями, которые по праву принадлежали другим людям, другим временам и даже другим местам. Тот путь, который избрал Вали для подхода к этой проблеме, оказал большое впечатление на тех, кто, ничего не зная о его методах, считали, что они должны помогать ему. Сюда входили Мустафа Али Дарази, Али Мохаммед Хуссейни и Тавиль Термитхи, рассказы которых дожили до нашего времени. Он сказал им: “Для постороннего наблюдателя, рассматривающего эти собрания людей, даже с точки зрения той реальности, что они стали мельницами, перемалывающими одно и то же, а не школами, невозможно различить тех, к кому следует приблизиться и тех, кто не имеет способности учиться.

Как вы знаете, я показал вам, что в настоящее время все они являются непригодными для Работы, но кто из них способен к оживлению?” Он показал на ряд пальм, засыхающих из-за засухи: “Если воды недостаточно, какое дерево мы будем поливать? Я показал вам, что они высохли, — нечто такое, что вы не осознавали раньше. Сейчас я покажу вам способ проверить, могут ли отдельные деревья ожить или нет”.

Ишан Вали, для демонстрации, встретился теперь со всеми шейхами Школ, занимавшимися повторением старого, большинство которых встретили его приветливо, указав, что они будут рады получить его помощь по восстановлению Учений. Он не дал им никаких обещаний. Отделившись от них, он написал каждому в таком духе:

“У меня есть нечто преходящей важности, что бы сказать для вас, и совсем ничего, что бы я мог сказать через вас. Это означает, что мне нужно иметь разрешение обращаться непосредственно к вашим последователям. Если вы его дадите, то я сделаю свои методы известными. С другой стороны, если вы этого не допустите, то со временем я смогу обратиться к этим людям косвенно. Но в таком случае своим отказом вы отделите себя от меня, и я

не буду иметь возможности сказать что-нибудь для вас. Поскольку у меня есть ответственность или перед всеми вами или ни перед кем, то вначале я не могу вас использовать как канал, если я имею возможность обратиться к вам прямо. Поскольку вы развили столь тесную связь со своим сообществом, я должен рассматривать вас как существенного члена сообщества, и не могу поэтому как-либо выделять Вас”.

Он объяснил своим помощникам, что те шейхи, которые хотели рассматривать себя учениками, точно так же, как они рассматривают своих собственных студентов, -будут шейхами, возглавляющими Школы, которые еще можно оживить.

Некоторые шейхи ответили пониманием, а остальные явно или скрыто выявили интенсивное сопротивление контакту с Ишаном Вали.

Несмотря на то, что он приветствовал понимание шейхов, рассматривающих себя его учениками, ничем не отличающимися в этом аспекте от их собственных учеников, он горевал о засохших растениях.

Али Мохаммед Хуссейн сказал: “Ты, значит, горюешь о том, что показало себя мертвым?” Он ответил: “Они не все мертвы. Только их подозрение заставляет их вести себя так, как если бы они были мертвыми”.

Как только он сказал это, некоторые шейхи из отделившихся школ, как если бы услышав внутренним восприятием, изменили свои взгляды и положили свои тюрбаны к его ногам.

Маджзуб, один из ранее заблуждавшихся шейхов, сказал впоследствии: “Я почувствовал, как будто нечто давящее было снято, и я знал тогда, что это были мои страхи и подозрения”.

Однако, Ишан Вали сказал: “Это были молитвы самих “колеблющихся” шейхов, оказавшиеся сильнее, чем их страхи и подозрения, которые заставили их прийти к нам и получить то, что мы должны дать им. Фактически эта вся заслуга их. Как можем мы получать заслуги, делая нечто такое, что мы уже знаем? Мы в прошлом получили заслугу за практикование определенных вещей. Однако, в данном случае именно они очистили зеркало понимания, вывернув наизнанку свою природу полную ржавчины”.

Таким образом подозрительные шейхи восстановили свое значение в своих собственных Школах и достигли большего уважения от своих собственных учеников.

Те немногие, которые остались в отдалении, нашли, что их ученики все более и более склонялись к смущению ума, или приверженности к Вали, несмотря на то, что он писал им: “Я не вербую ваших учеников не из уважения к вам, а потому что без понимания всего тела конечность не может функционировать. Поэтому, если вы боитесь потерять учеников из-за моего присутствия, то не бойтесь, потому что я не могу помочь им и всегда буду так говорить. Однако, я боюсь за ваше дальнейшее положение”.

Засохшие растения, за исключением нескольких, не ответили на этот благодатный дождь. Сегодня, разумеется, не осталось никакого следа на земле от последователей тех шейхов, которые не пришли к методам Ишана Вали в тот период, когда он находился в Сирии.

СКРЫТЫЕ ЧУДЕСА

Некто спросил Фувада Ашика, старшего ученика Бахаудина Накшбанда: “Не можешь ли ты сказать мне, почему Мауляна (Примеч.: Наш Господин) скрывает свои чудеса? Я часто видел его в одних местах в то время, как другие утверждали, что они находились с ним еще где-то. Точно так же, когда он излечивает кого-нибудь молитвой, он может сказать: “Это произошло бы в любом случае”. Люди, которые просят его о милости или которые получили его милость в результате его заинтересованности в них, получают огромное преимущество в мире, но он отрицает свое влияние или же относит такие события к совпадениям, или даже к работе других”.

Фувад сказал: “Я и сам наблюдал это много раз. Фактически, поскольку я так часто нахожусь с ним, теперь это входит в мой ежедневный опыт. Причина в том, что чудеса являются проявлением “экстраординарной службы”. Они делаются не для того, чтобы сделать людей счастливыми или несчастными. Если они вызывают впечатление, то это впечатление заставляет человека становиться легковерным и возбужденным вместо того, чтобы заставить его научиться чему-либо”.

ВХОД В СУФИЙСКИЙ КРУГ

Если вы читаете, если вы практикуете, вы можете подходить для суфийского круга. Если вы только читаете, вы не подходите. Если вы считаете, что имеете опыт, на котором можете строить, вы можете не подойти. Одни только слова не передают сообщения. Должно быть подготовлено нечто, на что слова только намекают. Одна только практика не совершенствует человечество. Человек нуждается в контакте с истиной, первоначально в такой форме, которая может помочь ему. То, что является подходящим и неизбежным для одного времени и места, является, как правило, ограниченным, непригодным или даже препятствием в другом времени и месте. Это справедливо как в поисках истины, так и во многих областях ординарной жизни. Надейся и работай так, чтобы ты был приемлем в суфийском круге. Не пытайся судить его или его членов, если ты не свободен от алчности. Алчность заставляет тебя верить в такие вещи, в которые ты в нормальных условиях не поверил бы, она заставляет тебя не верить в такие вещи, в которые ты в нормальных условиях поверил бы. Если ты не можешь преодолеть алчность, проявляй ее только там, где ты можешь видеть ее действия. Не вноси ее в круг посвященных.

(Назир эль Казвини, “Одинокие заметки”).

РАССКАЗ ОБ ИБН ХАЛИМЕ

Жили-были два человека, широко известные как учителя Правильного Пути. Ибн Халим сообщает, что он отправился навестить сначала одного из них, имя которого было Пир Ардишир Квазвини. Он сказал Пиру Ар-диширу: “Не дашь ли ты мне совет относительно того, что мне делать и чего не делать?”

Пир сказал: “Да. Но я дам тебе такие инструкции, выполнять которые ты найдешь очень трудным для себя, поскольку они идут вразрез с тем, что ты предпочитаешь. Даже если иногда ты предпочитаешь трудности”.

Ибн Халим провел несколько месяцев с Пиром Ар-диширом и нашел, что учение действительно трудно для него. Хотя прежние ученики Пира были сейчас знамениты по всему миру как просветленные учителя, Ибн Халим не мог выдержать трудности изменения, неуверенности и обязанностей, возлагаемых на него. В конце концов он обратился к Пиру, прося разрешения уйти, и отправился в теккию второго учителя Муршида Амали.

Он спросил Муршида: “Будешь ли ты возлагать на меня ношу, которую я найду почти невыносимой?”

Амали ответил: “Я не буду возлагать на тебя такую ношу”. Ибн Халим спросил: “Примешь ли ты тогда меня в ученики?” Муршид ответил: “Не ранее чем ты спросишь: “почему мое учение не будет таким обременительным, как учение Пира Ардишира?” Ибн Халим спросил: “Почему оно не будет таким обременительным?” Муршид сказал: “Потому что я не буду заботиться о тебе и о твоей реальной пользе, как заботился Ардишир. Поэтому ты не должен просить сейчас принять тебя как ученика”.

ЖЕНЩИНА-СУФИЙ И КОРОЛЕВА

Некая женщина из опальной династии Омейидов стала суфием и пришла навестить королеву из династии Эль-Махди, которая сместила Омейидов.

Королева сама была известна как женщина утонченная и сочувствующая. Когда она увидела изможденную и оборванную фигуру бывшей принцессы Омейидов, стоящую у дверей, она попросила ее войти и приготовилась встретить ее словами утешения и такими подарками, которые облегчат ее видимую нужду. Но не успела принцесса Омейидов сказать: “Я дочь семейства Омейя...”, как королева забыла всю свою милость и запричитала: “Женщина проклятых Омейидов! Ты, без сомнения, пришла выпрашивать подавание, позабыв обо всем зле, которое ваш род причинил нашей семье, как вы притесняли нас, как безжалостно с нами обращались, не

оставляя никакого другого выхода, кроме обращения к Богу...”

“Нет,— сказала принцесса Омейидов.— Я пришла не за сочувствием, не за прощением и не за деньгами. Я пришла посмотреть, научилось ли семейство Эль-Махди тому, как себя вести, у своих предшественников, не умевших этого — безжалостных сынов Омейя. Или же то поведение, которое ты осуждаешь, оказалось заразным и наверняка кончится падением тех, кто им заразился”.

Принцесса династии Омейя вышла, и больше никто ее не видел. Однако, до нас дошел этот рассказ только со слов королевы Эль-Махди и поэтому он может быть причиной некоторого улучшения человеческого поведения кое-где.

ПОМОЩНИК ПОВАРА

Некий знаменитый, всеми уважаемый и влиятельный купец пришел к Бахаудину Накшбанду. Он сказал на открытом собрании: “Я пришел, чтобы отдать себя в твоё распоряжение и в распоряжение твоего Учения, я прошу принять меня в ученики”. Бахаудин спросил его: “Почему ты считаешь, что ты способен получить пользу от Учения?” Купец ответил: “Все, что я знал и любил в поэзии и учениях древних, как это запечатлено в их книгах, я нахожу в тебе. Все, что другие суфийские учителя проповедуют, рассказывают и передают от мудрых, я фактически нахожу в тебе в полноте и совершенстве, которого не встречаю в них. Я рассматриваю тебя как равного среди равных с Великими, потому что я могу ощущать в тебе и во всем, что тебя окружает, аромат истины”.

Бахаудин велел этому человеку уйти, сказав, что он сообщит ему свое решение относительно того, можно ли его принять, в должное время. Через шесть месяцев Бахаудин призвал купца к себе и сказал: “Готов ли ты публично вступить со мной в обмен мнениями?” Тот ответил: “Да, с любовью и охотой”.

Во время утренней встречи Бахаудин вызвал этого человека из круга слушателей и велел ему сесть рядом с собой. Слушателям он сказал: “Это такой-то и такой-то всем известный король купцов этого города. Шесть месяцев назад он пришел сюда, считая, что он может уловить аромат истины во всем, что меня окружает”. Купец сказал: “Этот период испытания и отделения, эти шесть месяцев без возможности взглянуть хоть мельком на Учителя, это изгнание заставило меня еще более глубоко погрузиться в классику для того, чтобы я мог по крайней мере сохранить хоть какие-нибудь отношения с тем, кому я хочу служить, с самим Бахаудином Эль Шахом, совершенно очевидно идентичным с Великими”.

Бахаудин сказал: “Шесть месяцев прошло с тех пор, как ты был здесь последний раз, ты работал в своей лавке и ты изучал жизни великих суфиев. Ты, однако, мог бы изучать меня, раз ты рассматриваешь меня как явно равного Знающим прошлого, потому что каждую неделю я дважды бывал в твоей лавке. За прошедшие шесть месяцев, в течение которых “мы не были в контакте”, я сорок восемь раз побывал в твоей лавке. Во многих случаях при этом мы разговаривали с тобой, так как я делал какие-нибудь закупки или продавал что-нибудь. Из-за товаров и из-за простой смены внешности ты не узнавал меня, где же здесь ощущение “аромата истины”?”

Купец молчал. Бахаудин продолжал: “Когда тыходишь близко к человеку, которого другие зовут “Бахаудин”, ты можешь ощущать, что он есть истина. Когда же ты встречаешь человека, который называет себя купцом Хваджа Алави (один из псевдонимов Бахаудина), ты не можешь различить аромат истины в том, что окружает Алави. Ты ощутишь находишь в Накшбанде только то, что другие проповедуют, не имея этого сами. В Алави ты не находишь того, чем являются мудрые, но чем они не кажутся. Стихи и учения, о которых ты говорил, это лишь внешние проявления. Ты питаешься внешними проявлениями, прошу тебя, не давай этому имя духовности”.

Купцом был Махсуд Надим Зада, позднее известный святой, который стал учеником Бахаудина после того, как он согласился учиться под руководством повара ха-наки (Прим.: ханака — общежитие дервишей), который совершенно не разбирался в поэзии, не был способен к духовным разговорам и не знал никаких упражнений.

Однажды Махсуд сказал: “Если бы я не изучал то, что в моем воображении являлось

духовным путем, то мне не пришлось бы забывать многочисленные ошибки и показательные проявления, которые Халифа-Ашпаз (повар) выжиг из меня, игнорируя мои претензии”.

ПОЧЕМУ МОКРОЕ НЕ СУХОЕ

За тысячи лет до того, как он стал широко известен людям, Хидр бродил по земле, разыскивая тех, кого бы он мог учить. Когда он находил подходящих учеников, он давал им Знание Истины и разных полезных искусств. Но так же часто, как он вводил новое знание, так же часто оно искажалось и неправильно использовалось. Людей интересовало только применение способностей и законов, а не понимание вглубь, поэтому Знание не могло развиваться в целом.

Поэтому однажды Хидр решил применить совсем другие средства обучения. Множество вещей он превратил в их противоположность. Так, например, то, что обычно было мокрым, он сделал сухим, а сухое обратил в мокрое.

Преобразовав огромное количество вещей, Хидр однажды в будущем вернется назад, чтобы показать что есть что. До тех пор, пока он не сделает этого, лишь очень немногие будут иметь возможность получать пользу от работы Хидра. Те, кто не способны получать пользу, это как раз такие люди, которые любят говорить: “Это я уже знаю”, в то время как на самом деле они не знают.

КНИГИ

Если я дам пустой книге заголовок: “ВЫ ПОКА ЧТО НЕ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПОЛЬЗУ ОТ МОЕЙ КНИГИ”, то вы, может быть, подумаете: “он наносит мне оскорбления”. Но если я дам полную и понятную книгу, то все читатели употребят внешнюю форму сказанного для стимуляции самих себя, восклицая: “Как чудесно! Как глубоко!” Люди будут следовать этим внешним вещам, сделав их источником стимуляции и споров, они будут вычитывать в них наставления, поэзию, упражнения или рассказы.

Если я не дам никаких книг или только маленькую книжонку, то ученые высмеют и искалечат умы потенциальных и уязвимых студентов при помощи противоположно направленной литературы в еще большей степени, чем они делают это сейчас. Запутавшиеся студенты станут факторами разрушения, воображая различные решения, а затем пытаюсь навязать их другим.

Если я напишу большую книгу, то некоторые люди вообразят, что она претенциозна. Все эти предположения, как вы видите, имеют реально место, потому что людям очень удобно действовать согласно им, а не потому что эти предположения, хотя бы отдаленно, правильны.

Если я напишу зашифрованную книгу, люди вообразят, что она содержит странные секреты. Или же они станут чрезмерно и без необходимости мудрствующими, пытаюсь понять ее.

И чем больше вы будете говорить подобные вещи, тем больше людей с раздражением или обидой будут говорить: “Вы не понимаете нас, мы не ведем себя так. Это просто в вас самих говорит отсутствие понимания”.

Но если я говорю все эти вещи, а вы посмотрите на них на все, хоть какое-то время, уделив равное время каждому заявлению, я буду удовлетворен.

(Бахаудин).

КОГДА ЧЕЛОВЕК ВСТРЕЧАЕТ САМОГО СЕБЯ

Одна из величайших трудностей человека является также самым очевидным его тормозом. Это может быть исправлено, если кто-нибудь побеспокоится о том, чтобы указывать ее достаточно часто и достаточно сознательно. Эта трудность состоит в том, что человек описывает самого себя, когда он считает, что описывает других.

Сколь часто вы слышали, как люди говорят обо мне: “Я рассматриваю этого человека как Кутуб (магнитный полюс) Века”. Имеется в виду, конечно: “Я рассматриваю этого человека...”

Он описывает свои собственные чувства или убеждения, в то время как мы хотим знать, может

быть, что-нибудь о самом лице или предмете, который описывается. Когда он говорит: “Это учение хорошее”, он имеет в виду: “Это, кажется, мне подходит”. Но мы могли хотеть узнать что-нибудь об учении, а не о том, что он думает по поводу того, как это учение влияет на него.

Некоторые люди говорят: “Однако, любую вещь можно действительно узнать по ее проявлениям. Почему бы не понаблюдать, как она влияет на человека?” Большинство людей не понимают того, что влияние, скажем, солнечного света на деревья это нечто постоянное. Для того, чтобы узнать природу учения, нам потребовалось бы знать природу того человека, на которого оно оказывает действие. Обычный человек не может этого знать. Все, что он может знать, так это то, что этот человек считает влиянием на себя. При этом он не имеет осознанной картины того, чем является “он сам”. Поскольку внешний наблюдатель знает еще меньше, чем тот человек, который себя описывает, то мы остаемся с совершенно бесполезными доказательствами. У нас нет свидетелей, на которых можно было бы положиться.

Помните, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, всегда будет находиться одно и то же число людей, говорящих: “Это чудесно”, как бы говоря:— “это загадочно”. “Это загадочно” в действительности означает: “Мне это кажется загадочным”. А “это чудесно” — означает: “Мне это кажется чудесным”.

Вам действительно нравится быть такими?

Многим людям нравится, в то время как они энергично утверждают противоположное. Хотелось бы вам иметь способность проверять что в действительности является чудесным или загадочным или чем-нибудь в этом роде?

Вы можете делать это, но не тогда, когда вы воображаете, что можете это делать без всякой практики, без всякой тренировки, находясь в самой гуще неуверенности относительно того, чем же это таким вы являетесь и почему вы не любите одно и любите другое.

Когда вы нашли себя, вы можете иметь знание. До тех пор вы имеете только мнение. Мнения основаны на привычке и на том, что вы воспринимаете как подходящее для себя. Изучение Пути требует постоянных встреч с самим собой. Вы еще не встретили самого себя. Единственная выгода от того, что пока что вы встречаетесь с другими, состоит в том, что один из них может быть представит вас самому себе. До того, как вы сделаете это, вы будете, возможно, воображать, что вы встречались с самим собой множество раз. Однако, истина состоит в том, что когда вы действительно встретите самого себя, вы сделаете постоянную ставку на знание, а это такой опыт, подобного которому нет на земле.

(Гарикави).

СУФИЙ И РАССКАЗ О ХУЛАГУ

Суфийского учителя посетили несколько людей различных вероисповеданий и сказали ему: “Прими нас как своих учеников, потому что мы видим, что в наших религиях не осталось никакой истины, и мы уверены в том, что то, чему ты учишь, является единственным правильным путем”. Суфий сказал: “Разве вы не слышали о монгольском хане Хулагу и о том, как он захватил Сирию? Давайте я расскажу вам. Ахмад, визирь багдадского халифа Мустасима, пригласил монгола, чтобы тот захватил владения его хозяина. Когда Хулагу одержал победу в битве под Багдадом, Ахмад отправился к нему за наградой. Хулагу сказал: “Ты ищешь вознаграждения?” И визирь ответил: “Да”. Хулагу сказал ему: “Ты предал своего собственного хозяина и все же ожидаешь, что я поверю, что ты будешь верен мне”. Он распорядился, чтобы Ахмад был повешен.

Прежде, чем вы попросите кого-нибудь принять вас, спросите самих себя: может быть, это просто потому, что вы не последовали путем своего собственного учителя. Если вы удовлетворены относительно этого, тогда приходите и просите о том, чтобы стать учениками.

РЫБА НА ЛУНЕ

Однажды спросили шейха Бахаудина Накшбанда: “Почему ты всегда говоришь, что никто не может изучать суфизм самостоятельно и что никто из тех, кто считает себя более другого

продвинутым на Пути, не идет вообще ни в какой расчет?”

Он ответил: “Потому что весь мой ежедневный опыт показывает, что все те, кто думают, что они могут изучать суфизм самостоятельно, в действительности не могут этого делать: у них слишком много эгоцентризма. Те, кто считают, что они не могут учиться в одиночку, на самом деле могут это делать. Однако, по причине тщеславия, только настоящий Учитель может дать им разрешение двигаться дальше в одиночку, потому что он может диагностировать их истинное состояние.

Любой, кто думает, что он более продвинут в Знании, чем другой, является почти полным невеждой и не способен учиться дальше. Он двигается кругами и кругами в “сатанинских кишках” невежества. Только потому, что опыт реального Знания никоим образом не соответствует мышлению, одни более продвинуты, чем другие. Вы наблюдали, что я никогда не принимал в ученики того, кого я критиковал за самонадеянность. И это потому, что он непременно чувствовал бы, вне зависимости от того, что бы он ни вообразил, что моя критика, обращенная к нему, мотивируется желанием учить его. Поэтому те, кого я критикую, всегда отсылаются мной обратно. Всегда есть надежда, что они могут найти такого учителя, который не станет им льстить, хотя это так же вероятно, как то, что на луне есть рыбы”.

КИЛИДИ И ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ

Суфийский учитель Килиди обнаружил, что многие из его учеников большую часть своего времени проводят, распространяя истории о его изумительных достоинствах, его необыкновенной силе угадывать мысли и нужды своих учеников. Он обращался к ним раз и другой, однако человеческая склонность к тому, чтобы хвастать о ком-нибудь, кому они служат или кого обожают, оказалась слишком сильна в них.

Однажды он сказал: “Если вы не прекратите эту практику, которая не только постоянно ставит меня в окружение зевак, но препятствует мне в том, чтобы передавать вам дальнейшее значимое Знание, то я буду вынужден создать пример, который вызовет у вас нелюбовь ко мне. Он может вас сделать посмешищем за то, что вы следуете мне”.

Поскольку это предупреждение не принесло желаемого эффекта, Килиди вскоре после этого в присутствии многочисленных учеников и горожан дал сто золотых монет проходящему мимо нищему. Вскоре после этого нищий вернулся назад вместе с золотыми, говоря: “Это золото не принесло мне добра. Моя жена теперь говорит, что она должна получить половину его или должна получить такую же сумму от тебя, поскольку она так же бедна, как я”. Килиди взял у него золото и вручил его богатому человеку, который стоял неподалеку, сказав: “Богатые люди не жалуются на то, что у них есть деньги”. Нищему он сказал: “Теперь ты переведен в прежнее состояние, восстанови свои нормальные гармонические отношения с женой”. Повернувшись к своим ученикам, он сказал: “Теперь вы видите, что Килиди делает ошибки, и мир тоже это видел”.

ПШЕНИЦА И ЯЧМЕНЬ

Всеми признанный ученый человек, который посетил Бахаудина Накшбанда, спросил: “Благодаря твоему характеру, упражнениям и проявленной способности к добру ты занимаешь место в народе, а также в сердцах твоих последователей как современный Мастер Века. Всегда ли так было с тобой?”

Бахаудин сказал: “Нет, так было не всегда”. Посетитель сказал: “Древние среди суфиев часто рассматривались как подражатели, их высмеивали ученые, и боялись интерпретаторы. Некоторые из тех, кого адепты считают самыми благородными примерами, занесены в книги формально ученых как нежелательные явления или как влияния, неприемлемые для авторитетов. Тем не менее, если они сделали вклад в Знание и практику Пути, то они наверняка были очевидными адептами?”

Бахаудин сказал: “Некоторые являлись очевидными адептами, другие являлись очевидным ничтожеством”.

“Где же тогда лежит существенное качество дервиша?”

“Оно лежит в реальности, а не в его внешнем виде”.

“Разве такие люди не имеют качеств, посредством которых любой мог бы оценить их?”

Бахаудин ответил: “Помнишь рассказ о пшенице и ячмене? Одно время люди сажали в полях пшеницу. Каждый привык видеть, как пшеница вырастает, и жить хлебом, сделанным из ее муки. Однако, прошло время и появилась необходимость сажать ячмень. Когда он появился на полях, то многие люди-буквоеды, какими имеют тенденцию быть все ученые, закричали: “Это не пшеница!” “Да,— сказали те, кто выращивали ячмень,— но это злак, и именно злак, в котором мы все вуждаемся”. “Шарлатаны!” — закричали буквоеды. И так много раз, когда выращивался урожай ячменя, крики о том, чтобы изгнать культиваторов, были настолько громкими и эффективными, что не было никакой возможности предоставить людям муку. Люди голодали, но думали, убеждаемые буквально мыслящими советниками, что им будет лучше, если они будут избегать урожая, который выращивают люди ячменя”.

Посетитель спросил: “В таком случае то, что мы называем “суфизм”, является в действительности “злаком” из твоей сказки. Мы называем “пшеницей” или “ячменем” — “злак” и должны понять, что есть нечто более глубокое, манифестацией чего являются оба эти растения?”

“Да” — сказал Мауляна.

“Пожалуй, явно было бы более желательным, чтобы нам было дано знание о “злаках” вместо “пшеницы” и “ячменя”, которыми мы называем “злаки”, — сказал вопрошавший.

“Конечно, так было бы лучше, если бы так можно было сделать,— сказал Бахаудин,— однако положение таково, что большинство людей ради самих себя и ради других все еще должны работать, чтобы можно было есть. Очень мало таких людей, которые знают, чем являются злаки. Это те люди, которых ты называешь гидами. Когда человек знает, что люди могут умереть от голода, он вынужден давать им такую пищу, какую может. Только те, кто не работают в полях, имеют время для того, чтобы размышлять о зерне. И именно они, в то же время, являются теми, кто не имеет никакого права делать это, потому что они не пробовали зерна и потому что они не работают ради производства муки для людей”.

“Нехорошо говорить людям, чтобы они делали что-то, если они не могут понять, зачем им следует делать это” — сказал посетитель.

“Еще хуже объяснять, что какое-то определенное дерево собирается упасть, и объяснять это с такими деталями, что прежде, чем вы закончите свой рассказ, вся ваша аудитория будет насмерть раздавлена этим деревом”, — ответил Бахаудин.

БУТЫЛКА ВИНА

Рассказывают на собраниях мудрости, что жил некогда человек, который пожелал развлечь друга, оказав ему самое большое гостеприимство, на которое только был способен. Когда он и его друг сидели некоторое время после обеда, хозяин сказал: “Может, нам выпить немного вина, чтобы разогнать застылость нашего мышления и стимулировать остроту наших чувств?” Его гость согласился. Оказалось, что в доме у этого человека была только одна бутылка вина, и он сказал об этом своему гостю. Но когда он послал за вином своего сына, который страдал косоглазием и видел все предметы удвоенными, тот вернулся и сказал: “Отец, там две бутылки, которую из них ты хочешь, чтобы я принес?” Устыдившись того, что гость подумает, будто он не хочет выставлять на стол все, что у него есть, отец ответил: “Разбей одну бутылку и принеси нам сюда другую”. Паренек, конечно, ударил камнем одну-единственную бутылку с тем результатом, что вообразил, будто он нечаянно разбил обе. Поэтому этим вечером хозяин и гость остались без вина. Гость подумал, что паренек был дураком, в то время как тот просто страдал косоглазием. Причиной уничтожения бутылки была гордость хозяина своим собственным гостеприимством. Мальчик же горевал о том, что он сделал что-то неправильное.

Все это произошло потому, что хозяин боялся, что если он признается потом гостю, что его сын страдает удвоенным видением предметов, то гость сможет вообразить, будто бы это была только отговорка, чтобы не выставлять на стол все свое вино.

САЙД БАХАУДИН НАКШБАНД

Мы стояли на маленьком плато в высоких горах Кохистана. Мой учитель сказал: “Взгляни на эти сосны, как некоторые из них малы, а некоторые велики. Некоторые хорошо укоренились, а другие заваливаются на бок. У некоторых же без всяких очевидных причин искалечена часть ветвей”.

Я сказал: “Какой вывод мы можем сделать из этого?”

Он сказал: “Высокие деревья полны вдохновения”.

“И что же, они все удачливы в жизни?”

“Ни в коем случае”.

“А искалеченные деревья?”

“Это те, кто выискивают способ оправдать себя”.

“Что же, маленькие деревья лучше, чем большие?”

“Некоторые могут быть маленькими из-за наследственности, из-за того, что не было благоприятного случая, из-за отсутствия питания, из-за желания”.

“Ну, а те, что глубоко укоренились?”

“Все зависит от их природы и от разборчивости их корней при добывании реальной пищи. Некоторые из глубоко укоренившихся стали такими из-за излишней жадности потреблять. Иногда это как раз те деревья, которые валят дровосеки и используют на дрова...”

ГУБКА НЕСЧАСТИЙ

Рассказывают, что в течение многих столетий могила Боланд-Ашьяна излечивала болезни, исполняла желания и приносила блага всем, кто посещал ее. Она была известна как “губка несчастий”. Гробница была расположена в небольшом городке Мургане в Иране, и в этом же городе Фейсал Надим более двадцати лет работал поваром в Ашхане (ресторан). Фейсал никогда не ходил к гробнице, однако, те путешественники, которые приходили к нему на кухню и проводили какое-то время с ним, пока он работал, пополняли линию просветленных суфиев, называвшихся Надими. Ну а посетители гробницы никогда не становились в какой-либо мере известными своей пронизательностью, разве что среди невежд.

Некто спросил мудреца Хоррама Али: “Почему благочестивые пилигримы не преобразались после своего посещения места стольких чудес? И почему завсегдатаи кухни становились суфийскими святыми?” Хоррам ответил: “Губка впитывает ненужную воду, однако, она может также помешать в определенных обстоятельствах полезной работе. Она совершенно нечувствительна, какие бы заслуги вы ей не приписывали. Повар знает меру ингредиентов и как сделать их удобоваримыми. Повару может быть нужна губка для того, чтобы убирать то, что стоит на его пути, например, грязную воду. Только глупец, который смотрит исключительно на губку, вообразил бы, что она действует по своей собственной воле”.

ХРУСТАЛЬНАЯ РЫБКА

Один молодой человек, оказав какую-то услугу ло-дочнице, получил от него в подарок маленькую хрустальную рыбку. Он потерял ее и в отчаянии от потери такой редкой и красивой вещицы находился в расстройстве чувств, когда увидел другого человека, на шее которого был шнурок, на котором висела хрустальная рыбка. Молодой человек потащил его в суд и обвинил его в воровстве. В последний момент, когда этого человека спросили, не может ли он что-либо сказать прежде, чем его отвезут в тюрьму, он сказал: “Спросите любого лодочника в этой стране — мы все имеем такие эмблемы, и моя принадлежит мне, она не принадлежит этому юноше. У меня есть также два глаза и рот, но они тоже не принадлежат ему”.

“Почему ты не заговорил раньше?” — спросил староста лодочников. “Потому что нет никакой заслуги для всего человечества, если к истине приходят путем того, что все партии используют чувства. Необходимо, чтобы кто-нибудь доказал что-либо, что может в конце концов оказаться совершенно недоказательным”.

“Однако, мы все должны учиться” — заметил судья.

“Увы,— сказал лодочник,— если считается, что учение зависит от предоставления доказательств, то мы имеем только одну половину знания, и мы наверняка никуда не придем”.

Киштивани, школа, к которой принадлежал тот лодочник, была известна своим обычаем повсеместно подчеркивать тот факт, что люди большую часть своего времени проводят, делая скороспелые заключения, или же совершенно не замечая фактов.

НОСИТЕЛЬ ПЕЧАТИ

Вскоре после смерти Мауляна Бахаудина Накшбан-да оборванный человек появился вблизи места захоронения и потребовал: “Отведите меня к Халифе (представителю)”. Халифы там не было. Он сказал: “Пусть Биби Джан, вдова Мауляны, признает меня”. Все были приведены этим незнакомцем в замешательство, и те, кто остался от последователей Мауляны, не знали, что говорить или делать.

Бродяга сказал: “Нет никакого Халифы, нет никакого понимания! Поэтому я покажу вам то, что даже человеческий осел должен знать”.

Он вынул печать Бахаудина Накшбанда. После этого с этим человеком стали обращаться с почетом, но он попросил, чтобы его отвели к стене напротив холма Тел-ладжо. Он разрушил часть стены и сказал, чтобы люди, которые были рядом, выкопали ее основание. Затем он выкопал какие-то предметы, похороненные там, и сказал: “Это все для меня. Это было бы для учеников, если бы они были адептами”. Некто спросил: “Почему ученики не получают их?” Он сказал: “Эль Шах говорил им, чтобы они выкопали основание стены, но вместо этого ни надстроили стену наверху, поэтому стена со временем упала бы и бесценные предметы были бы потеряны. Лень мюридов (учеников) в ручной работе и их высокое положение в воображении явилось причиной того, что они не нужны в духовном царстве”.

Мюрид спросил: “Не можем ли мы узнать о тех, кто не похож на нас, потому что мы жаждем знания”. Загадочный дервиш сказал: “Те, кто могли знать, уже знают. Те, кто оставлены, слишком опоздали, чтобы знать. Поэтому они удовлетворяют самих себя тем, что находятся рядом с Эль Шахом. Однако, было бы лучше, если бы они разошлись. В противном случае они просто будут повторять имена и формулировки Эль Шаха, и люди будут уведены в сторону, воображая, что это суфизм”.

Некто сказал: “Кто ты, Просветленный, кто ты, Святой, кто ты, Измененный? Не останешься ли ты с нами?” Он ответил: “Я самый младший слуга мастеров ордена Хваджаган. Слуга может находиться только там, где он может исполнять приказы своего хозяина, я не могу нести службу смирения в компании высокомерных”.

Некто спросил: “Каким образом мы можем уменьшить наше высокомерие?” Он сказал: “Вы можете уменьшить его, осознав что вы не достойны быть представителями учения Эль Шаха. Недостойные вдвойне неспособны. Они уводят в сторону самих себя, воображая, что они изучают Путь. И они уводят в сторону других, претендуя на то, что они учат их; даже тем, что запутывают их. Это не учеба, это не учение. Там, где нет Представителя, имитация его положения равносильна узурпации. Узурпация разрушает душу”.

НАПОЛНЕННЫЙ

Один Астроном, который был тщеславен и полон своего знания, отправился в путешествие и посетил Кушья-ра-Мудреца, учителя Авиценны. Однако, Кушьяр не захотел иметь с ним какое-либо дело и отказался учить его как бы то ни было. Астроном уже уходил, будучи сильно опечаленным, когда Кушьяр сказал: “Твоя вера в то, что ты знаешь столь много, имеет тот эффект, что делает тебя похожим на сосуд, до краев наполненный водой. По этой причине ты, точно так же, как сосуд, не способен принять в себя хоть что-либо еще. Однако, такая наполненность является переполненностью тщеславием, и факты таковы, что в действительности ты пуст, независимо от того, что ты по этому поводу чувствуешь”.

ГОЛОС В НОЧИ

Голос прошептал мне прошлой ночью: “Не существует такой вещи, как голос, шепчущий ночью!”

(Хайдар Ансари)

КРОШКИ

Крошки со стола Эмира больше, чем халва, подаренная купцом.

(Тимур Фазиль)

ВОСПРИЯТИЕ

Рассказывают, что некто сказал великому философу Саади: “Я хочу иметь восприимчивость для того, чтобы стать мудрым”. Саади сказал: “Восприимчивость без мудрости хуже, чем вообще ничего”. Его спросили: “Как же это может быть?” Саади сказал: “Как в случае со стервятником и коршуном. Стервятник сказал коршуну: “У меня зрение намного лучше, чем у тебя. Сейчас вот я вижу там внизу, на земле зерно, в то время как ты ничего не видишь”. Обе птицы спланировали вниз, чтобы найти зерно, которое видел стервятник и не видел коршун. Когда они уже были совсем близко от земли, коршун заметил зерно. Стервятник продолжил свой спуск и проглотил зерно, а затем тут же свалился замертво, потому что зерно было отравлено”.

ЗОЛОТАЯ МУХА

Жил-был однажды человек, которого звали Саляр, который мог отличить, что правильно, а что неправильно, который знал, что следует делать, а чего не следует, и который знал очень много книжных знаний. Фактически он знал настолько много, что был назначен личным помощником Муфтия Зафрани, известного юрисконсульта и судьи. Однако, Саляр не знал всего, и даже в том, что он знал, он не всегда действовал в соответствии со своим знанием.

Однажды, когда он отставил в сторону свой стакан со сладким соком, маленькая сверкающая золотая мушка опустилась на край стакана и отпила глоточек. Затем такая же вещь произошла на следующий день, и на следующий, до тех пор, пока мушка не выросла и Саляр смог легко ее видеть. Однако, мушка росла так медленно, что Саляр вообще едва замечал ее. В конце концов через несколько недель, когда Саляр находился в глубоком изучении запутанной судебной проблемы, он поднял глаза и сообразил, что мушка кажется намного крупнее, чем она должна быть. Он махнул на нее. Муха тотчас поднялась в воздух, покружилась над стаканом и улетела прочь. Однако, она вернулась назад. Когда бдительность Саляра ослабла, мушка спустилась вниз, села на край стакана и отпила столько, сколько смогла. По мере того, как дни шли за днями, мушка становилась все крупнее и крупнее, и так как она пила все больше и больше, она и выглядеть начала по-другому. Сначала Саляр просто смахивал ее. Затем он обнаружил, что ему нужна палка, чтобы отгонять ее. Временами также мушка начинала видиться ему как нечто похожее на получеловеческую форму. Конечно, это был джин, а совсем не муха.

В конце концов Саляр закричал на муху, и, о ужас, она ответила ему, говоря: “Я беру не так уж много твоего напитка и, кроме того, я красивая, разве не так?” Сначала Саляр был изумлен, затем перепуган и в конце концов пришел в полное смущение. Он начал извлекать для себя некоторое удовольствие из посещения мухи, даже несмотря на то, что она выпивала часть его щербета. Он наблюдал за тем, как муха танцевала, и думал о ней почти непрерывно. Работал он все меньше и меньше, и по мере того, как муха становилась все крупнее и крупнее, он обнаружил, что чувствует себя все слабее и слабее. У Саляра начались частые неприятности с Муфтием, поэтому он подтянулся и решил покончить с мухой. Собрав всю свою решимость, он нанес мухе ужасающий удар, но она улетела, сказав: “Ты покалечил меня только за то, что я хотела быть

твоим другом, но я уйду, если ты этого хочешь”. Сначала Саяр чувствовал, что он, к собственному счастью, избавился от мухи. Он сказал самому себе: “Я побил ее, а это доказывает то, что я более могущественен, чем она, будь она человек или джин, муха или нет”.

Затем, когда Саяр убедил себя, что все это дело закончилось, муха появилась опять. Она выросла до огромных размеров и она спустилась с потолка подобно сверкающему озеру в форме человека. Протянулись две огромные руки и схватили Саяра за горло.

Когда пришел Муфтий, разыскивая своего помощника, тот лежал задушенный на полу, боковая стена дома была проломлена в том месте, где прошел джин. И все, что осталось доказательством его огромных размеров, был отпечаток его ладони на побелке, такой же огромный, как бок слона.

КАБАЦКИЙ ЗАКЛАД

Могут нам сказать: “Пришли они напрасно”.

Пусть они не будут пришедшими напрасно.

Мы оставляем это как наследство для тебя,

Проделав, что могли, все дальше — для тебя.

Запомни: это труд, что был поручен нам.

Запомни: суждено опять встречаться нам.

(Песня дервишей)

НОЖ

Бродячий дервиш вбежал туда, где сидел суфий в глубоком размышлении, и сказал: “Быстрее! Мы должны что-нибудь предпринять! Обезьяна только что завладела ножом”.

“Не горюй,— сказал суфий,— поскольку это не человек”.

Когда дервиш вновь увидел обезьяну, то он обнаружил, разумеется, что она уже выбросила нож.

(Кардан).

КАРАВАН-САРАЙ

Жил однажды человек по имени Мюин, который был предан и обманут в молодости другим чрезвычайно жадным человеком, которого звали Халим. Мюин сказал самому себе: “Когда-нибудь я буду в таком положении, что смогу отплатить этому человеку. Я стану богатым и зависть погубит его, особенно если я откажу ему в деньгах!”

Однако, прошли годы, а Мюин так и не стал богатым. Всех его сбережений хватило бы богатому человеку только на месяц. Когда ему исполнилось сорок лет, он заболел и врачи сказали, что жить ему осталось всего несколько недель.

У Мюина был знакомый суфий (по имени Дауд, сын Закарии), советами которого он пользовался, и он спросил его, что он еще может сделать.

“Возбуждать зависть не является частью суфийской работы, потому что зависть является смертельным распадом и убивает человека, питая его. Убрать ее можно только с величайшей трудностью. Фактически единственным методом для пораженного ею было бы практиковать интенсивную и действительную щедрость, а это он редко захочет делать. Это я могу тебе сказать, додумывать все остальное я оставляю тебе: завистливые разрушают самих себя тем, что они принимают за правду, а не действительной истиной”.

Мюин глубоко размышлял над этими словами. Затем он послал за своим сыном Арамом и сказал ему: “Я очень мало что могу оставить тебе, но я полагаю, что смогу заплатить долг и позаботиться о твоём будущем при помощи разумного вклада, если я его сделаю сейчас, поэтому слушайся меня в каждой детали. Жить мне осталось очень немного”.

Арам, буквально следуя его инструкциям, взял все сбережения отца и купил кое-какие драгоценности, два прекрасных дома и многое другое. Затем отец и сын отправились в самый дорогой караван-сарай, находившийся вблизи дома злодея, и позвали его к себе. Мюин, ослабленный напряжением, лежал в постели. Увидев Ха-лима, он сказал: “Я, вероятно, нахожусь на смертном ложе, а ты единственный человек, которого я знаю в этой местности. У меня, как ты видишь, есть сын, и ему я передам суфийский секрет, который произвел все те вещи, которые ты видишь в моем владении. Ухаживай за этим мальчиком Арамом и он расскажет тебе секрет в правильно выбранный благоприятный момент, этому я научил его”.

Вскоре после этого Мюин умер. Халим, который был очень богат, засыпал мальчика подарками и делал все, чтобы возбудить в нем доброту к себе, алчно желая суфийского секрета. Он оставался постоянно внимательным на тот случай, если вдруг придет благоприятный момент для передачи секрета. Но Мюин сказал Араму перед смертью: “Открой Халиму слова суфия, если он будет достаточно щедр к тебе и если ты увидишь, что он больше не жадничает”. Поэтому Арам годами наблюдал за Халимом. Халим предлагал деньги, но получалось так, что он никогда не давал столько, сколько предлагал. Арам брал сколько ему давалось и даже просил большего, как прямо, так и через своих посредников, для того, чтобы посмотреть, есть ли со стороны Халима какое-нибудь сопротивление—и каждый раз он находил очень много такого сопротивления. Этот процесс продолжался несколько лет. Халим страдал от приступов подъема и депрессии и начал интересоваться всякими извращениями, такими, как сплетни, чтобы ослабить напряженность своей жизни.

Пришел однажды такой день, когда он читал суфийскую книгу, в которой было сказано: “То, что обещания даются, но не выполняются, препятствует передаче суфийских секретов”. Внезапно он вспомнил, что он не выполнил всех своих обещаний Араму. В тот же самый день он предложил Араму недостаток в очень большую сумму, покрывавшую все, что он вначале обещал и недодал ему.

Арам сказал: “Я не судья тому, почему ты это сделал. Но поскольку, может быть, это было сделано по правильным причинам, я скажу тебе суфийский секрет сейчас”.

Он рассказал Халиму все, что произошло между суфием и Мюином. Тогда Халим, жадность которого была преодолена восхищением мудростью суфия, сказал: “Арам, у меня в сердце нет места для сожаления о деньгах, которые были потрачены. Сделай для меня только одну вещь: расскажи мне, как найти этого суфия, чтобы я мог поцеловать его ноги”.

Этот рассказ был рассказан Халимом, великим суфийским мудрецом, который со временем заменил Шейха Дауда, сына Закарии.

ФАНТАЗИЯ

О, человек! Если б ты только знал, как много ложных вымыслов воображения были ближе к Истине, чем тщательные заключения осторожных. И насколько эти истины бесполезны до тех пор, пока фантазер, закончив свою работу с воображением, не станет менее вымысленным.

(Шаб-Парак)

НЕУМЕСТНОСТЬ

Один из суфийских мудрецов назначил представителя, чтобы передавать свои инструкции ученикам. Однако, не прошло и долгого времени, как ученики, по своему собственному почину, стали рассматривать этого представителя не как канал для передачи, а как человека, наделенного святостью и авторитетом. Он же, в свою очередь, стал воображать, будто все, что он говорит, очень значительно. В конце концов, усомнившись, в некоторых результатах действий представителя, некоторые из учеников стали спрашивать друг друга: “А действует ли этот человек в полном соответствии с данным ему мандатом?” Некоторые из них рассматривали такие мысли как предательство и закрыли глаза на все злоупотребления.

Мудрец услышал эти расспросы и ответил: “Тщеславие завладело этим представителем, но

оно было вскормлено вашими собственными желаниями преклоняться перед кем-нибудь”.

Ученики приуныли и спросили: “Если это может случиться с доверенным представителем, то что же может произойти с нами?”

Мудрец сказал им: “Этого не могло бы случиться, если бы обе партии не были виноваты. Если бы вы слушались моих приказов вместо того, чтобы создавать своего собственного воображаемого учителя, который не удовлетворялся инструкциями, если бы вы не искали себе идолов, то этого не произошло бы. Однако, с другой стороны, там, где присутствуют такие тенденции, это не только происходит, но и должно происходить. Вместо того, чтобы удивляться тому, что имело место, вам следовало бы понаблюдать, насколько вы не способны отличать ложное от правильного, хотя вы и не достаточно робки для того, чтобы считать, что ложное — это правильное. Это ваш урок”.

Они сказали: “Что должно произойти с ним?”

Он ответил: “Это не ваша забота. Именно то, что вы занимаете себя неуместным, задерживает ваше развитие. И сейчас вы все еще делаете это. Далеко от того, чтобы быть впереди от обычных людей, вы сейчас находитесь далеко позади них. Хотите нагнать?”

ВЕРНОСТЬ

Наджамини (Человек Двух Звезд) уволил ученика со словами: “Твоя верность была проверена. Я нашел ее настолько непоколебимой, что ты должен уйти”.

Студент сказал: “Я уйду, но я не могу понять, как верность может быть основанием для увольнения”.

Наджамини сказал: “В течение трех лет мы проверяли твою верность. Твоя верность бесполезному знанию и поверхностным суждениям совершенна, вот почему ты должен уйти”.

СВЯТИЛИЩЕ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

Саади, суфийский автор персидской классической книги “Розовый сад”, описывает свое посещение гробницы Иоанна Крестителя в Сирии.

Он прибыл туда однажды утомленный до крайности и с окровавленными ногами, но затем, когда он почувствовал жалость к самому себе, он увидел человека, который был не только утомлен, но и вообще был без ног. Саади поблагодарил Бога за то, что у него, по крайней мере, есть ноги.

Этот рассказ на очевидном уровне означает: будь благодарен за небольшие милости. Его учение на этом уровне мы встречаем во всех культурах. Полезно помочь кому-нибудь найти более широкую перспективу в его ситуации, если он страдает от бессилия и жалости к самому себе. Применение таких рассказов для эмоциональных целей -- переключить умственное отношение, даже сделать человека удовлетворенным своей судьбой, а возможно, на какое-то мгновение и благодарным за нее. Это является характерным для условного типа наставлений.

Современные умники говорят: “Все, что Саади сделал, так это указал на так называемые моральные качества, его работа вышла из моды”. Традиционные незрелые сентименталисты могут сказать: “Как прекрасно думать о несчастьи других и своей собственной сравнительной удаче”.

Однако, Саади, будучи суфием, включил в свои писания материал, который имеет более чем одну возможную функцию. Этот рассказ один из них. В суфийских школах этот отрывок принимается за то, чем он и является — за упражнение. Ученик может получить пользу от любой “поддерживающей” морали, которая может быть дана как условная интерпретация. Однако, не залезая вглубь себя, а при помощи самонаблюдения ученик должен быть способен сказать: “Я осознаю, что изменения в моем настроении зависят от эмоциональных стимулов. Должен ли я всегда зависеть от “виденья безногого человека” или от чтения о нем прежде, чем я пойму, что “у меня есть ноги”? Какая часть моей жизни будет потрачена, пока я ожидаю того, чтобы кто-нибудь сказал мне, что нужно делать, или чтобы случилось что-нибудь такое, что изменит мое состояние

и рамки ума?”

Согласно суфиям у человека есть более хорошие, более надежные внутренние чувства и возможности для обучения их, чем постоянные эмоциональные раздражители. Цель суфийской интерпретации этого урока будет сведена к нулю, если она заставит людей начать оргию самораспросов эмоционального сорта. Цель того, что здесь указывается суфийское использование этого отрывка, состоит в том, чтобы он был зарегистрирован в уме таким образом, чтобы в будущем ученик мог заметить более высокую форму оценки его ситуации, когда она начнет действовать в нем.

ЗНАЧЕНИЕ

Человек, который провел много лет, пытаясь разгадать различные значения, пришел повидать суфия и рассказал ему о своих поисках. Суфий сказал: “Иди и размышляй над ЭБНИНЗ”.

Человек ушел. Когда он вернулся назад, суфий был уже мертв. “Ну, теперь я уже никогда не узнаю истины!” — застонал разгадыватель слов. В этот момент появился старший ученик суфия. Он сказал: “Если ты горюешь над секретом значения ЭБНИНЗ, я скажу тебе его. Это первые буквы следующей фразы: “Эти буквы не имеют никакого значения”.

“Но почему же мне было дано такое задание?!” — вскричал озадаченный человек. “Потому, что если к тебе приходит осел, то ты даешь ему капусту. Это его питание вне зависимости от того, как он называет это. Ослы, вероятно, считают, что они делают что-то намного более значительное, чем поедание капусты”.

МЕТОД

Некий суфийский учитель объяснял, как был разоблачен лже-суфий: “Настоящий суфий послал одного из своих учеников служить ему. Ученик круглыми сутками обслуживал самозванца, угождая ему в каждой мелочи. В конце концов каждый начал видеть, насколько обманщику, нравятся эти знаки внимания, и люди покидали его, пока он не остался совсем один”.

Один из слушателей этого рассказа сказал сам себе: “Что за прекрасная идея! Пойду-ка я и проделаю то же самое”. Он отправился туда, где смог найти лжесвятого, и выразил страстное желание стать его учеником. Через три года благодаря его величайшей преданности этому лжесвятому вокруг уже собрались сотни учеников. “Этот мудрец, должно быть, действительно великий человек, раз он смог вдохнуть такую лояльность и самоотверженность в своего ученика”.

Поэтому этот человек пришел обратно к тому суфию, от которого он слышал рассказ и объяснил ему, что произошло: “На твои рассказы нельзя положиться, — сказал он, — потому что, когда я попытался применить один из них на практике, то результат получился прямо противоположный”.

“Увы, — сказал суфий, — в твоей попытке применить суфийские методы неправильным был только один момент — ты не был суфием”.

АБУ ТАГИР

Мир Абу Тагир привлекал много учеников благодаря своим просветленным беседам и циркулированию посланий, которые очень любили комментировать почти все мыслители того времени. Когда, однако, люди собрались, чтобы послушать, как он говорит, то они смогли добиться от него только повторения одной-единственной фразы: “Желание для заслуги, а не для человека”. Это заявление делалось несколько раз в день в течение пяти лет. Кто-то отправился к мудрецу Ибрики и попросил его помочь хоть как-нибудь объяснить странное поведение Абу Тагира. Ибрики сказал: “Ты жалуешься, потому что Мир говорит одно и то же регулярно. Но вы не жалуетесь, что солнце встает и садится каждый божий день, однако, эти две вещи одинаковы. Так же, как солнце, Мир делает что-то ценное. Если вы не используете этого, он должен все же продолжать “сиять” ради пользы тех, кто может получить выгоду, или ради вас, когда вы сможете получить выгоду”.

СОДЕРЖИМОЕ

Бродячий дервиш рассказывает: “Я посетил одного шейха, который был притягательным магнитом самых разнообразных характеров. Я сказал: “Как ты можешь выносить компанию таких ужасных людей! Они не улучшились от того, что находятся вблизи тебя, и они привлечены к тебе были, в первую очередь, не твоими качествами, потому что, по их собственному признанию, они ищут только силы, которыми не владеют другие люди”. Он сказал, и я никогда не забуду этого: “Друг, если бы все змеи в мире были бы заняты своим делом убийства и никто из них не был бы отвлечен пустыми надеждами, которые мешают их злу проявляться, то на земле не осталось бы ни одного живого человека”.

ПРОСЕИВАНИЕ

О, педант! Просей всю свою жизнь, все писания, все высказывания мудрых, но прежде всего узнай одну вещь: ты используешь такое сито, которое пропускает сквозь себя отруби и выбрасывает питательную часть — пшеницу

(Шаб Парак)

СОВЕРШЕННЫЙ МАСТЕР

Некий человек решил, что он будет искать совершенного мастера. Он прочел много книг, посещал мудреца за мудрецом, слушал, обсуждал и практиковал, но всегда он оказывался сомневающимся и неуверенным. Через двадцать лет он встретил человека, каждое слово и каждое действие которого соответствовали его идее полностью реализованного человека. Путешественник не стал терять времени: “Ты,— сказал он,— кажешься мне совершенным Мастером. Если ты им являешься, то мое путешествие пришло к концу”.

“Действительно меня называют таким именем”,— сказал Мастер.

“В таком случае я прошу тебя принять меня учеником”.

“Этого,— сказал Мастер,— я сделать не могу. Потому что в то время как ты можешь желать совершенного Мастера, он в свою очередь требует только совершенного ученика”.

ДАВАЙ И БЕРИ

Руководитель берет меньше, чем ему дано, и дает больше, чем он взял.

(Китаб-и-Аму-Дарья)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛИСЫ

Давным-давно жила была лиса, которая встретила молодого кролика в лесу. Кролик сказал: “Что ты такое?” Лиса ответила: “Я лиса и я могу съесть тебя, если захочу”. “Как ты можешь доказать, что ты лиса?” — спросил кролик. Лиса не знала, что и сказать, потому что раньше кролики убегали от нее без подобных расспросов. Тогда кролик сказал: “Если ты можешь показать мне письменное доказательство того, что ты лиса, то я тебе поверю”.

Итак, лиса побежала ко льву, который дал ей удостоверение, что она лиса. Когда она вернулась назад туда, где ее ожидал кролик, она начала читать документ. Лисе это доставляло такое удовольствие, что она задерживалась на каждом параграфе, чтобы продлить его.

Тем временем, уловив смысл послания уже по первым нескольким строчкам, кролик удрал в нору и больше не показывался. Лиса побежала обратно к логову льва, где она увидела оленя, разговаривающего со львом. Олень говорил: “Я хочу видеть письменное доказательство того, что ты лев”. Лев сказал: “Когда я не голоден, мне нет нужды беспокоить себя, когда же я являюсь

голодным, то ты не нуждаешься ни в каких писульках”.

Лиса сказала льву: “Почему же ты не сказал мне, чтоб я так поступила, когда я просила удостоверение для кролика?” “Мой дорогой друг,— сказал лев,— тебе следовало сказать, что удостоверение требовал кролик. Я думал оно нужно для тех глупых человеческих существ, от которых некоторые из этих идиотских животных научились подобному равлечению”.

ВОЗМОЖНОСТЬ

Слова “вы имеете шанс” из уст авторитета стоят больше, чем сто раз повторение слова “вы являетесь самым великим человеком на земле” из уст дурака.

(Нури Фалаки)

ОДОЛЖЕНИЕ

Некий человек говорил своим друзьям в чайхане: “Я одолжил такому-то серебряную монету, но у меня нет свидетелей. Теперь я боюсь, что он станет отрицать, что брал что-либо у меня”.

Друзья стали ему сочувствовать, но суфий, который сидел в углу, поднял голову с колена и сказал: “Пригласи его сюда и упомяни в разговоре в присутствии всех этих людей, что ты одолжил ему двадцать золотых монет”.

“Но ведь я же одолжил ему только одну серебряную монетку!”

“Это,— сказал суфий,— в точности то, что он выкрикнет, и каждый его услышит, тебе ведь нужны свидетели, не так ли?”

ТКАТЬ СВЕТ

Фирмани спросили: “Откуда ты узнал, что такой-то и такой-то человек был обманщиком? Ты отказался серьезно с ним разговаривать несмотря на то, что все говорят, будто он святой”.

Фирмани сказал: “Если незнакомец приходит к обычным людям и говорит: “Свет создается путем ткачества. Я соткал весь свет, который здесь есть и был”, то что они поймут?”

Ему ответили: “Они поймут, что то, что он говорит, неправда”.

Фирмани сказал: “Точно так же, когда лживый человек приходит в компанию человека знания, то совсем нетрудно увидеть насквозь его поведение, вне зависимости от того, что воображают или говорят люди”.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Заключение, будто любой достойный может объяснить полностью и ясно, чего он хочет, за какое-то время, выделенное ему теми, кто желает это узнать, является или шуткой или глупостью.

(Шаб Парак)

ДЕНЬ И НОЧЬ

Некий ученый сказал суфию: “Вы, суфии, часто говорите, что наши логичные вопросы не понятны для вас. Не можешь ли ты дать мне пример того, на что они кажутся вам похожими?”

Суфий сказал: “Есть такой пример. Однажды я путешествовал поездом и мы проехали через семь туннелей. Напротив меня сидел крестьянин, который, очевидно, никогда раньше не был в поезде. После седьмого туннеля крестьянин похлопал меня по колену и сказал: “Этот поезд слишком сложно устроен; на своем осле я могу добраться до своей деревни всего за один день, тогда как поездом, который, казалось бы, движется быстрее, чем осел, мы еще не добрались до моего дома, хотя солнце село и поднялось уже целых семь раз”.

ИСТОЧНИК БЫТИЯ

Позволь Источнику Бытия сохранять контакт с тобой: игнорируй впечатления и мнения твоего привычного “Я”. Если бы это “Я” что-нибудь значило в твоих поисках, то оно нашло бы для тебя реализацию. Однако, все, что оно может делать это зависит от других.

(Алим Сухраварди)

ЗАПАЧКАННЫЙ

Рассказывают, что некий человек пришел на собрание Мастера Баки Билахи из Дели и сказал: “Я читал знаменитые стихи Мастера Хафиза: “Если твой учитель просит тебя запачкать твой молитвенный коврик вином, то повинуйся ему”, но тут у меня затруднение”.

Баки Билах сказал: “Живи в стороне от меня некоторое время, и я проиллюстрирую тебе этот вопрос”.

После значительного периода ученик получил письмо от мудреца, там говорилось: “Возьми все деньги, которые у тебя есть, и отдай их привратнику любого борделя”.

Ученик был шокирован и какое-то время думал, что Мастер, должно быть, обманщик. После нескольких дней борьбы с самим собой, он пошел, однако, к ближайшему дому дурной славы и передал человеку у двери все деньги, которые имел. “За такую сумму,— сказал привратник,— я предоставлю тебе изысканную жемчужину нашей коллекции — нетронутую женщину!”

Как только он вошел в комнату, женщина, которая там находилась, сказала: “Меня хитростью заманили в этот дом и удерживают силой и угрозами. Если твое чувство справедливости сильнее, чем та причина, из-за которой ты пришел сюда, помоги мне бежать”.

Тогда ученик понял значение стихотворения Хафиза: “Если твой учитель просит тебя запачкать твой молитвенный коврик вином — повинуйся ему”.

ВАХАБ ИМРИ

Некий человек пришел к Вахабу Имри и сказал: “Научи меня скромности”. Вахаб ответил: “Я не могу этого сделать, потому что скромность является учителем самой себя. Ей выучиваются, практикуя ее. Если ты не можешь практиковать ее, то ты не можешь и научиться ей. Если ты не можешь научиться ей, то внутри себя ты в действительности совсем не хочешь учиться ей”.

МОШЕННИК И ДЕРВИШ

Некий дервиш составил план объективного урока. Он нанял за деньги актера, чтобы он поехал в определенный город и поселился там как религиозный учитель.

“Собери всех учеников, каких сможешь,— сказал он,— притворяясь, что ты человек великой святости. Когда я приеду, я разоблачу тебя. Люди сообразят, что они были одурачены и будут выслушивать мои поучения, поскольку я покажу им, насколько неглубоки их суеверия”.

Несколько месяцев спустя дервиш вошел в этот город и отправился прямо к дому этого мистика. Там сидел актер, окруженный учениками, которые осыпали его подарками и превозносили каждое его слово. Дервиш обратился к ним со словами: “О, люди! Знайте, что я пришел вам все объяснить. Я послал этого человека, чтобы доказать, насколько люди верят всему, во что они хотят верить. Теперь же я буду давать вам настоящее учение”.

Актер не сказал абсолютно ничего. Люди схватили дервиша и потащили его в сумасшедший дом как безумного.

Однажды ночью актер подошел к окну, закрытому решеткой, и сказал дервишу: “Хотя по внешнему виду я и выглядел бродягой, я был достаточно мудрым, чтобы принять твой совет. Хотя по твоему собственному мнению, ты очень мудр, тем не менее ты был достаточно глуп, чтобы поверить в свой собственный план. Жульнический план принесет пользу только жулику, а мудрый — только мудрому”.

НАДЕЖДА

Жил-был король, происходящий от длинной и могучей линии предков. Неблагоприятные обстоятельства лишили его занимаемого положения, и он вынужден был бежать от своих врагов. Король до костей промок под дождем и посреди пустынного болота наткнулся на маленькую хижину, которой пользовались пастухи. Он подумал, что сможет отдохнуть там немного и, когда он вошел внутрь, то обнаружил, что там уже находились два пастуха, которые сидели перед огнем, завернувшись от холода в одеяла. Они приветливо встретили его, разделив с ним единственную пищу, которая у них была — немного сыра и лук. Король сказал: “Когда-нибудь, ког-да я вновь займу место на троне, я смогу отплатить вам с королевской щедростью”.

Хотя оба пастуха предложили королю пищу и были поэтому одинаково щедры, они, тем не менее, в разной степени обладали определенными качествами. Первый пастух рассказывал всем и всюду, что он лучше любого благородного, потому что он накормил короля в то время, когда не было больше никого, кто мог бы сделать это. Второй пастух, однако, взглянув на всю эту ситуацию, сказал сам себе: “То, что я находился в хижине, и то, что у меня была с собой какая-то пища, было случайностью. То, что я предложил пищу королю, было нормальным действием. Тем не менее король, с поистине королевской щедростью, предпочел интерпретировать эти факты, как результат какой-то заслуги. Теперь моя очередь вдохновиться этим примером и сделать самого себя действительно достойным такого высокомыслия”.

Через два или три года король вернул свою законную власть и вскоре послал за двумя пастухами. Каждый из них получил богатые подарки и высокие посты при дворе. Однако, первый пастух, не предприняв никаких усилий в прошлом, для того, чтобы улучшить и подготовить себя, вскоре пал жертвой интриги, и был предан смерти за заговор. Второй пастух, напротив, работал настолько хорошо, что когда король достиг преклонного возраста, именно он был назначен и принят как его преемник.

ЖЕЛАНИЕ

Если ты желаешь быть вместе с учителем тогда, когда он желает, чтобы ты был вдали от него, то ты должен послушаться его или вообще избегать его. Если ты споришь по поводу этого, то ты хуже, чем непослушный.

(Халькави)

СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

Чемпион среди лучников города Салимия жаловался на то, что у него нет соперников. “Эти люди, эти салими-ты, никудашные стрелки из лука и поэтому они не могут судить о моем совершенстве!” — повторял он вновь и вновь каждому, кто желал его слушать. Он убедил каждого в своем несчастье.

Однажды какой-то суфийский мастер проходил через этот городок и остановился попить чаю. В чайхане люди рассказали ему о несчастном стрелке из лука.

“Он может полагать, что он страдает,— сказал мудрец,— но фактически Всевышний был более чем добр к этому человеку. Если б он был помещен среди стрелков из лука, он находился бы в постоянном страхе, что его превзойдут. Если б ему действительно были нужны противники в его собственном качестве, то ничего не помешало бы ему найти их. До тех пор, пока человек и его слушатели не смогут слышать невысказанное послание и забывать высказанное, они останутся в цепях”.

МАХМУД И ДЕРВИШ

Рассказывают, что Махмуд из Газны, прогуливаясь как-то по саду, споткнулся о слепого

дервиша, который спал под кустом. Как только дервиш проснулся, он закричал: “Эй ты, неповоротливый невежа! У тебя что, глаз нету, что ты вынужден наступать на сынов людей!”

Спутник Махмуда, бывший одним из его придворных, закричал: “Твоя слепота сравнится только с твоей глупостью! Раз ты не можешь видеть, ты должен быть вдвойне осторожен относительно того, кого ты обвиняешь в безголовости”.

“Если ты хочешь сказать этим,— ответил дервиш,— что я не должен критиковать султана, то именно тебе следовало бы осознать свою недалечность”.

Махмуд был поражен тем, что слепой человек узнал, что находится в присутствии короля. И он сказал мягко: “О, дервиш, с какой стати король должен выслушивать от тебя брань?”

Как раз потому,— сказал дервиш,— что именно отгораживание людей любой категории от той критики, которая подобаает им, бывает ответственно за их падение. Именно обожженный металл сияет ярче всего, именно нож, по которому прошелся брусок, режет лучше всего и именно тренированная рука может поднять груз”.

СТАДИИ

Сначала я думал, что учитель должен быть прав во всем. Затем я вообразил, что мой учитель неправ во многих вещах. Затем я сообразил, что было правильным, а что было неправильным.

Что было неправильным, так это остаться на любой из первых двух стадий. Что было правильным, так это передать сказанное каждому.

(Ардабили)

ЧТО В НЕМ

Некий дервиш ордена Бекташи был очень уважаемым за свое благочестие и проявляемые добродетели. Всегда, когда кто-нибудь спрашивал его, каким образом он достиг такой святости, он отвечал: “Я знаю, что в Коране”.

Однажды он только что дал такой ответ спросившему в кофейне, когда какой-то кретин спросил: “Хорошо, так что же есть в Коране?”

“В Коране,— сказал дервиш из ордена Бекташи, — находятся два засушенных цветка и письмо от моего друга Абдулы”.

ЗДОРОВЫЕ И НЕЗДОРОВЫЕ

Бродячий Искатель Истины увидел дервиша в чайхане и сказал ему: “Я был в сотне мест и слышал учения множества учителей. Я научился тому, как узнавать, когда учитель не является духовным человеком. Я не могу сказать, кто является истинным Гидом или как найти его,, ко ведь если завершена половина работы, то это лучше, чем ничего”.

Дервиш рванул себя за ворот и сказал: “Несчастный человек! Стать экспертом по определению бесполезного, это все равно, что уметь определять гнилые яблоки, не зная свойств здоровых яблок. Перед тобой, однако, встает еще худшая вероятность, поберегись, чтобы тебе не стать похожим на доктора из сказки:

Некий король, чтобы испытать знание врача, послал к нему на осмотр нескольких здоровых людей. Каждому из них доктор дал лекарства. Когда король призвал его к себе и обвинил его в этом обмане, лекарь ответил: “Великий король, я так давно не видел никого кроме больных, что я начал воображать, будто каждый страдает каким-нибудь заболеванием, и яркие глаза совершенно здоровых посчитал за признак лихорадки”.

ЖАРКОЕ ИЗ БАРАШКА

Бахаудин Шах однажды провел беседы о принципах и практике суфизма. Некий человек, который считал себя очень умным, думая, что он может выгадать, критикуя Бахаудина, сказал:

“Если бы только этот человек сказал хоть что-нибудь новое! Это единственная моя критика”.

Бахаудин услышал об этом и пригласил критика к обеду. “Я надеюсь, что тебе понравится мое жаркое из барашка” — сказал он.

Как только гость положил себе первый кусок в рот, он тут же подпрыгнул с криком: “Ты пытаешься отравить меня, это не жаркое из барашка!”

“Но это и есть жаркое из барашка,— сказал Бахаудин,— хотя, поскольку тебе не нравятся старые рецепты, я попытался сделать что-нибудь новое. Сюда входит баранина, конечно, но тут так же есть большая порция горчицы, меда и рвотного”.

НАХОЖДЕНИЕ ОШИБКИ

Иса ибн Абдульвахаб аль-Хинди проводил долгие и частные беседы в течение ряда лет, в которых он касался самых разнообразных вопросов. Однажды некий уважаемый шейх пришел к нему и сказал: “У меня тяжело на сердце, поскольку мне передавали, что во многих случаях ты говорил обо мне критически”.

Иса сказал: “Я двадцать раз говорил, что между твоими словами и поступками есть расхождение, можешь ли ты сомневаться в правдивости этого?”

Шейх спросил: “Я был бы рад услышать, на каких основаниях ты нашел во мне ошибки?”

Иса заметил: “Ты узнаешь о них в тот же момент, когда услышишь о двухстах случаях, в которых я хвалил тебя перед теми же самыми людьми, которые во имя точности внутренне стараются сейчас разделить нас. Сообщать только об одной половине чего-либо хуже, чем вообще ничего не сообщать. Сообщать одну десятую чего-либо — равносильно фальсификации”.

СЛУШАНИЕ

Из далекой страны пришел однажды к Бахаудину Шаху посетитель и сказал: “Позволь мне сидеть на твоих торжественных приемах и слушать твои слова, потому что правильно было сказано, что чтение не заменяет слушания”.

Бахаудин сказал: “Увы, если ты не глух, то очень жаль, что мне пришлось так долго ждать, чтобы приветствовать тебя. Видишь ли, я теперь не читаю никаких лекций”.

Посетитель спросил, почему. Бахаудин сказал: “Я никогда не читаю никаких лекций с тех пор, как группа частично глухих людей пришла ко мне. Я сказал им: “Не будьте подобны собаке или свинье...” После того, как они покинули меня, они рассорились, обсуждая, сказал я “будь собакой...” или “ешь свиное мясо...” С записанными словами это невозможно. Если ты слепец, то тебе всегда кто-нибудь может прочесть”.

СЛОНЕНОК

Жил-был когда-то слоненок, который услышал как кто-то однажды сказал: “Посмотрите-ка, тут мышь!..” Человек, который говорил это, смотрел на мышь, но слоненок подумал, что имеют в виду его. Ну, а в этой стране было очень мало мышей, да и во всяком случае, они предпочитали оставаться в своих норах, а их голоса были не слишком громкими.

Ну, а слоненок трубил повсеместно в экстазе от своего открытия: “Я мышь!” Он говорил это так громко и так часто и столь многим людям, что, хотите верьте, хотите нет, теперь существует целая страна, где почти каждый считает, что слоны, а особенно слонята являются мышами.

Правда, время от времени мыши пытаются протестовать против тех, кто в основном поддерживает эту веру, но их всегда обращают в бегство. И если кто-либо в этих краях захочет когда-либо вновь поднять вопрос о мышах и слонах, то ему следует иметь на то хорошую причину, сильные нервы и эффективные средства доказательства.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ О СУФИЗМЕ (из книги И. Шаха "Путь суфия")

1. СУФИЗМ И ИСЛАМ (отвечает каирский суфия Мохаммед Али Эль-Миери):

Вопрос: Какова основа суфизма?

Ответ: Первостепенная основа суфизма — это вера. Исламская вера (Иман) опирается на шесть постулатов.

Они формулируются так: Бог Существует, Бог Един, Есть Ангелы, Есть Пророки, Есть День Воскресения, Есть Судьба.

В.: Как понять эти утверждения, если большинство людей не в состоянии их проверить с помощью обычных методов?

О.: Они запечатлеваются Умом и переживаются в Сердце.

В.: Какова цель суфизма?

О.: Постигание вышеупомянутых принципов “сердцем”.

В.: Чем отличается Преображенный от других людей?

О.: Понимание Преображенных есть нечто отличное от того, что люди называют знанием.

В.: Каково знание обычных людей?

О.: Это знание подражательное. Оно приобретается методом заучивания каких-то вещей под руководством наставника; оно считается реальным знанием, но это неверно.

В.: Как развивается истинная вера?

О.: Она может быть развита, если человек посредством определенной практики вступит на один из 72 открытых для человечества Путей. Следуя подражательному Пути, человек может подняться к реальному, но это трудно сделать...

В.: Каких внешних религиозных традиций все же придерживается Преображенный?

О.: Большинство придерживаются обрядов Ислама и Людей Традиции, а также предписаний ритуалов, установленных шейхом Мутариди из Самарканда. Те, кто соблюдает обряды Ислама в Четырех Основных Школах, обычно называются Людьми Спасения.

В.: Когда Баязида Бистами спросили, из какой он секты, он ответил: “Я из Секты Бога”. Что это значит?

О.: Все упомянутые выше вероучения считаются Сектой Бога.

В.: Суфии отождествляют себя с явлениями, идеями, животными и растениями. Почему?

О.: Пророк сказал, что в День Воскресения человек восстанет в форме того или иного животного, соответственно основной черте своего характера. Он словно бы принимает формы животного или иную форму, которая больше, чем человеческий облик, соответствует его внутренней сути. Находясь в состоянии сна, человек кажется себе человеком, однако он может взглянуть на себя, как на овцу, обезьяну или свинью в соответствии со своей главной тенденцией. Этот принцип, будучи неправильно понят, породил веру в то, что душа человека переселяется в животных (переселение душ). Невежественные люди, не обладающие интуитивной способностью, поняли это буквально.

В.: Суфии используют символы и проповедуют идеи, противоречащие установленным социальным требованиям и чуждые языку, который, как правило, применяется для обозначения духовного. Они говорят о возлюбленных, о винных кубках и т. д. Как это понять?

О.: Для суфия религия, как она понимается обычным человеком, есть нечто грубое и поверхностное. Его символы указывают на определенные состояния. Они так же законны, как символ “Бог”, которым обозначают что-то совершенно неизвестное человеку, не говоря уже о том, что человек может иметь иллюзорное представление об этом понятии, порожденное эмоциями.

В.: Каким образом Коран может быть бровью возлюбленной?

О.: А каким образом он может быть значками, наносимыми углем и камелью на листы бумаги, изготовленные из болотной древесины?

В.: Дервиши заявляют, что видят Бога. Как это может быть?

О.: Это нельзя принимать буквально. Это символизирует определенное состояние.

В.: Правда ли, что личность нельзя увидеть по ее внешнему виду и проявлениям?

О.: Личность увидеть нельзя. Можно увидеть только внешность человека и его действия. Когда вы видите человека, подходящего к вам, вы можете сказать: “Я вижу Зайда”, но фактически вы видите только внешность и форму Зайда.

В.: Согласно мусульманской вере дервишское высказывание “Не боимся мы ада, не желаем небес” звучит богоульственно.

О.: Это высказывание имеет другой смысл. Они этим хотят сказать, что страх и алчность — плохие воспитатели человека.

В.: Вы утверждаете, что внешние предписания или вероучения не противоречат внутреннему знанию суфиев. Если это так, то почему же суфии настойчиво скрывают от других определенные вещи?

О.: То, что скрывается, противоположно обычному пониманию, а не хорошему поведению. Даже самый гениальный ученый не способен понять того, что не пережил, поэтому это остается у него скрытым.

В.: Предположим, что какой-то человек знает только религиозную веру и ничего не знает об особой науке суфиев. Будет ли его религиозная вера менее сильной, чем вера суфия?

О.: Нет, если его вера самая совершенная из всех религиозных вер, она не может быть ниже религиозной веры суфия.

В.: В чем состоит различие между пророками, святыми, обладателями высшего знания и великими Посвященными?

О.: Если они имеют религиозную веру, их вера одинаково сильна. Различие лежит в их знаниях, а не в их чувствах. Царь ничем не отличается от своих подданных: у него так же есть два глаза, нос, рот. Его отличает от них только его сан и его миссия.

2. ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ (отвечает бухарский суфия Раис Чагмаг-задэ):

Вопрос: Сколько времени существует суфизм?

Ответ: Суфизм существовал всегда. Сфера суфийской практики очень широка и многообразна; внешние различия путей из-за отсутствия истинной информации создали ошибочное представление, что они противоположны в своей сущности.

В.: Является ли суфизм внутренним значением Ислама или он имеет более широкое применение?

О.: Суфизм есть знание, посредством которого человек может реализовать себя и достичь постоянства. Суфизм может учить любыми средствами, которые могут носить любые названия. Религиозные средства передачи на протяжении всей истории выступали под различными именами.

В.: Почему человек должен изучать суфизм?

О.: Потому, что человек был создан, чтобы его изучать. Это — следующий шаг в его эволюции.

В.: И все же многие люди полагают, что учения, не называющие себя суфизмом, также являются их следующим шагом.

О.: Это есть результат неотъемлемой человеческой способности, состоящей в том, что люди обладают двумя формами понимания: Большим Пониманием и Малым Пониманием. Большое Понимание характеризуется тем, что человек не просто хочет понять, но и стремится достичь уверенности в истинности выбранного им пути. Малое Понимание является только тенью Большого. Подобно тени, оно искажает реальность, сохраняя только его отдельные черты.

В.: Правда ли, что суфии, которые были столь великими и уважаемыми в народе, не привлекали людей к обучению?

О.: Суфиев, снискавших себе публичную славу, всегда было меньшинство. Те, кто мог, старались не допускать какой бы то ни было известности. Тяготение потенциальных учеников к великим и уважаемым фигурам есть признак Малого Понимания. Позднее, однако, они могут понимать лучше.

В.: Существует ли какое-то противоречие между суфизмом и другими системами мышления?

О.: Нет, потому что суфизм включает в себе все типы мышления. Каждый обладает своей собственной пользой.

В.: Ограничивается ли суфизм сферой какого-то определенного языка, общества, исторической эпохи?

О.: Очевидный фасад суфизма в некоторые периоды, в некоторых местах и обществах мог часто изменяться, потому что суфизм должен представлять себя в формах, ощутимых для людей любого типа.

В.: Вот почему суфийские учителя представляли так много различных систем и процветали в столь многих странах?

О.: Именно так.

В.: Все же люди часто совершают путешествия, чтобы посетить учителей в других странах, язык которых они могут даже не знать.

О.: Такие действия, если они не выполняются в соответствии со специальной инструкцией и с определенной целью, вытекают только из Малого Понимания.

В.: Есть ли различие между тем, что мужчина или женщина хотят найти, и тем, в чем они нуждаются для своей внутренней жизни?

О.: Да, почти всегда. В этом и состоит функция учителя, чтобы обеспечить правильное оперирование ответами, исходя из необходимости, а не из желания. Желание относится к области Малого Понимания.

В.: Ваше разделение понимания на Большое и Малое является общим для всех суфиев?

О.: Ничего из того, что выражается в словах, не является общим для всех суфиев.

В.: Что является общим для всех форм суфизма?

О.: Существование учителя, способность учеников, индивидуальные особенности, взаимодействие членов общины и Реальность, Которая выше всех форм.

В.: Почему некоторые суфийские учителя посвящают своих учеников в различных Орденах?

О.: Потому что эти Ордена представляют учения, созданные для того, чтобы связаться с людьми в согласии с их собственными индивидуальностями. Люди весьма отличаются друг от друга.

В.: Разве накопление информации о суфиях и их учениях не способствует достижению знания?

О.: Этот вопрос вытекает из Малого Понимания. Сведения о деятельности одной какой-нибудь группы или организации суфиев могут задушить потенциальные возможности другой.

В.: Почему так мало сведений о школах Ахмада Яса-ви из Туркестана и Ибн эль-Араби из Андалузии?

О.: Потому что в сфере Большого Понимания мастерская закрывается, когда работа закончена.

МОДЖУД — ЧЕЛОВЕК С НЕОБЪЯСНИМОЙ ЖИЗНЬЮ

(пер. с англ. Свами Дхиан Муниндра)

Был некогда человек по имени Моджуд. Он жил в городе, где добился поста мелкого служащего и, наверное, окончил бы свои дни как Инспектор Мер и Весов.

Однажды, когда он проходил через сады с древними постройками возле своего дома, Хидр, таинственный проводник Суфиев, появился перед ним, окутанный мерцающим зеленым сиянием. Хидр сказал: “Человек блестящих перспектив! Оставь свою работу и встречай меня на берегу реки через три дня”. Потом он исчез.

Моджуд пришел к своему начальнику в смятении и сказал, что он должен уходить. Каждый в городе скоро услышал об этом, и все говорили: “Несчастный Моджуд! Он сошел с ума”. Но, так как на его место было много кандидатов, все скоро забыли о нем.

В назначенный день Моджуд повстречал Хидра, который сказал ему: “Сорви свою одежду и бросайся в поток. Возможно, кто-нибудь спасет тебя”.

Моджуд так и сделал, хотя даже он удивился, не было ли это безумием.

Так как он умел плавать, он не утонул, а долго дрейфовал, прежде чем рыбак вытащил его к себе в лод-! у, со словами: “Глупец! Течение сильно. Что ты пытаешься делать?” Моджуд сказал: “Я и в самом деле не знаю”.

“Ты — безумец”, — сказал рыбак. — “Но, я беру тебя к себе в тростниковую хижину, вон там на реке, и мы посмотрим, что можно сделать для тебя”.

Когда он обнаружил, что Моджуд был хорошо образованным, он выучился у него читать и писать. Взамен Моджуд получал пищу и помогал рыбаку в его работе.

Несколько месяцев спустя Хидр появился снова, на этот раз в ногах кровати Моджуда, и сказал: “Поднимай, ся сейчас же и оставь этого рыбака. Ты будешь обеспечен”.

Моджуд тотчас же покинул хижину, одетый как рыбак, и бродил до тех пор, пока не пришел к торговому пути. Когда рассвело, он увидел крестьянина на осле по пути на базар. “Не ищешь ли ты работу?” — спросил крестьянин, — “мне как раз нужен человек помочь донести товар”.

Моджуд последовал за ним. Он проработал у крестьянина около двух лет, за время которых научился многому по сельскому хозяйству и кое-чему еще.

Как-то днем, когда он укладывал шерсть, перед ним появился Хидр и сказал: “Оставь эту работу, ступай в старинный город Мосул и используй свои сбережения стать продавцом кож”.

Моджуд повиновался.

В Мосуле он стал известен как продавец кож, Хидра он не видал никогда за то время как усердно занимался своим ремеслом три года.

Он скопил довольно большие деньги и уже думал покупать дом, как вдруг появился Хидр и сказал: “Отдай мне свои деньги, отправляйся из этого города в далекий Самарканд и работай там бакалейщиком”.

Моджуд так и сделал. Вскоре он начал проявлять бесспорные знаки озарения. Он исцелял больных, помогал своим товарищам в лавке, когда освобождался, а познанные им тайны становились глубже и глубже.

Церковники, философы и другие посещали его и спрашивали: “У кого ты учился?”.

“Об этом трудно рассказать”, — говорил Моджуд.

Его ученики спрашивали: “Как ты начинал свою деятельность?”

Он говорил: “Мелким служащим”.

“Но ты оставил это, чтобы посвятить себя аскезе?”

“Нет, я просто оставил это”.

Они не понимали его.

Люди предлагали ему описать историю своей жизни.

“Что произошло в твоей жизни?” —спрашивали они.

—“Я прыгнул в реку, стал рыбаком, потом ушел из его тростниковой хижины, посреди ночи. После этого я работал у крестьянина. Во время укладки шерсти я изменился и отправился в Мосул, где стал продавцом кож. Там я накопил кое-какие деньги, но отдал их. Потом я отправился в Самарканд, где работал бакалейщиком. И вот я здесь”.

- “Но это необъяснимое поведение не проливает света на твои необыкновенные способности и удивительные назидания”, — говорили биографы.

“Так оно и есть”, — говорил Моджуд.

Поэтому биографы сочинили для Моджуда удивительную и захватывающую историю: ибо у всех святых должна быть своя история, — и история должна соответствовать потребности слушателя, а не реалиям жизни.

И никому не позволили говорить прямо о Хидре. Вот почему эта история не истинна.

Она является изображением жизни.

Это и есть подлинная жизнь одного из величайших Суфиев.

История, в которую мы сегодня собираемся входить, это одна из величайших историй. У нее тот особый вкус, какой бывает только у суфийских историй. Она несравненна. Если вы сумеете понять эту историю, вы поймете саму тайну религии. Если вы не можете понять этой истории, вы не в состоянии понять религию вообще.

Это относится к самой основе религиозного сознания. Без него не бывает религиозной трансформации. Поэтому слушайте эту историю возможно более внимательно. Позвольте этой истории проникнуть в ваше существо. Эта история может открыть дверь, эта история может стать настолько радикальной переменной в вашей жизни, что вы, возможно, уже никогда не будете снова тем же самым. Но история должна быть понятой очень детально, очень бережно, очень любяще, ибо это удивительное повествование.

Это не просто история; суфийские истории — не просто истории. Они существуют не для вашего развлечения. Они не просто занимают вас. Они являются обучающими средствами. Они нечто обозначают, они нечто демонстрируют, руют, они указывают на нечто. Они -- это указатели, они — это стрелы в неведомое, пальцы, указывающие на луну. И помните это высказывание Суфиев: “Не хватайся за мой палец, посмотри куда я указываю”.

Очень легко развлекаться такими историями, но их цель не в этом. Вы упускаете суть. Они отражают запредельное. Они говорят о том, что высказать невозможно, и они стараются выразить то, что невыразимо. Они не про обычную жизнь, они не о светском мире. Они касаются сокровенного поиска истины, они касаются центра вашей сущности. Это прекрасные средства. Стоит вам просто уделить внимание, помедитировать на этой истории, — параллельно с историей еще нечто начнет открываться в вашем существе. История на одном плане, а открытие на другом плане, параллельном этому. Если вы не начали испытывать это параллельное открытие, помните, вы упустили суть дела. А упустить суть очень легко. Нет нужды в разуме, чтобы упустить суть; любой глупец сумеет это. Но, чтобы понять, требуется великий разум. Поэтому встряхнитесь все вместе. Соберитесь за эти несколько мгновений. Слушайте так тотально, как возможно, просто сделайте своими ушами. Будьте. Нечто безмерно ценное сообщается в этой истории.

Здесь подходит такой прекрасный эпизод из “Зазеркалья” Льюиса Кэрролла:

“Королева сказала Алисе, которая находилась в мире, но не могла поверить: “Пожалуй, тебе не потребуется много практики. Ведь иногда и я верила в целых шесть невозможных вещей перед завтраком!”

Да, в этом и состоит секрет этой истории. Льюис Кэр-ролл сообщает здесь нечто чрезвычайное ценное. Секрет той истории в умении верить, умении доверять, умении говорить “да” существованию. Веря в невозможное, невозможное становится возможным. Как же это происходит?

Фактически, вещи невозможны только из-за того, что у вас нет мужества поверить. Каждая

мысль может стать вещью, и все, что происходит внутри сознания, может создавать свою действительность снаружи. Все, что случается снаружи, должно произойти сначала внутри. Семя погружено внутрь, а дерево появляется снаружи. Если у вас есть верящее сердце, ничто не будет невозможно — даже Бог не будет невозможен.

Но у вас должно быть верящее сердце. Верящий ум не подойдет, ведь ум, в сущности, не может верить. Он не способен к вере. Ум может только сомневаться: сомнение естественно для ума, сомнение присуще уму. Голова не умеет ничего, кроме сомнения. Поэтому, если вы начнете насаждать верования в голове, эти верования будут только скрывать ваши сомнения. Ничего не будет происходить без них. И в таком положении мусульмане, христиане, индуисты и джайны: их вера от ума, а ум верить не способен. Для ума нет возможности поверить, ум может только сомневаться. Сомнения вырастают из ума, как листья растут на деревьях.

Вера вырастает из сердца. Сердце не может сомневаться, оно может только верить. Поэтому, умственное верование — что я верю в Библию, что я верю в Коран, что я верю в Капитал, что я верю в Махавиру или Моисея, или Мао Дзе Дуна — это просто псевдо-феномен. Голова может создавать только псевдо-вещи, подмену. Вы можете продолжать заниматься ими, но ваша жизнь будет опустошенной. Вы останетесь пустырем, пустыней. Вы никогда не расцветете, вы никогда не узнаете, что такое оазис. Вы никогда не будете знать никакой радости, никакого празднования.

Поэтому, когда я говорю, что верой можно сделать невозможные вещи возможными, я подразумеваю веру в сердце — невинном сердце, сердце ребенка, который не знает как сказать “нет”, который знает только “да”, “да” не противоположное “нет”. Не такой ребенок, что говорит “нет” внутри и говорит “да” снаружи; тогда это из головы. Это и есть путь головы: “да” — снаружи, “нет” — внутри; “нет” — снаружи, “да” — внутри. Голова шизофренична. Она никогда не тотальна и едина. Когда сердце говорит “да”, оно просто говорит “да”. Конфликта нет, разделения нет. В своем “да” сердце объединяет; это и есть истинная вера, доверие. Это феномен сердца. Это не мышление, а чувствование, и окончательно это является бытием, даже не чувствованием.

В начале доверие бывает чувством, в своем окончательном расцвете, оно является бытием.

Так называемые верования остаются в голове, они никогда не становятся вашим чувством, и они не могут стать вашим бытием. А, пока нечто не становится вашим бытием, это просто идеальное сновидение. Это пустая растрата энергии.

Но, чтобы верить, необходимо рисковать. Вы будете удивлены, узнав такое: что сомнение очень трусливо. Обычно вы, вероятно, слышали то, что храбрые люди сомневаются, что трусливые верят. Это действительно верно, в известном смысле. Вера головы труслива, а вам известно только, как верить головой, так что это соответствует действительности. Если вы войдете в мечети, церкви и храмы, вы обнаружите их полными трусов. Но настоящая вера не труслива, настоящая вера это великая отвага; это героизм.

Сомнение возникает из страха; как может оно быть храбростью? Сомнение коренится в страхе. Сомнение возникает из-за стремления отстоять себя, защитить себя, быть в безопасности. Вы можете доверять только если вы готовы двигаться в небезопасность, если вы готовы отправиться в неотмеченное на карте, если вы готовы идти под парусами своей лодки, безо всякой карты в неведомое. Доверие означает безмерную отвагу, а только отважный человек может быть религиозным, потому что только отважный человек может сказать “да”.

Сомнение — это защита. И даже если вы защищены от этого, вы остаетесь застрявшими, вы не можете двигаться — потому что каждое движение приносит страх, потому что каждое движение это движение в неведомое, незнакомое. Сомнение — побочный продукт страха, помните это.

Тогда, что такое верить? Верить — это побочный продукт любви. Только те, кто знают как любить, знают как верить. Любовь возникает из сердца, и вера тоже. Сомнение возникает в голове, и страх тоже. Человек, который живет в голове, остается трусом. Фактически из-за того, что он труслив, он и живет в голове. Он боится двигаться в направлении сердца, потому что никогда не знаешь где сердце овладеет тобой.

Сердце — это искатель приключений, исследователь тайн, открыватель всего, что скрыто. Сердце всегда в па. ломничестве. Оно никогда не удовлетворено, у него глубочайшая неудовлетворенность, духовная неудовлетворенность. Оно никогда нигде не обосновывается.

Больше всего оно любит движение, динамизм.

Сердце удовлетворено только когда оно пришло к окончательному, за пределом которого “хода нет”. Мирское не может удовлетворить его. Сердце никогда не традиционно, сердце всегда революционно. Оно всегда перескакивает из одного состояния в другое состояние. Оно всегда идет ощупью, оно всегда рискует. Все, чем владеет, оно всегда готово поставить на карту ради неведомого. Оно желает узнать то, что поистине существует; то, что Бог — это все вокруг.

Сердце стремится к приключению, оно стремится к опасности, оно стремится к необозначенному на карте, неведомому, небезопасному. Оно жаждет океанического переживания; оно хочет раствориться. Оно хочет исчезнуть во всем. Голова боится, боится смерти, боится исчезновения.

Когда река встречалась с пустыней, наталкивалась на пустыню, это голова говорила: “Не надо испаряться. Иначе, кто знает, куда ты попадешь? Кем ты станешь тогда? Твоя индивидуальность может быть стертой навсегда. Ты, возможно, не сможешь быть снова такой, как сейчас”. Это была голова. Но сердце поняло шепот пустыни. Нечто глубоко внутри ощутило уверенность: “Да, это не моя судьба быть просто рекой, затерявшейся в пустыне. Я должна двигаться за пределы, и я должна рисковать. Это опасно и гарантии не существует”. Но, в тот же миг, как река задумалась рискнуть, где-то глубоко в бессознательном возникло это ощущение проблеска, начали появляться воспоминания. Появилось ощущение: “Да, некий опыт существует. Я действительно бывала прежде в руках ветров”.

Когда вы доверяете, ваше бессознательное начинает открывать вам многие вещи. Это открывается только доверяющему уму, только доверяющему сознанию. Религия — аромат этого доверия,— безупречного, абсолютного. Атеизм — это акт слабости, бессилия. Он упадочен, Общество становится атеистическим только когда оно умирает, когда оно лишается силы и молодости. Когда общество молодо, живо, энергично, оно жаждет неведомого, оно стремится к опасности. Оно старается жить опасностью, потому что это единственный способ жить.

Мне хочется, чтобы вы выслушали одну историю:

Однажды атеист, прогуливаясь вдоль обрыва, поскользнулся и упал за кромку. Когда он летел вниз, то ухитрился схватить ветку маленького деревца, росшего из расщелины в скале. Повиснув здесь, раскачиваясь на ледяном ветру, он понял насколько безнадежным было его положение — внизу крупные валуны и не было пути взобраться. Его хватка на ветке слабела.

“Ладно”, — подумал он, — “только Бог может спасти меня теперь. Я никогда не верил в Бога, но вдруг я ошибался. Что я теряю?”

Поэтому он воззвал: “Боже! Если ты есть, спаси меня, и я поверю в тебя!” Ответа не было.

Он воззвал снова: “Пожалуйста, Боже. Я никогда не верил в тебя, но если ты спасешь меня сейчас, отныне я буду верить в тебя”.

Внезапный великий глас прогремел вниз с облаков: “О, нет, ты не будешь! Знаю я вашу натуру!”

Человек поразился настолько, что чуть было не выпустил ветку.

“Умоляю, Боже! Ты ошибаешься! Я действительно так считаю! Я буду верить!”

“О, нет, ты не будешь! Все вы так говорите!”

Человек умолял и доказывал.

В конце концов, Бог сказал: “Хорошо, я спасу тебя... Отпусти ветку”.

“Отпустить ветку?!” — воскликнул человек, — “Ты думаешь, я сумасшедший?”

Атеизм всегда труслив. По-настоящему храбрый человек непременно становится религиозным, а религиозный человек обязательно храбр. Так что, если вы обнаружили трусливого религиозного человека, тогда можете быть уверены, что-то не так. Трусливый человек не может быть религиозным. Его религия — это не что иное, как защита, броня. Его “да” не приходит из любви и отваги, его “да” приходит из страха. Если бы возможно было сказать “нет”, он сказал бы “нет”. Его “да” приходит, потому что есть смерть, есть болезнь, есть опасность. Поэтому он думает: “Что я теряю? Почему не поверить? Почему не помолиться?” Его молитва фиктивна, его молитва не что иное как выражение страха. Из страха он ходит в храм, в церковь и к священнику.

Если человек действительно отважен, он идет к Мастеру, не к священнику. Он не пойдет к мертвой церкви или мертвому храму. Он начинает пробовать и исследовать некий живой феномен. Он идет к Христу, Будде или Кришне, но он не пойдет в церковь. Он не пойдет к ортодоксам. Он не живет в прошлом, он движется в настоящем. И все, чем он занимается, исходит из отваги. Если он говорит: “Да!” — он говорит это из отваги, из любви к существованию, из глубокого понимания, что он часть этого целого, он не отделен. Говорить “нет”, это сказать “нет” своим собственным корням. Если дерево говорит “нет” земле, что станет судьбой дерева? — Оно покончит с собой. Если дерево говорит “нет” солнцу, что станет судьбой дерева? — Оно покончит с собой. Дерево не может говорить “нет” солнцу, дерево не может говорить “нет” земле. Дерево должно говорить “да” солнцу, земле, ветрам, облакам. Дерево должно оставаться в позиции “да” непрерывно — днем и ночью. Только так дерево может цвести, может оставаться зеленым и живым, и может расти.

Человек укоренен в существовании. Говорить “нет” — это отравлять свою собственную систему. Кому вы говорите “нет”? — вашей собственной земле, вашему собственному небу, вашему собственному солнцу. Вы начнете становиться парализованным. Действительно отважный человек обращен к окружающему, воспринимает, видит, что он является частью этой целостности. Видя это, он расслабляется в “да”, он остается в позволении. И он готов рискнуть чем угодно, что бы ни потребовалось, ради своего “да”. Сорен Киркегор написал притчу.

Жил некогда король, который любил простую девушку. Этот король был настолько могуществен и влиятелен, что не смог бы жениться на ней без вынужденного отречения от престола. Король знал, что если бы он женился на ней, то сделал бы ее благодарной навсегда. Ему пришла в голову мысль, что все же чего-то недоставало бы для ее счастья: она бы всегда восхищалась им и благодарила его, но она не смогла бы полюбить его из-за неравенства между ними, которое было слишком велико, а она никогда не сумела бы забыть свое простое происхождение и свой долг благодарности.

Поэтому он решил по-другому: вместо того, чтобы делать ее королевой, он должен будет отречься от престола. Он должен будет стать человеком из народа, а потом предложить ей свою любовь. Делая это, он понимал, что идет на великий риск. Он совершал нечто, выглядевшее безрассудным в глазах большинства людей его королевства, быть может даже, в ее глазах. Он мог бы лишиться королевства, и мог к тому же быть отвергнут ею, особенно если бы она разочаровалась, что не стала королевой. Все же он решил пойти на риск. Лучше, верил он, рисковать всем, для того, чтобы сделать любовь возможной.

Исследуя, разыскивая Бога, истину, блаженство, этот миг приходит снова и снова — рисковать. Весь опыт бу. дет против этого. Весь ум будет против этого. Ум будет говорить: “Что ты собираешься делать? Тебя может” отвергнуть даже женщина, ради которой ты отрекаешься от королевства. Если она на самом деле заинтересована только стать королевой, она никогда не взглянет на тебя снова. И все королевство будет думать, что ты глуп; и кто знает, даже она может подумать, что ты глуп”. Но король решил рискнуть.

Лучше рисковать всем. Если речь о настоящем, возможность достичь любви очень слаба, даже после того, что человек должен рисковать всем. И человек должен рисковать всем снова и снова, и много раз, прежде чем он достигает окончательной любви, Бога.

Обычно, мы исследуем и разыскиваем Бога только в пределах: все, что угодно позволено нашими условиями, но без всякого риска. Вы зарабатываете деньги, у вас успех в жизни; вы можете сэкономить один час для храма или для медитации. Время от времени вы можете также помолиться. Или, по крайней мере ночью, прежде чем отправиться в кровать, вы можете повторять одну и ту же молитву минуты две и засыпать с очень хорошим ощущением, что вы “занимаетесь религией”.

Религия — это не занятие, это бытие. Либо это двадцать четыре часа в вашем бытии, распространяющееся повсюду, либо этого нет вообще. Просто ночная молитва, перед тем как отправляться в кровать, это разновидность обмана, которым вы забавляетесь сами с собой.

Этот сорт частичной религии не помогает. Человек должен быть в этом всецело, а трусливые не могут делать такого. Так что позвольте мне напомнить вам: религия только для храбрых, для энергичных, для сильных духом. Она не для слабых, она не для тех, кто всегда торгуется. Она не

для делового ума, она для игроков, которые могут рисковать.

Теперь эта история. Она должна быть распробована, вкушена, усвоена постепенно.

Название истории: Человек с Необъяснимой Жизнью.

Жизнь всегда необъяснима, если она есть у вас. Если вы действительно живы, в этом есть нечто настолько таинственное, что его невозможно объяснить никоим образом. Этому нет объяснения. Если вы можете объяснить вашу жизнь, это просто означает, что вы мертвы и вы не живете. Если вы обнаруживаете человека, который может объяснить свою жизнь непрерывно от точки к точке, логически, будьте уверены, что он, возможно, компьютер, машина, но он не живой. Только мертвые вещи можно объяснять от начала и до конца. Жизнь есть тайна, поэтому всякий раз, когда кто-то живет, это таинственно. Когда бы вы ни приблизились к человеку, который живет, вы будете ощущать некую тайну, некий необъяснимый феномен. Вас коснется нечто, чего вы не в силах представить, которое повсюду. У вас не может быть никакой математической жизни; жизнь остается внутренне поэтической. Это зримая красота, а не объясненный факт.

Был некогда человек по имени Моджуд...

Это слово “моджуд” прекрасно; оно подразумевает две вещи. Буквально, оно означает того, кто присутствует. Моджуд означает того, у кого есть внутреннее присутствие, кто осознает, кто бдителен, кто сознателен. И второе значение, которое исходит от первого: тот, кто живет в настоящем, кто присутствует в настоящем. Эти две вещи являются двумя аспектами одного и того же феномена. Если вы присутствуете внутри, если в вас присутствует сознание, вторая вещь случится автоматически — вы будете присутствовать в настоящем. У вас не будет никакого будущего, у вас будет только этот миг. А этот миг безбрежен, этот миг огромен, в том миге заключена вечность. Только те, кто живут в настоящем, только те, кто присутствуют в настоящем, знают, что такое вечность, знают, что такое бессмертная жизнь, знают тайну, необъяснимую тайну.

Но даже зная, вы не в силах объяснить это кому-нибудь еще. Вы можете указывать, вы можете говорить как достичь этого, но вы не можете рассказать, что это такое. И вы не можете рассказать, почему это так. Не существует “почему”, это просто есть. Безо всякого объяснения жизнь существует. Для нее нет “почему”. Философы про. должны размышлять: “Почему? Почему? Почему?” И они продолжают фабриковать системы для ответа “почему”, но ни единый ответ не правилен и никогда не будет правильным, потому что вы задали неверный вопрос с самого начала. Раз вы задаете неверный вопрос, вы никогда не придете к правильному ответу. Неправильный вопрос будет приводить вас к неправильным ответам. “Почему?” — это неправильный вопрос.

Наука не спрашивает “почему”. Религия тоже не спрашивает “почему”. Религия — это наука внутреннего; наука — это религия внешнего. Между этими двумя есть философия, она как раз находится между этими двумя. Она спрашивает “почему” и приводит к настоящей путанице, вносит уйму беспорядка. “Почему” не может быть задано, не должно быть задано. Даже если вы находите какое-то объяснение для “почему”, вопрос приходится задавать снова. “Почему существует этот мир?” Кто-нибудь говорит: “Бог создал его”. Тогда возникает вопрос: “Почему Бог создал его?” А потом кто-нибудь может ответить: “Он создавал для того или иного”. Тогда действительно вопрос продолжает быть уместным снова и снова. Каждый ответ просто подталкивает вопрос немного глубже, но вопрос не растворен.

“Почему?” — это неуместный вопрос. С “почему” вы движетесь в философию. Религия не спрашивает “почему”. Она даже не спрашивает “что”. Она спрашивает только одну вещь: “как”. Наука тоже спрашивает “как”, поэтому наука становится технологией, а религия становится Йогой, Тантрой, Суфизмом, Дзеном. Это технологии внутреннего мира.

Был некогда человек по имени Моджуд. Он жил в городе, где добился поста мелкого служащего и, наверное, окончил бы свои дни как Инспектор Мер и Весов.

Вот как миллионы людей оканчивают свои жизни,— Инспекторами Мер и Весов. Кто-то

окончит главным клерком где-нибудь в гнилом заведении, кто-то окончит начальником станции, кто-то окончит бизнесменом, кто-то окончит профессором; а все эти вещи совсем бесполезны. И я не говорю не становиться начальником станции, но не оканчивать на этом. Даже, если вы стали Инспектором Мер и Весов, чего вы достигли? Что вы получили от жизни? Что вы осуществили? Вы живете не настоящей жизнью. У вас может быть образцовая жезнь безо всякой жизни при этом. Поэтому люди обычно и полагали, что Моджуд окончил бы как Инспектор Мер и Весов. Но Моджуд был человеком иного сорта, ибо у него было присутствие. Он присутствовал. В глубине, скрытно ото всех, он, очевидно, медитировал. Его внешняя жизнь была одной вещью, его внутренняя жизнь была другой. Он, должно быть, проникал глубже и глубже в безмолвие; он, должно быть, становился более и более безмысленным — только тогда вы присутствуете.

Мысли отвлекают вас от настоящего. Мысли становятся облаками на вашей сущности, и вы утрачиваете контакт, вы становитесь разьединенным с настоящим. Мысли никогда не из настоящего, они не могут быть из настоящего; они либо из прошлого, либо из будущего.

Если этот человек был действительно человеком присутствия, это просто означало, что в глубине, темной ночью, когда каждый крепко спал, он, должно быть, медитировал, не рассказывая никому. Он, должно быть, бодрствовал. Он двигался в обыденном мире, но был, очевидно, свидетелем, бодрствующим, наблюдателем. Этот наблюдатель вскоре создал присутствие в нем. Он стал сияющим присутствием, поэтому его и назвали Моджуд.

Однажды, когда он проходил через сады с древними постройками возле своего дома, Хидр, таинственный проводник Суфиев, появился перед ним...

Теперь вы должны понять это: Хидр — просто имя, имя для вашей сокровенной сути. Когда ваш центр начинает нашептывать нечто самое важное вашей периферии, это и есть Хидр. Когда ваша основная сущность начинает разговаривать с вашим не основным существом, когда сущность души говорит с несущественным, значит это Хидр говорит с вами. Это просто метафора: Хидр это не кто-то внешний. Когда вы становитесь безмолвным, когда вы становитесь присутствующим, когда вы становитесь моджудом, приходит мгновение, когда внутренний проводник начинает говорить с вами. Этот внутренний проводник известен как Хидр.

...Хидр появился перед ним, окутанный мерцающим зеленым сиянием.

Зеленый — это цвет Суфиев. Он олицетворяет жизнь: зеленые деревья, растительность. Он олицетворяет свежесть, живость; он олицетворяет тишину, спокойствие. Суфии выбрали зеленый своим символическим цветом. Просто взглянув на зеленое, вы почувствуете качество спокойствия, окружающее вас. Вот почему это настолько захватывающе, отправиться в горы. Просто посидеть на опушке леса в окружении таинственных деревьев чрезвычайно важно. Это делает вас снова простым, первобытным. Это напоминает вам первобытную тишину джунглей. Это напоминает вам, что когда-то и вы тоже были деревьями,— такими же безмолвными, как деревья и такими же укорененными, как деревья. Окутанный зеленым мерцанием, появился Хидр.

Хидр сказал: “Человек блестящих перспектив!”

И помните, всякий раз, когда ваша сокровенная суть будет говорить с вами, она всегда говорит таким образом: “Человек блестящих перспектив”,— потому что никогда не бывало человека, у которого нет блестящих перспектив. Вы можете не достичь этого — это дело другое — но то ваша судьба. Вы могли достичь этого. Если вы упускаете, ответственность целиком на вас. Семя было, вы не помогли ему вырасти. Иначе оно превратилось бы в огромное дерево, и тысячи птиц свили бы на нем свои гнезда, и тысячи путников отдыхали бы в его тени и цвели бы цветы, и существование праздновало бы через вас.

Если вы не стали деревом,— ответственны только вы. Природа обеспечила всем, что необходимо: каждый человек— это человек блестящих перспектив, потому что у каждого человека есть Бог как его окончательный расцвет.

Хидр сказал: “Человек блестящих перспектив! Оставь свою работу и встречай меня на берегу реки через три дня”.

Потом он исчез.

Когда вы движетесь глубоко в медитацию, это будет происходить снова и снова. Придет момент, когда ваша периферия и центр очень близки и между ними нет преграды — нет даже занавеси — и вы будете слышать центр громко, ясно. И снова вы будете омрачены, снова прежние привычки, мысли будут входить, загромождавая вашу внутреннюю сферу, а центр и периферия будут разделены. Это же будет происходить много раз и с вами. Это произойдет с теми, кто вокруг меня, много раз. Много раз вы подойдете так близко к центру, что почувствуете себя почти просветленными. Вы будете чувствовать, что вы прибыли, и снова это утрачено. Это естественно. Прежде, чем обосноваться навсегда, это случается много раз.

Прежде, чем достигнуто окончательное самадхи, слу. чаются тысячи сатори: небольшие проблески,— открывание окна и закрывание снова. Внезапно дверь открывается, и вы обзреваете, а переживание молниеносно, и снова оно ушло и темнота восстанавливается.

Моджуд пришел к своему начальнику в смятении и сказал, что он должен уходить.

И всякий раз, когда центр впервые говорит с периферией, вы будете в постоянном трепете. Вы почувствуете себя будто при смерти, вы будете чувствовать: “Что происходит со мной? Я схожу с ума или безумен?” Когда центр говорит в первый раз, вы не в силах понять, что это такое. Вы еще никогда не слышали этого голоса прежде, никогда не думали, что кто-то жил внутри вас. Вы никогда и не помышляли, что любой внутренний голос собирался прийти к вам. Вы стали настолько увлечены внешним,— голосами, которые приходят извне,— голосами родителей, учеников, священников.

Один человек здесь, кажется, очень одержим матерью. Он снова и снова продолжает спрашивать — тот же самый человек, который задал вопрос об Эклавья. Теперь он тоже задает вопрос: “Кто более велик, мать или Мастер?” Сейчас он спрашивает: “Если мать говорит убить Мастера, тогда должен ли я последовать распоряжению моей матери? Или, если Мастер говорит убить мою мать, тогда кому я должен повиноваться?”

Он, по-видимому, одержим матерью. Он вынужден будет убить свою мать. Это и есть то, что подразумевает Иисус, когда говорит: “Если вы не возненавидите своих отца и мать, и своих братьев, вы не сможете следовать мне”. И случай этот зафиксирован человеком даже не знакомым с глубинами.

Ученик Будды покидал его. Он отправлялся в далекое паломничество нести слово Будды, Он коснулся стоп Будды в ожидании его благословения. Будда благословил его и сказал собранию: “Посмотрите, братья! Этот необычный ученик! Но в чем его необычность? Он убил своих мать и отца!”

Он еще никогда не говорил такого. Никто даже и не помышлял, что этот человек мог убить своих отца и мать. Он был одним из самых молчаливых, умиротворенных, любящих людей, когда-либо виданных ими. Он был воплощением сострадания.

Кто-то спросил: “Мы не понимаем. Что ты имеешь в виду, говоря, что он убил своих отца и мать?”

И Будда сказал: “В точности следующее: он убил голос своих отца и матери внутри себя,— родительский голос”. Это очень глубоко коренится в вас.

Этот человек продолжает спрашивать о матери и Мастере... у меня впечатление, что он боится. Он стал санньясином, и теперь боится вернуться домой, а боится он своей матери. Сейчас он в большом напряжении.

Раз вы избрали Мастера, все другое больше к делу не относится. Мать, отец — ничто к делу не относится. Если вы не выбрали Мастера, тогда они уместны. Мастер обязан сказать вам: “Убей своих отца и мать!” — не буквально, но психологически. И однажды Мастер должен будет сказать вам: “Теперь убей меня тоже!”

Это и есть то, что говорит Будда. Однажды он оценивает этого человека: “Здесь необычный санньясин, необычный бхикшу, который убил своих отца и мать полностью”. А в какой-то другой день он говорит: “Если вы встречаете меня на пути, убейте меня! Если когда-нибудь я стану между вами и окончательным, убейте меня, раз-рушите меня!”

Мастер должен научить двум вещам: во-первых, он должен научить убийству -- убить ваших мать и отца, убить ваших учителей, убить ваших священников — и однажды он должен научить вас убить его самого, так, чтобы вы могли двигаться в абсолютной свободе, так, чтобы Мастер тоже больше не был преградой.

Когда центр говорит с вами в первый раз, обязательно бывает великое смятение, хаос, ибо то, что было устроенным, должно стать неопределенным, все, что было незыблемым, должно быть отделено, все то, где вы находили безопасность, больше не безопасно и все, что для вас было исполненным смысла, больше не значит ничего. Все станет вверх дном, потому что у центра совсем другой подход к реальности, чем у периферии. Когда глубина говорит с поверхностью, обязательно бывает великая сумятица.

Моджуд пришел к своему начальнику в смятении и сказал, что он должен уходить.

Но пути нет. Если вы человек присутствия, если вы медитативная личность, и центр говорит с вами, и Хидр появляется — Хидр значит ваш внутренний проводник — когда Хидр появляется и говорит вам: “Теперь делай это!” — если вы человек присутствия, вам придется делать это даже вопреки себе, даже против самого себя. И вам известно, многие из моих санньясинов здесь вопреки самим себе.

Сейчас здесь Ашока. Он борется со мной годами, чтобы не становиться санньясином. Он стал санньясином, пришлось стать, но борьба все еще есть! Прежнее не ушло полностью. Бывают моменты, когда прежнее вскакивает и пытается завладеть. Он — санньясин, вопреки самому себе! А таких много и это естественно, ведь вы настолько отождествлены с периферией, что когда начинаете слышать голос из центра, есть проблема: кого выбирать, мать или Мастера? Учителя или Мастера? Прошлого или настоящего? Кого выбрать? Когда нет голоса из центра, нет и вопроса выбора. Тут есть вещи, но все на поверхности: какую одежду одевать сегодня, а какую нет; на какое кино сходить, а на какое нет; какую книгу прочесть, а какую книгу приобрести — вещи, подобные этому выбирать бессмысленно. Пойдете ли вы на это кино или на то, в конце концов значения не имеет. Оденете ли вы эту одежду или ту, не имеет значения. Влюбитесь ли вы в эту женщину или в ту, либо этого мужчину или того, не составит большого различия.

Но, когда голос из центра услышан, то вы разделены в двух мирах, двух несоединимых мирах. Пропать велика. Вы разорваны на части. Вы будете в великом хаосе. Но если вы — человек медитации, только тогда вы будете в состоянии поглотить этот хаос и навести порядок, справившись с беспорядком.

Отсюда мое настаивание на медитации, ибо если вы не находитесь глубоко в медитации, вы не будете способны понять меня, и вы не сможете идти со мной.

Есть люди — особенно индийцы,— которые приходят сюда и говорят: “Сатсанга достаточно. Мы просто хотим быть в твоём присутствии. Почему мы должны заниматься медитацией?” Они не понимают. Они не могут быть в моем присутствии, ведь они даже не присутствуют! Они это не “моджуд”. Просто сидеть около меня это не настоящий сатсанг, потому что вы можете передумать тысячу и одну мысль, сидя рядом со мной. Вы можете быть физически здесь, но психологически вас может не быть здесь вообще. Вы можете быть где угодно в мире. Вы можете находиться на какой-то другой планете. Это не сатсанг.

Если вы присутствуете здесь — не только физически, но и психологически тоже — если все ваше присутствие окружает меня, если вы действительно здесь, в этом мгновении,— соединенные, спрессованные,— только тогда есть сансанг. Но чтобы это случилось, вам придется идти через медитации. А люди ленивы: они хотели бы Бога как дар, даже не пытаясь стать достойными получить Его.

Он сказал, что должен был уйти.

Каждый в городе скоро услышал об этом, и все говорили: “Несчастный Моджуд! Он сошел с ума”.

Это и есть то, что всегда говорили о медитирующем. Запомните это, так будет сказано и о вас тоже. Так, наверное, уже говорили. “Несчастный Моджуд!” — сказали они. “Он сошел с ума!” — ведь каждый в этом мире считает себя нормальным. Они не могут и представить, зачем он должен медитировать. Чего ради? Они постоянно продолжают спрашивать человека, который медитирует, молится: “Почему? Во что вы вырядились? Для чего? Зачем вы тратите свое время, сидя безмолвно и созерцая свой пуп? Не тратьте времени! Время — деньги! Вы можете заняться многими вещами. Вы можете иметь больше, вы можете завладеть большим. Не тратьте времени! Ушедшее время никогда не наверстать. А чем вы занимаетесь, сидя безмолвно с закрытыми глазами? Откройте свои глаза и состязайтесь в мире! Мир — это борьба за выживание; те, кто сидят безмолвно и медитируют, будут упускать. Единственный путь чего-нибудь добиться — это сражаться, быть агрессивным! Не будьте пассивны”.

Помните, есть два способа жизни: способ деяния и способ не-деяния. Способ деяния верит в действие, способ не-деяния верит в восприимчивость. Медитация -это способ не-деяния, — то, что китайцы называют “Вей-Ву-Вей”, — действие без действия, действие через бездействие, делание без делания чего-либо вообще. Медитация — это способ бездействия, а мир полон людей, которые живут только одним способом, способом деяния. И человек, живущий способом деяния, не может понять, что происходит с человеком, который вышел в способ недеяния.

Сейчас Моджуд входит в способ не-деяния. Это революция. Это санньяса. Он повидал мир, он действовал множеством путей, он делал многие вещи, и теперь он знает, что если продолжит заниматься всем этим, он окончит как Инспектор Мер и Весов. Это больше нисколько не привлекает его. Он хочет видеть, он хочет быть, он хочет знать то, что есть. Прежде чем смерть свалит его, он хочет узнать нечто бессмертное. Он рискует.

Люди обязательно подумают: “Несчастный Моджуд! Он сошел с ума!”

Но так как на его место было много кандидатов, все скоро забыли о нем.

И вот как это происходит. Если вы стали санньяси-ном, несколько дней люди будут думать, что вы сумасшедший, а потом они забывают о вас. Для размышления у них есть тысяча и одна вещь, они не могут продолжать думать о вас. Для них само собой разумеется, что вы сумасшедший. Итак, вы — сумасшедший: какой теперь смысл думать об этом снова и снова?

Если вы отрекаетесь, если вы избавляетесь, если вы начинаете движение в способ не-деяния, на несколько дней они задумаются о вас, а потом все исчезнет, так как всегда слишком много кандидатов на ваше место. Когда вы умираете, тотчас же ваше место будет занято. Все, чем вы обладаете в мире, у вас от других. Они просто ожидают вашей смерти. Вы умираете — ваш дом будет занят кем-то другим, вашу должность займет кто-то дру. гой, ваш банковский счет будет на чьем-то другом имени. Они просто ждут. Фактически, они обеспокоены: “Почему вы задерживаетесь так долго? Почему вы не уходите?” Здесь каждый заинтересован в чьей-то еще смерти, ведь жизнь — это такая конкуренция не на жизнь, а на смерть. Это убийственная конкуренция!

Поэтому, скоро все они забыли о нем.

В назначенный день Моджуд повстречал Хидра, который сказал ему: “Сорви свою одежду и бросайся в поток. Возможно, кто-нибудь спасет тебя”.

Слова огромной важности.

Хидр говорит: “Сорви свою одежду и бросайся в поток”.

Это и есть то, что я продолжаю говорить вам. Многим говорится, да немногие слышат, Многих зовут, да немногие приходят.

Теперь, безо всякого смысла вообще, этот несчастный Моджуд приходит, а Хидр просто говорит это: “Сорви свою одежду и бросайся в поток”.

Как раз несколько дней назад замечательная женщина Шарда стала санньяси. На следующий день она написала послание: “Это было быстро и эффективно”, — она не была готовой стать санньяси, это я соблазнил ее в санньясу. Естественно, позднее она конечно почувствовала, что была соблазнена на это. Она не пришла с сознательным желанием. Бессознательное желание было, иначе я не толкнул бы ее. Но позже она, очевидно, подумала: “Что произошло?” — она стала санньяси. А она повидала мир, она денежный эксперт, так что, естественно, она — человек искушенный. Она конечно подумала, что это было быстро и эффективно, что она даже не собиралась становиться санньяси и она теперь санньяси. Но она действительно разумна: скоро она поняла, что это не я толкал ее в санньясу. Я просто отобразил ее внутреннего проводника. Это и есть то, чем я продолжаю заниматься. Мастер снаружи ничто иное, как отражение Хидра.

Вы не можете понять своего собственного внутреннего проводника, выходит Мастер снаружи необходим- И вы не можете понять своего собственного внутреннего проводника, потому что вам неизвестен этот язык. Вы совершенно не осознаете как внутренний проводник передает метафорами, тем шептанием, теми звуками. Вы совершенно не осознаете как внутренний проводник передает вам свое послание. Внешний Мастер — это просто экран, на который вы проецируете своего Хидра. И внешний Мастер помогает вам понять вашего внутреннего Мастера. Когда вы совершенно поняли внутреннего Мастера, тогда внешний Мастер говорит: “Если ты встречаешь меня на пути, убей меня”.

Теперь Хидр говорит ему это, даже не объясняя, что же собирается произойти даже не мотивируя, для чего это собирается происходить, зачем, чего ради ему нужно срывать свою одежду и бросаться в поток? Почему?

Не бывает “почему”. Если вы живете с Мастером, нет “почему”. Только тогда вы с Мастером.

“Сорви свою одежду и бросайся в поток”.

И не только это, он говорит: “Возможно, кто-нибудь спасет тебя”.

И гарантии тоже нет.

Мастер всегда разговаривает на таком языке, возможного, ведь если Мастер скажет, что это гарантировано, то вам не понадобится доверие. Тогда гарантия будет функционировать, как ваше доверие. Вы будете доверять гарантии, вы не будете доверять таинству жизни и ее таинственным процессам. Мастер всегда говорит: “Возможно”.

Люди приходят ко мне и спрашивают: “Если мы стали санньясинами, сможем ли мы стать просветленными?”

Я говорю: “Возможно. Возможно, нет. Кто знает?” Я должен пользоваться этим “возможно”. Я должен дать вам ощущение возможности, ведь только так вы будете способны на риск. Если это гарантировано, гарантировано на сто процентов, тогда где же риск? И где необходимость в доверии? Ничего не может быть гарантировано, все остается открытым. Вот почему только те, кто могут отважиться, кто обладают мужеством отважиться, входят в санньясу, входят в медитацию, входят на духовный путь.

Моджуд так и сделал, хотя даже он удивился, не было ли это безумием.

Не удивлялись ли вы много раз самим себе: “Что я делаю здесь?” Это приходит снова и снова в ваш ум, я знаю: “Что я делаю здесь? Что я наделал? Для чего? Почему я в оранжевом? Зачем я ношу эту малу у себя на шее? Чем я занимаюсь здесь с этим безумцем? А кто знает, может быть он просто сумасшедший? И где гарантия, что он просветленный?”

Это естественно. Но тот, кто доверяет, тот, кто любит, идет, несмотря на все это. Ум будет продолжать идти за вами, и преследовать вас, подобно лающим бродячим псам, но мало помалу, если вы не уделяете ему много внимания, а продолжаете идти, те псы остаются позади. Их лай становится все дальше и дальше, и однажды вдруг — вы одни; ума нет больше. Этот день — день великой радости.

Моджуд так и сделал, хотя даже он удивился, не было ли это безумием.

Кто же не удивится? Это выглядит настолько абсурдным. Он мог бы и уйти, полагая, что Хидр дал ему проблеск Бога или вручил ему ключ от дверей тайны, или показал ему скрытые сокровища, либо еще что-нибудь. И вот этот человек здесь: он говорит: “Сорви свою одежду и бросайся в поток. Возможно кто-нибудь спасет тебя”. Вот и все!

Но он сделал. Помните это, когда я говорю вам: “Прыгай в поток”, — я знаю, это естественно, — ум будет сопротивляться. Но если вы сможете сделать это, только тогда что-то возможно.

Так как он умел плавать, он не утонул, а долго дрейфовал, прежде чем рыбак втащил его к себе в лодку, со словами: “Глупец! Течение сильно. Что ты пытаешься делать?”

“Так как он умел плавать...” Я знаю, что если вы прыгнете в поток; вы будете в состоянии плыть, ведь плавание феномен естественный. Этому не нужно учиться. Я не говорю о внешнем потоке и плавании. Тут вы можете утонуть. Но, я говорю про поток внутреннего сознания, поток сознания. Если вы прыгаете в него... Вот это и есть то, что подразумевалось, это и есть параллельная история, которую вы должны расшифровать. Вы конечно поймете. Видали вы когда-нибудь рыбу, обучающуюся плаванию?

Однажды Муллу Насреддина схватили, потому что он ловил рыбу там, где рыбная ловля была запрещена. А инспектор появился неожиданно, и тот был схвачен с поличным. Он как раз вытаскивал рыбку. Он тотчас же сбросил рыбку обратно и невозмутимо уселся. Инспектор был здесь. Он спросил: “Что это ты делаешь, Мулла?”

Тот сказал: “Я учу эту рыбу плавать”.

Не бывает рыбы, которая нуждалась бы в обучении плаванию; рыба рождена такой. Плавание подобно дыханию. Кто учил вас дыханию? И не нужно пугаться: если вы готовы довериться и прыгнуть в поток вашего сознания — вы будете знать, как плыть. Наибольшее, что может случиться, это вы, возможно, будете долго дрейфовать, прежде чем рыбак вытащит вас. Вы можете, самое большее, дрейфовать, вот и все. Вы не можете утонуть. Вы принадлежите сознанию, вы — часть этого потока.

Рыбак произнес: “Глупец! Течение сильно. Что ты пытаешься делать?”

Моджуд сказал: “Я и в самом деле не знаю”.

Просто посмотрите на красоту ответа. И он на самом деле не знает, что делает, ведь ему не было сказано, для чего. Он даже не спросил Хидра; “Почему я должен прыгать в поток, и почему я должен бросить свою одежду? Какая цель этого?” Он не спрашивал о цели. Это и есть доверие. Это ведет в неведомое, я говорю об этом постоянно. Это приключение, это непривязанный ум, это отвага.

“Я и в самом деле не знаю”, — сказал он.

И он прав, он не знает. Если вы знаете, а потом делаете что-то, это не отвага. Если вы знаете, а потом делаете что-то, это не доверие; вы доверяете своему знанию.

Здесь два сорта санньясинов: один, — кто прыгнул в поток, когда я сказал ему или ей прыгнуть, другой, — кто думает, размышляет, рассматривает за и против и потом однажды решает. Это решение приходит от его ума, это будет только его собственным прошлым, его собственной обусловленностью. Мне придется упорно работать на него, потому что он упустил первую благоприятную возможность, которая давалась ему. Он цепляется за свое эго. Первый, удобный случай представился, и все оказалось бы чрезвычайно простым, если бы он просто взял и прыгнул. Эти типы людей есть и здесь тоже, большинство такого типа. Моя работа, в основном, рассчитана на тех, кто просто прыгнул, кто не спросил “почему”, кто просто заглянул в мои глаза

и почувствовал безумное желание, безумное стремление идти со мной, не зная, куда придешь.

“Ты — безумец”, — сказал рыбак — “но я беру тебя к себе в тростниковую хижину, вон там на реке, и мы посмотрим, что можно сделать для тебя”.

Когда он обнаружил, что Моджуд был хорошо образованным, он выучился у него читать и писать. Взамен Моджуд получал пищу и помогал рыбаку в его работе.

Несколько месяцев спустя Хидр появился снова, на этот раз в ногах кровати Моджуда, и сказал: “Поднимайся сейчас же и оставь этого рыбака. Ты будешь обеспечен”.

Теперь все изменилось. Моджуд доверился, и даже внутренний проводник выказывает уважение. На этот раз он появился в ногах кровати Моджуда — это проявление уважения. Теперь Моджуд больше не обычный человек: доверие изменило его, трансформировало его. Он человек отважный, героический, храбрый — без задавания любых “почему”. Он знает как любить, он знает как входить в будущее без привнесения бремени прошлого. Внутренний проводник оказывает уважение.

Хидр сказал: “Поднимайся сейчас же и оставь этого рыбака...”

Полночь. Сейчас все устроено, рыбак очень счастлив. Всякий раз, как вы устраиваетесь, внутренний проводник выведет вас из равновесия снова. Всякий раз, как вы устраиваетесь, Мастер выведет вас из равновесия снова. Потому что вам не позволено устраиваться нигде перед Богом, отсюда постоянное выведение из равновесия.

Все это стоянки на Пути. Вы можете переночевать, но утром вы должны уходить.

Среди ночи Хидр говорит: “Вставай сейчас же и оставь этого рыбака”. И с Мастером это всегда сейчас, это никогда не завтра. Было бы гораздо легче и более сострадательно сказать ему: “Сейчас ты можешь отдохнуть, но завтра утром отправляйся”. Но это всегда сейчас! Для Мастера единственное время, что существует, это сейчас и единственное пространство, что существует, это здесь.

“Ты будешь обеспечен”.

Теперь все изменилось. Он не говорит: “Возможно, ты будешь обеспечен”. Нужны небольшие словесные нюансы, и перед вами раскроется тайна истории. Сначала он сказал: “Возможно, кто-нибудь спасет тебя”. Теперь он говорит: “Ты будешь обеспечен”.

Что же изменилось?—Доверия, проявленного Моджудом, достаточно. Нет нужды говорить “возможно”. Он испытан на “возможно”, он доказал свой характер. Теперь все может быть сказано, как есть.

На самом деле нет “возможно”. Если вы медитируете, самадхи гарантировано. Если вы влюбляетесь в живого Мастера, просветление гарантировано. Нет никакого “возможно”, но “возможно” должно быть использовано, просто дать вам удобный случай расти в доверии. Раз доверие возникло, для “возможно” не будет нужды.

Моджуд тотчас же покидает хижину. Он даже не просил повременить: “Я могу уйти завтра. Куда я пойду ночью? Такая темень. И, что за смысл отправляться ночью, и куда”.

Нет, он просто покидает хижину, одетый как рыбак, и бродил до тех пор, пока не пришел к торговому пути. Когда рассвело, он увидел крестьянина на осле по пути на базар. “Не ищешь ли ты работу?”, — спросил крестьянин, — “мне как раз нужен человек помочь донести товар”. Моджуд последовал за ним...

Вот как это случается во внутреннем путешествии. Если вы можете доверять, то или другое всегда произойдет и поможет вашему росту. Вы будете обеспечены. Что бы ни потребовалось, в нужное время будет дано вам, и никогда до этого. Вы получаете только когда нуждаетесь, и нет даже одного мгновения промедления. Когда вы нуждаетесь, вы получаете, непосредственно, тотчас же! Это и есть красота доверия. Скоро вы узнаете пути, как существование продолжает

обеспечивать вас, как существование продолжает заботиться о вас. Вы не живете в безразличном существовании. Оно не отвергает вас. Вы напрасно тревожитесь; все предусмотрено. Раз вам удалось узнать это, всякая тревога исчезает.

Моджуд последовал за ним. Он проработал у крестьянина около двух лет, за время которых научился многому по сельскому хозяйству и кое-чему еще.

Это также будет происходить здесь.

Вот, Ашеше может и научился многому по плотницкому делу, а как насчет чего-то еще? Кришна может и стал совершенным часовым, а как насчет чего-то еще? Мукта может и научился многим вещам по садоводству, а Дикша по приготовлению пищи, ну а насчет чего-то еще? А идея должна возникать много раз в вашем уме: “Что я делаю здесь? Три года прошло, а я только убираю пол. А как же медитация? И как же просветление?! И как же окончательное?! А я пришел для этого, но я только убираю пол или мою овощи, или поливаю саженцы! Как же настоящая цель?!”

Только доверие знает, что пока вы убираете пол, что-то очищается и внутри вас тоже. Пока вы поливаете саженцы, кто-то в глубине поливает и ваше существо тоже. Если вы доверяете, возможно все; такова магия доверия. Уборка — это медитация, приготовление пищи — это медитация, мытье — это медитация. Медитация — это не что-то отдельное от жизни; это качество, которое можно привнести в любое действие, — и действие тотчас же трансформировано.

Как-то днем, когда он укладывал шерсть, перед ним появился Хидр и сказал: “Оставь эту работу, ступай в старинный город Мосул и используй свои сбережения стать продавцом кож”.

Это и есть то, что продолжает происходить здесь. Мадхури работает в библиотеке. Вдруг однажды она получает послание: “Оставь библиотеку. Отправляйся на какую-то другую работу”. Если есть доверие, не будет раздражения, тревоги, — ведь вы здесь не для библиотеки или кухни, того или этого. Все это средства! Вы здесь учиться путям доверия.

“Оставь эту работу, ступай в старинный город Мосул и используй свои сбережения стать продавцом кож”.

До сих пор он никогда не бывал продавцом кож, но он повиновался.

Моджуд повиновался.

Это определение ученика: тот, кто просто повинуется.

В Мосуле он стал известен как продавец кож, Хидра он не видал никогда за то время как усердно занимался своим ремеслом три года. Он скопил довольно большие деньги и уже думал покупать дом, как вдруг появился Хидр и сказал: “Отдай мне свои деньги, отправляйся из этого города в далекий Самарканд и работай там бакалейщиком”.

Моджуд так и сделал.

Это будет происходить с вами тоже, много раз,—эта история является вашей историей. Вы живете в мире Су* физма. Вот почему я говорил прислушаться к этой истории так глубоко, как это возможно, позволить погрузиться в нее! ся внутрь!

Теперь он собрал большую денежную сумму и естественно задумал приобрести дом. А за три года он не слышал Хидра вообще. В момент, когда вы начинаете думать о приобретении дома—это момент, когда вы задумали устраиваться — приходит Мастер и выводит вас из равновесия. Если бы он не подумал о доме, Хидр, возможно, все еще не появился бы. Но в тот момент, когда у него были деньги, возможность сделаться домовладельцем, приобрести дом и обосноваться

навсегда...

С Мастером вы не можете никогда устроиться навсегда где-либо. Мастер должен продолжать изменять вас. В миг, когда вы чувствуете, что теперь ваши корни погружаются глубоко в почву, вы будете разукоренены. В миг, когда вы чувствуете: “Теперь я научился этой работе, и я выполняю ее эффективно”, — ваша работа будет изменена, — ведь задача не в этом, когда вы живете в Поле Будды. Задача состоит в постоянном сохранении вашей небезопасности, так что однажды вы узнаете красоту неопределенности, однажды вы забываете обосноваться, и само паломничество становится вашей целью. Когда само путешествие является целью, тогда ваша жизнь — это жизнь санньясина.

Хидр появился и сказал: “Отдай мне свои деньги...”

Теперь он заработал, проработав непрерывно три года, и все надежды разрушены. И не только деньги отобраны, ему приказано отправляться как можно дальше в несравненно более далекий Самарканд и работать там бакалейщиком. Моджуд так и сделал.

Вскоре он начал проявлять бесспорные знаки озарения.

Это естественно. Если ваше доверие настолько велико, сколько же вы можете оставаться темными? Если есть такое доверие, такое необъятное доверие, сколько же вам можно оставаться обыденными?

Удивительные вещи начали случаться вокруг него.

Вскоре он начал проявлять бесспорные знаки озарения.

Он стал сияющим — Он исцелял больных, помогал своим товарищам в лавке, когда освобождался, а познанные им тайны становились глубже и глубже.

А он не обучался ничему! Поймите весь смысл этого: он не обучался ничему, ему не давалось никакой информации, все же его прозрение в тайны росло. И не только это, он сам становился таинственным, теперь людей исцеляло его прикосновение, теперь люди могли видеть нечто, окружающее его, — ауру.

Теперь, когда люди приходили к нему, они чувствовали, что приблизились к очень, очень прохладной энергии. Они приходили с тысячью и одной тревогой, и внезапно их тревоги исчезали. Сидя рядом с Моджудом, они начинали ощущать нечто религиозное. Тайны оказывались глубже.

Помните, познания, информация, — все это заимствовано. Подлинная религия никогда не случается как познание, — только как откровение. Познание — это человеческое усилие знать о реальности. Откровение является Божественным, не человеческим. Всякий раз, когда кто-нибудь доверяется достаточно, Бог обнаруживает Себя, Он открывает Свои тайны.

Эти тайны открыты не из-за вашего любопытства, эти тайны открыты благодаря вашему доверию.

Познание приходит из любопытства, мудрость приходит из откровения.

Теперь благоухание начало распространяться.

Церковники, философы и другие посещали его и спрашивали: “У кого ты учился?”

Вот это и есть то, о чем всегда спрашивает глупая личность: “У кого ты учился?” Церковники, теологи, философы, профессора, ученые люди, знатоки — им известен только один путь познания. Кто информировал вас? Кто был вашим учителем?” Они не знают, что это совсем, совсем диаметрально противоположный путь знания, настоящий путь знания: никто не дает вам никакого познания, вы просто становитесь более безмолвными, восприимчивыми, более и более женственными и мягкими, и вдруг некая неведомая энергия начинает открывать все перед вами.

Нет учителя. Жизнь сама становится учителем.

Моджуд сказал: “Трудно сказать, у кого я учился. Я не учился ни у кого. Я не учился вообще, я не ученый человек. Это случилось, несомненно. Я узнал определенные вещи, но я не знаю от кого, кто, пронизывая мое существо, из каких далей проник внутрь меня. Я не знаю ничего”.

“Трудно рассказать...”

Его ученики спрашивали: “Как ты начинал свою деятельность?” Он говорил: “Мелким служащим”.

Сейчас это к делу не относится. Они не спрашивают, как он начал зарабатывать свой хлеб. Они спрашивают: “Как ты начал становиться великим святым?” Однако он говорит: “Этого я не знаю. Все, что я знаю, это то, что я был мелким служащим в городе. Я окончил бы как Инспектор Мер и Весов”.

Тогда ученики попытались разузнать:

“Но ты оставил это, чтобы посвятить себя аскезе?”

“Нет, я просто оставил это”.

Поймите суть. Если вы даете что-то для того, чтобы что-то получить, это не отречение. Если вы отрекаетесь от мира, чтоб попасть на Небеса, это не отречение. Это простая сделка. Вы ловки, умны и расчетливы.

Он говорит: “Нет, я просто оставил это. В действительности не было причины оставлять это. Фактически, было почти безумием оставлять это. Я не жаждал достичь чего-то. Я не оставлял это ради чего-нибудь, я просто оставил это”.

Они не понимали его...

Ведь без мотивировки, как вы сможете заниматься чем-нибудь? Доверие знает, как действовать без мотивировки.

Люди предлагали ему описать историю своей жизни.

Скоро он стал известным.

“Что произошло в твоей жизни?” — спрашивали они.

Прислушайтесь к его ответу. Он один из самых прекрасных.

“Я прыгнул в реку, стал рыбаком, потом ушел из его тростниковой хижины посреди ночи. После этого я работал у крестьянина. Во время укладки шерсти я изменился и отправился в Мосул, где стал продавцом кож. Там я накопил кое-какие деньги, но отдал их. Потом я отправился в Самарканд, где работал бакалейщиком. И вот я здесь”.

Ну что это за вид духовной жизни?

- “Но это необъяснимое поведение не проливает света на твои необыкновенные способности и удивительные наизидания”, — говорили биографы. “Так оно и есть”, — говорил Моджуд.

Он совершенно согласен: “Так оно и есть”. Он тоже озадачен, ведь он ничего специально не делал, чтобы стать духовным. Делать что-нибудь особое, чтобы стать духовным, это надежный способ потерять это. Духовность — это дар. Она приходит к тем, кто доверяет. Она случается с теми, кто любит, и кто любит беспредельно, кто любит без повода. Она случается с отважными. Она случается с теми, у кого есть великое стремление жить в опасности.

Поэтому биографы сочинили для Моджуда удивительную и захватывающую историю: ибо у всех святых должна быть своя история,— и история должна соответствовать потребности слушателя, а не реалиям жизни.

Вот как были созданы все истории в мире. Иисус не рожден от девственницы; эта история создана для исполнения потребности слушателей. Иисус должен быть особым,— только тогда люди будут счастливы,— их Мастер особенный. Поэтому все мировые религии продолжают фабриковать истории, фикции. Они не истинны. Они здесь для исполнения вашей потребности: “Как может Иисус обычно родиться из женского чрева? Как может Иисус родиться сексуально? Он должен быть необычным”.

А реальность в том, что Иисус был одним из самых обычных людей, так же как Будда, так же как Кришна.

Но, если вы отправитесь в их истории,— никто не обычен. Чудеса изобилуют. Вещи, которые не должны происходить и не могут произойти, происходят. Те истории — просто фабрикация осуществить ваше желание сенсаций. Позади тех историй реальные жизни были утрачены.

Действительно, необыкновенный человек, тот, кто живет крайне обычно, ибо как же вы сможете жить необыкновенно, если ваше эго исчезло? В момент ухода эго вы заживете самой обычной жизнью. Мастера Дзен говорят: “Мы рубим дрова, мы носим воду из колодца. Как восхитительно! Как чудесно!” Рубить дрова? — Восхитительно? Носить воду из колодца? — Чудесно! — Да, так оно и есть.

Поэтому биографы создали истории о Моджуде.

Вот чем они занимались испокон веков — фальсифицировано все. Вы не знаете настоящего Иисуса, вы не знаете настоящего Будду.

Все мое усилие здесь это донести вам истину, их подлинные истории. Вот почему я оскорбляю каждого. Джайны обижены на меня, ведь я рассказываю о Маха, вире, каким он был, не в соответствии с их вымыслами. Они задеты. Их выдумки, что Махавир никогда не потел — в такой стране, как Индия! — что однажды змея ужалила Махавира, и вместо крови молоко вытекло из его тела. Если вместо крови у него по телу течет молоко, скоро оно превратится в творог.

Это настолько глупо! Но тот, кому приходится создавать эти истории, должен сделать своего Мастера величественным. Махавир никогда не писал, никогда не какал.— Он, видно, адски воняет. Но таковы истории, и так обстоит дело с каждым великим Мастером. Биографы исполняют вашу потребность. Они видят, что ваш торговец сенсациями удовлетворен,— но так все становится ложью.

Христиане сердятся на меня из-за того, что я говорю о Христе, как будто он был человеком. Он и есть таков,— но все, все люди божественны, поэтому он божественен! Все животные божественны, поэтому он божественен. Его сущность божественна и ничего особенного. Это очень, очень обычное качество существования. Существование наполнено Богом, переполнено через край Богом, состоит из Бога.

Мусульмане сердиты. Индусы очень сердиты. Почему эти люди сердятся на меня? — Они раздражены тем, что я разрушаю их вымыслы, а они стали чересчур привязаны к своим выдумкам. Запомните. Если вы хотите увидеть истину, вы должны будете суметь разрушить все вы. мысли. Никогда не верьте ни в какие вымыслы, потому что освобождает только истина.

И никому не позволили говорить прямо о Хидре. Вот почему эта история не истинна.

И вот красота Суфиев... они говорят, что даже эта история не истинна, из-за того что никому не разрешали говорить прямо о Хидре. Внутренний проводник настолько неуловим, что не может быть выражен словами, поэтому все, что ни говорится, это только символика.

Вот почему эта история не истинна. Она является изображением жизни.

Это просто символика, притча. Она просто показывает нечто. Это указатель.

Это и есть подлинная жизнь одного из величайших Суфиев.

Подлинная жизнь, только представленная фигурально, символически, метафорически. Эта история не понимается буквально. Это история доверия. Это не произошло именно так, нет необходимости происходить этому именно так. Это просто сюжет.

Если вы помните об этом, у вас будет проблеск подлинной жизни доверия. И мы стараемся прожить эту притчу здесь. Это ваша история. Войдите в эту историю,— не только в ее слова, но в ее смысл. И проживите эту историю. Только прожив, вы узнаете это.

Ошо Раджниш. March 2, 1978

СЛОВО-ОШО РАДЖНИШУ

Вопрос: Вчера Вы говорили, что Дзен — прекрасный сплав Дао и Буддизма, а Суфизм — цветок, расцветший из Ислама и Индуизма.

Является ли Ваше учение сверхцветком — скрещением Суфизма и Дзен?

Это не цветок, это смесь двух благоуханий. Дзен — это сверхцветок, как и Суфизм. К ним нечего добавить, они совершенны. Что касается цветов, они достигли совершенства, к ним нечего добавить — они цветут. Чем я занимаюсь здесь, так это смешиваю их ароматы. Цветет роза, цветет лотос. Оба цветка струят по ветру аромат. Что я делаю здесь, так это пробую смешивать их ароматы, а это вещь очень деликатная. Цветок груб, аромат тонок. Цветок видим, аромат невидим. Цветок материален, аромат чистый дух. Я стараюсь сделать вот что: свести воедино все цветы Тантры, Йоги, Дао, Суфизма, Дзен, Хасидизма, Иудаизма, Ислама, Индуизма, Буддизма, Джайнизма—я стараюсь соединить все ароматы, расцветшие за века. Это уникальный опыт, не проводившийся никогда прежде. Вы благословенны, вам повезло. Возможно, вы еще не поняли этого: пока мгновение живет, его никто не понимает. Вам не приходилось задумываться над этим? Понимали ученики Иисуса, что творится, когда это происходило? Понимали ли они, что в их жизни происходит нечто чрезвычайно важное, что определит судьбу всего человечества на многие века вперед?— Нет, они этого не понимали. Понимали ученики Будды, что происходит нечто чрезвычайно важное? И вы не понимаете. Происходит нечто необычайно важное, чего прежде не бывало никогда, что должно решить все, потому что сейчас прежние религии не смогут выжить, их время прошло. В будущем кое-что исчезнет. Исчезнут нации, потому что Земля стала деревушкой,— они уже бессмысленны,— Индия, Пакистан, Китай, Америка, Канада, Англия, Германия — бессмысленны: мир стал единым. Первый человек в космосе закричал, увидав Землю, как единое целое. Он взглянул на Землю... невозможно было представить, что есть какие-то деления на Америку, Россию, Китай... Он не мог считать себя американцем или русским,— он житель Земли. Он не увидел на Земле никаких разделений: все разделение существует только на политической карте. Земля пребывает неделимой. Человек преодолел барьер гравитации, освободился от притяжения,— Земля стала единой. Теперь это лишь вопрос времени. Нации должны исчезнуть, а с нациями исчезнет мир политиков и мир политики. С Земли спадет гигантский кошмар. И второе, что исчезнет вместе с нациями,— это Индуизм, Ислам, Христианство, Иудаизм. Так же, как политика делит карту мира, религии делят сознание человека. Разумеется, религиозное разделение куда опаснее политического: политика может делить только земли... религии делят сознание человека. Человеку не дозволен свободный доступ к своей сущности. Он должен быть только мусульманином — как узко! Почему? Когда же вы сможете получить все наследие? Если вам принадлежит все прошлое и все будущее—к чему делить? Зачем я должен называть себя либо индуистом, либо мусульманином, либо христианином? Необходимо утверждать целостность. Утверждая целостность, вы становитесь целостными: вы теряете свои узкие деления, разграничения, — вы становитесь целым, вы становитесь святым. Это произойдет, это должно произойти, это обязано произойти, иначе человек не сможет расти дальше. Для человека очень важно отбросить всякие барьеры: нации,

религии, церкви. Единственное, что я делаю, — стараюсь смешать все благоухания, накопившиеся за века цветения человеческого сознания. Лао Цзы — цветок, подобно Будде, Иисусу, Магомету, но теперь предстоит смешать их ароматы в единое вселенское благоухание. Тогда впервые человек сможет стать религиозным, не разделенным. Тогда вашими будут и церковь, и храм, и мечеть. Тогда — ваши и Гита, и Коран, и Веды, и Библия, — все ваше. Вы становитесь безграничны. Нет, я не пытаюсь создавать новый цветок: цветок — это преходящее. Я стараюсь создать из всех этих цветов новый аромат. Это тоньше, неощутимее, это сможет увидеть лишь тот, у кого есть глаза.

Истина едина — иначе и быть не может — ведь существование это универсум, а не мультиверсум. Оно едино одно. Оно сплавлено воедино. Это соединение. Это космос. То, что соединяет универсум воедино, и есть то, что мы называем истиной, Дао или Богом. Дао — не личность, Бог — не личность, но единство, все соединяющее, как нить бусы. Универсум — не груда всего отдельного, самостоятельного, как острова. Нет, универсум — это единое, вместе, — что-то объединяет его воедино... он не распадается на части. То, что объединяет его воедино, и есть Бог, Дао.

К этой истине человек может приблизиться двумя путями. Эти два пути необходимо понять. Истина одна, но путей два. Первый путь — виз аффирматива, — путь, позитивный, утверждающий, путь говорящих “да”, путь верующих. Иисус, Магомет, Кришна шли путем утверждения. Путь утверждения означает путь усилия, великого усилия: здесь стремятся к Богу, прикладывают всемерные, крайние усилия, делают все возможное и невозможное, ставят на карту всего себя. В наше время этим путем, виз аффирматива, шли Гурджиив, Рамакришна. Второй путь — виз негативиз — через отрицание, через “нет”. Путем отрицания шли Лао Цзы, Будда, Нагарджуна. В наше время — Рамана Махарши, Кришнамурти. Оба эти пути следует понять возможно яснее, от этого многое будет зависеть, — однажды вам придется выбрать один из них — Они лежат в разных измерениях; ведут к одной и той же цели, но проходят в разных направлениях. Позитивный путь — это позитивный подход к Богу, достижение Бога, жажда, поиск, вопрошание. Негативный путь — ожидание Бога, это не стремление. Негативный путь за-ключается в том, чтобы лишь держать дверь открытой, — не искать, не стремиться, не вопрошать — только быть восприимчивым, как чрево. Перв'й -- янь, второй — инь. Первый путь более мужской, второй — более женствен-ный. На втором нужно лишь позволить быть Богу — не достигать Его, а предоставить Ему достичь вас. Быть просто в молчании, пустым. Очистить место. Если Он приходит, — вы доступны, вы всегда доступны. На пути воли нужно многое. На пути отрешения ничего не нужно, — именно ничего. Эти пути можно назвать по-другому. Первый путь можно назвать путем аскезы. “Аскезис” — по-гречески значит упражнение. Разнообразные методы, многочисленные упражнения, йога, методики, техники. Второй путь можно назвать путем мистики: никаких упражнений, никаких методов, никакой, техники.

Для первого пути необходимо время, немедленно достичь просветления невозможно: методика требует времени, подготовка требует времени; ждать приходится не одну жизнь. Просветление достигается постепенно, оно не может быть неожиданным. На негативном пути оно может быть совершенно неожиданным, оно может случиться в это самое мгновение. Времени не требуется, поскольку не нужно упражнение. Никуда не надо ходить, нужно только сидеть молча, только быть в состоянии “let go — позволения, хорошо — как — есть. Нет нужды ждать. Путь мистики непостижим, — его невозможно объяснить. Путь аскезы объясним: он научен, логичен. Его можно объяснить шаг за шагом, его можно проанализировать, разбить на элементарные шаги. Шаги можно сделать настолько малыми, что их сможет делать каждый, даже малый ребенок, — здесь возможны ступени. Но путь мистики непостижим, поэтому он и назван мистическим. Никаких ступеней, никаких малых шагов, — квантовый скачок, прыжок в неведомое. Внезапно — молния. Логикой тут не объяснить. Логичный ум станет в тупик. Здесь необходимо великое понимание, основанное не на логике, а на интуиции; основанное не на интеллекте, а на прозрении. Здесь нужен алогичный, отважный ум, готовый прыгнуть сразу через все ступени, готовый окунуться в неведомое, — достаточно отважный, чтобы совершить прыжок. На первом пути вы преодолеваете ступень за ступенью, поднимаясь вверх. На втором — вы бросаетесь в пропасть. Эта пропасть бездонна, это пустота, это абсолютное ничто. Вы исчезаете.

Таковы эти пути, и каждому предстоит решить в своей сокровенной сущности, который из путей его. Решить трудно, но это необходимо, иначе можно до бесконечности заниматься ерундой. Если вы в состоянии совершить прыжок, тогда нет нужды тренировать себя йогой. Если вы не в состоянии совершить прыжка, нет смысла сидеть и ждать.

Главная опасность первого пути — “я”; на этом пути предстоит делать многое; если в вас сильно “я”, тогда вы становитесь делающим, и “я” станет вашим барьером. Здесь необходимо трудиться, но так, чтобы “я” не усиливалось. Главная опасность второго пути — летаргия. Здесь не надо ничего делать и можно впасть в состояние летаргии, можно сделаться отупевшим, мертвым. В этом опасность совершенно естественная: сидя молча, ничего не делая, вы постепенно цепенеете в ступоре, в некоем отупении, теряете остроту восприятия, жизненность, превращаетесь в идиота, такое возможно, здесь необходимо проявлять бдительность.

На первом пути надо следить за тем, чтобы не возвеличивалось “я”. На втором пути надо следить, чтобы не укоренилась летаргия. Если избежать обоих этих ловушек, можно достичь как путем утверждения, так и путем отрицания. Те, кто достигли, достигали и тем, и другим путем. Так что дело не в достижении, а в том, что легче, что больше отвечает вашей внутренней природе, — выбирайте.

На пути отрицания вам оставаться одному, — никакой возможности быть “вместе”. В глубоком бездействии, настолько глубоко, что надо отказаться, отрешиться от самой мысли о действии. Ни желания, ни действия — только лишь бытие. Нужно испытать одиночество. Нужно испытать уединенность.

На пути утверждения Бог всегда с вами, вы никогда не остаетесь одни. Всегда можно говорить с Богом, всегда можно молиться Богу, всегда можно надеяться, что Он с вами. Он вокруг вас, Он держит вас за руку. И на пути утверждения Он рядом, Его рука почти касается вашей. И это не воображение, помните, это не галлюцинация, — это на самом деле так. Когда вы сделали все возможное, внезапно Он становится доступным. Большого вы сделать не в состоянии: вы не удержали ничего, сделали все, что могли, отдали этому всего себя, дошли до своего экстремума, — и с этого момента вступает Он. Но необходимо дойти до экстремума — меньше не доста. точно. Необходимо разогреться до 100 °С, вскипеть, тогда вдруг — испарение. На пути аскезы Бог с вами, вы не бываете одни, всегда можно молиться. Но на пути отрицания молитва невозможна, молитва не допускается, молитва является препятствием. Запомните это: то, что помогает на одном пути, становится помехой на другом. Молитва становится помехой. Спросите идущего путем отрицания, — он скажет: “Молитва означает, что ты все еще не в состоянии оставаться один, что ты все еще привязан к другому. Возможно ты отбросил привязанность к жене, мужу, ребенку, другу, обществу, — но теперь ты спроецировал Бога, теперь ты водишь компанию с Ним и не можешь быть один. Молитва означает, что ты все еще боишься быть один, — ты создал мост к другому, ты жаждешь другого. Молитва лишь означает, что когда ты один, — ты не одинок, но в одиночестве, — тебе недостает другого”.

На пути отрицания одиночество — высшее величие. Спросите мистика, и он скажет: “Одиночество — только пауза. Одиночество — окончательное состояние. Быть одному или с другим — неважно. Существенна одиночество. Одиночество значит эволюция, непрерывность в жизненном опыте; в то время как истинная одиночество значит поворот — действительный, полный, на 180°, — это мутация, метанойя. Обычное одиночество — это путь возврата к другим: всякий раз, испытывая одиночество, вы ищете другого в той или иной форме. Одиночество — это путь возврата к другим. Одиночество — путь возврата к себе”-

Это необходимо помнить. Вот отчего на пути отрицания медитация важнее молитвы. Медитация помогает, молитва мешает. На пути утверждения помогает молитва, медитация просто не обсуждается. Вот почему в Христианстве, Исламе, Иудаизме, Индуизме медитация не нашла развития. Медитация развивалась главным образом в Буддизме и Дао, — это их тайный ключ. Все религии можно поделить на две группы: Индуизм, Ислам, Иудаизм, Христианство — виз афирматива; Буддизм и Дао — виз негатива, — их основа в отрицании.

Индуизм и Ислам достигли высшего расцвета в Суфизме, — это встреча Индуизма и Ислама: из этого соединения вырос воистину чудный цветок, их скрещение — Суфизм. Он выше всего, что есть в Индуизме, выше всего, что есть в Исламе; он выше обоих, он превзошел обоих

родителей. Ребенок прекраснее и матери, и отца — так и должно быть — и мать, и отец растворены в нем. Так что Суфизм — вершина утверждения.

Встретились Буддизм и Дао — и родился Дзен — это экстремум пути медитации. И снова прекраснее и Буддизма, и Дао, прекраснее обоих родителей — снова скрещение.

Встреча Ислама с Индуизмом произошла в Индии. Ислам пришел в Индию, встретился с Индуизмом, и родился чудесный ребенок. Встреча Дао с Буддизмом произошла в Китае. Буддизм пришел в Китай, встретился с Дао, и родился еще один чудесный ребенок — Дзен.

Если из мира исчезнет все и останутся только Суфизм и Дзен — ничто не будет утрачено. Это высочайшее крещендо, но двух разных путей. Суфизм — чистая молитва, Зикр, памятование Бога. Дзен — медитация. Слово “Дзен” — от санскритского слова “Дхьяна”. Дхьяна превратилась в Джхану, так как Будда говорил в основном на Пали. В Китае “Джхана” стала “Чань”, а достигнув Японии — “Дзен”. Но это Дхьяна, по сути своей Дхьяна: быть одному, абсолютно одиноким, не водить компанию даже с мыслью. В этом уединении исчезает все. Один — лишь пустое пространство, один — лишь пространство чистое, прозрачное. В этой чистоте случается достижение: Бог входит внутрь. Суфии стремятся, рвутся к Богу. Ученик Дзен ждет: Бог приходит.

Вопрос: Я действительно чувствую склонность к обоим путям, но вы сказали, что невозможно придерживаться обоих путей сразу.

Я сказал, что это невозможно, но я не говорил, что если вы очень постараетесь, то не сможете добиться хотя бы небольшого успеха. Если вы очень постараетесь, действительно будете упорны, вы сможете добиться небольшого успеха. Даже невозможное может стать возможным, если вы на самом деле упорно поработаете. И я знаю, вы действительно способны работать упорно, потому, что вы сделали многие невозможные вещи возможными. Например, невозможно быть несчастным. Напряженным усилием и упорством вы сделали это возможным. Быть счастливым естественно, быть несчастным противоестественно. Для этого действительно нужно много сил, способностей, энергии, умения, — чтобы стать несчастным необходима длительная практика. Я просто поражен — это чудо. Как вам удалось это? На самом деле, этого не должно быть, этого не может быть, но человек существо очень странное, — он способен на все. Я говорю, что трудно придерживаться двух путей — негативного и позитивного — потому что они диаметрально противоположны, но вы можете попытаться. Послушайте такой анекдот:

Весьма полная леди появляется в театре как раз перед началом представления и протягивает билетеру два билета.

“Где же ваш спутник?” — спрашивает билетер.

“Видите ли”, — говорит леди смущенно — “одно место довольно неудобно, поэтому я приобрела два, но оба они на самом деле для меня”.

“Мне все ясно миссис”, — отвечает билетер, почесывая затылок, — “но вам не повезло: ваши места 51 и 63”. Но вы можете попытаться... вы можете посидеть на одном месте несколько минут, а потом перейти на другое, затем вернуться назад, — вы можете менять их. Придерживаться двух путей невозможно, это точно, но вы можете менять их: один день вы на позитивном пути, другой день — на пути отрицания. Ваше сознание настолько противоречиво, что для вас это окажется возможным. Так что один день вы создаете что-то, на другой день вы разрушаете это. Но вы непременно обнаруживаете, что по-прежнему остаетесь на том же самом месте, где были всегда, вы не сдвинулись ни на дюйм. Днем вы строите дом, ночью его разрушаете: дом не будет выстроен никогда. Вы должны заниматься или тем, или другим; вы можете быть и строителем, и разрушителем одновременно, — но это не реально.

Чтобы занимать позитивную позицию нужен совершенно другой подход: утверждение, всему говорить “да”. Для отрицания требуется диаметрально противоположный подход: говорить “нет”, нужно отрицание, исключение “не то, не то”.

На пути утверждения вы становитесь все больше и больше — таким большим, таким огромным, что однажды все существование будет охвачено вашим существом, — все существование станет частью вас. При отрицании вы продолжаете отрицать, отрицать и отрицать,

и приходите к точке, где вы просто нуль, ничто. Оба пути приведут вас непременно к одной и той же цели: либо вы становитесь настолько огромны, что оказываетесь целым существованием; либо становитесь столь ничтожным, что превращаетесь в нуль. В обоих случаях двойственность исчезает,— исчезает “я” и “ты”. В одном случае “ты” растворяется в “я”, в другом случае “я” растворяется в “ты”, но результат непременно один и тот же: остается одно,— только одно,— двух больше нет.

Утверждающий будет стараться расти, расширяться; отрицающий будет стараться сжаться и исчезнуть. Либо вырасти настолько большим, что существуешь только ты и ничего больше; либо стать таким малым, что существует все, кроме тебя. И от обеих исходных точек вы предпримете прыжок в единое органичное единство целого. Внешние проявления могут различаться: идущий путем утверждения скажет — “Я — Бог”, “Ахам Брахмасми”, “Ан-аль Хак”, “Я истина”, а идущий путем отрицания скажет: “Меня нет”, “Анатта”, “Небытие”. Но вы увидите, что оба они чрезвычайно счастливы, умиротворены. Их покой имеет одинаковый вкус, а их блаженство одного цвета. Если вам встретится Будда и встретится Кришна, вы обнаружите, что они — одно, но говорят различно: Кришна говорит в позитивных терминах, а Будда говорит в негативных терминах. Но если вы понаблюдаете за ними, вы обнаружите одинаковое присутствие, ту же всепоглощающую любовь, сострадание, блаженство, радость, одинаковый покой, одинаковое празднование,— хотя их высказывания будут отличаться, поскольку они обучены различным языкам.

Но тот, кто еще только пытается искать, не может придерживаться обоих путей. Тот, кто еще не достиг, ему лучше сделать выбор. Это будет более практичным, тогда будет меньше сомнений, конфликтов, шизофрении. Никогда не выбирайте две противоположные вещи сразу, иначе они создадут раскол в вашем существе.

Вопрос: Не подскажете ли Вы, каким путем мне идти? Я не уверен в том, какое направление выбрать.

Если не уверены, то лучше не выбирать, а успокоиться и позволить жизни самой сделать выбор, потому что сам факт вашей естественной неуверенности, это будет попыткой сделать определенным то, что таковым не является. Не забегайте вперед. Идите в ногу с жизнью. Если в данный момент ваше сознание не определено, значит так тому и быть,— оставайтесь в состоянии неуверенности. В этом нет ничего дурного. Неуверенность— это свобода. Когда вы неуверены,— вы более свободны, текучи, вы не застыли. Многое возможно, когда вы неуверены. Если вы уверены, вы уже сделали выбор,— а любой выбор — это ограничение. Если вы выбираете путь осознания, вы отбрасываете любовь. Если вы выбираете путь любви, вы отбрасываете осознание. Чтобы вы ни выбирали, в момент выбора ваше сознание сужается, вы превращаетесь в тоннель.

Не делайте из неопределенности проблему. Примите ее за текучее, нескованное состояние своего существования. Быть уверенным совсем не обязательно. Если уверенность приходит сама собой, отлично, тогда это уже не ваш выбор, и он не станет ограничением. Это различие нужно очень хорошо уяснить: если выбор делаете вы, он превращается в ограничение; если жизнь подводит вас к определенной ситуации, тогда это не ограничивает вас. Если любовь случается сама собой, то осознание остается ее частью. Если приходит осознание, любовь остается его частью.

Ваш выбор — это всегда выбор из прошлого, и потому неверен. Божественный выбор приходит из будущего. Если вы почувствуете, что в вас зарождается уверенность, прекрасно, наслаждайтесь этим. Если она снова исчезает и все становится неопределенным,— радуйтесь и этому! Двигайтесь с жизнью без предрассудков, без собственных мнений. Дайте жизни полную свободу, и тогда жизнь тоже даст вам полную свободу. Это всегда прямо пропорционально. Если вы жаждете безопасности, определенности, уверенности, то причина этого — страх. А страх убивает свободу. Я стремлюсь научить вас тому, как быть счастливыми в неуверенности, как идти вперед с открытым умом и открытым всем своим существом, как позволить всему случаться. Не позволяйте застаиваться ничему. Если вы сумеете не забывать об этом, о том, что вам нельзя

превращаться в стоячий пруд,— вы обязательно достигнете океана и никто вам не помешает. Достичь океана—это значит соединиться с Богом. Поэтому живите свободно, в неуверенности, в неопределенности и не стремитесь к тому, что ограничивает это текучее качество. С вами произойдет множество вещей, но ни одна не свяжет вас. Вы пройдете через многое, но выйдете за пределы этого. Все приходит и уходит,— движение остается. И когда вы начинаете любить это движение, будете просто радоваться ему, безо всяких целей и побуждений,— движение есть, а побуждения нет,— то это я и называю празднованием, радостью. Теперь никто не может сделать вас несчастными. Даже если вас бросить в ад, вы и там будете танцевать и веселиться.

Это и есть великая благодать.

Есть религии, которые являются религиями медитации: Буддизм, Джайнизм. Есть религии, которые являются религиями любви: Христианство, Ислам. И это необходимо понять. Иисус — бедный человек, как и Маго. мет. Это не может быть случайным. Махавира — царь, как и Будда. Два царя дали миру религии медитации, а два бедняка дали миру религии любви. Бедняк не может пресытиться “другим”. Бедняк еще не имел слишком много “другого”. “Другой” может быть женщиной, деньгами, властью, престижем или Богом,— не имеет значения — необходим “другой”.

Христианство и Ислам — религии молитвы, любви.— любви к Богу, молитвы Богу. В Буддизме, Джайнизме для Бога нет места, так как нет места для “другого”. Одинокости достаточно. В Джайнизме и Буддизме не существует ничего подобного молитве,— об этом ни слова,— они знают только медитацию. Христианство не знает о медитации ничего. Это не случайно. Эти религии показывают нечто относительно своих основателей.

Я даю вам тотальную религию,— религию, которая позволяет и то, и другое. Если вы чувствуете усталость от “другого”,— войдите в медитацию, качнитесь в медитацию. Если вы чувствуете усталость от одиночества,— качнитесь в любовь. Обе они хороши. Они противоречат друг другу, но благодаря этому противоречию возникает великая радость. Если у вас есть только одно, у вас не будет такого богатства. Одно способно дать вам тишину или великую радость, но оба могут дать вам нечто безмерно драгоценное, с чем нечего сопоставить. Вместе они способны дать вам безмолвный экстаз, мирную радость. В своей сокровенной сущности вы остаетесь совершенно безмолвны, а на периферии танцуете. А когда танцует или поет безмолвие, это самое драгоценное, это высочайший пик. Отсюда и мое настаивание и на том, и на другом.

Джордж Бернард Шоу однажды на званом вечере сидел в углу. Хозяйка дома подошла к нему и заботливо поинтересовалась: “Разве вы здесь себе не рады?” Шоу ответил: “Только это меня и радует”.

Он уяснил для себя великую истину, в этом была великая пронизательность: себя достаточно, чтобы радоваться. Жизнь начинает приобретать качество безмолвия. Но если вы способны радоваться лишь себе, и никогда — другому, то вы утрачиваете другие измерения. Нужно быть способным радоваться и себе, и другому. Вот что я называю целостным человеком, святым человеком.

...И я говорю вам, вы можете стать просветленным в это самое мгновение, потому что моя подготовка — это абсолютно новое измерение. Это существующая повсюду спонтанность, празднование сердца, бытие в гармонии с любовью. Она более созвучна, гармонична, она более раскована. Весь мой подход может быть кратко выражен двумя словами — “let go”, — позволить произойти.

Собрано из: Дао — Путь без пути.

Алмазная сутра.

Discoures, 1987—1988.

СОДЕРЖАНИЕ

Небесный Плод

Высокомерный и щедрый

Ларец с драгоценностями

Ахрар и богатая супружеская пара
Бахаудин и бродяга
Пицца и перья
Взгляд силы
Ничего для человека, кроме того, что он заслужил
Молоко и сливки
Талисман
Диспут с учеными
Сказка о Хирати
Кое-что, чему можно научиться у Мири
Идол сумасшедшего короля
Две стороны
Прием
Аджмаль Хуссейн и ученые
Тимур и Хафиз
Сытый
Чаркхи и его дядя
Заключенный в Самарканде
Книга на турецком языке
Нищие и рабочие
Неизменный
Диагноз
Кашкуль
Корова
Индивидуальность и качество
Рай из песни
Сокревище и Хранители
Привязанность, называемая привлекательностью
Поправка
Святой и грешник
Шейхи плетеных шапочек
Секрет запертой комнаты
Чудо королевского дервиша
Тест Ишана Вали
Скрытые чудеса
Вход в суфийский круг
Рассказ об ибн Халиме
Женщина-суфий и королева
Помощник повара
Почему мокрое не сухое
Книги
Когда человек встречается самого себя
Суфий и рассказ о Хулагу
Рыба на луне
Килиди и золотые монеты
Пшеница и ячмень
Бутылка вина
Сайд Бахаудин Накшбанд
Губка несчастий
Хрустальная рыбка
Носитель печати
Наполненный
Голос в ночи

Крошки
Восприятие
Золотая муха
Кабацкий заклад
Нож
Караван-сарай
Фантазия
Неуместность
Верность
Святылище Иоанна Крестителя
Значение
Метод
Абу Тагир
Содержимое
Пресеивание
Совершенный мастер
Давай и Бери
Доказательство лисы
Возможность
Одолжение
Ткать свет
Объяснение
День и ночь
Источник Бытия
Запачканный
Вахаб Имри
Мошенник и дервиш
Надежда
Желание
Стрелок из лука
Махмуд и дервиш
Стадии
Что в нем
Здоровые и нездоровые
Жаркое из барашка
Нахождение ошибки
Слушание
Слоненок

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ О СУФИЗМЕ (из книги И. Шаха “Путь суфия”)

Суфизм и ислам
Глубокое понимание

МОДЖУД -ЧЕЛОВЕК С НЕОБЪЯСНИМОЙ ЖИЗНЬЮ

СЛОВО - ОШО РАДЖНИШУ